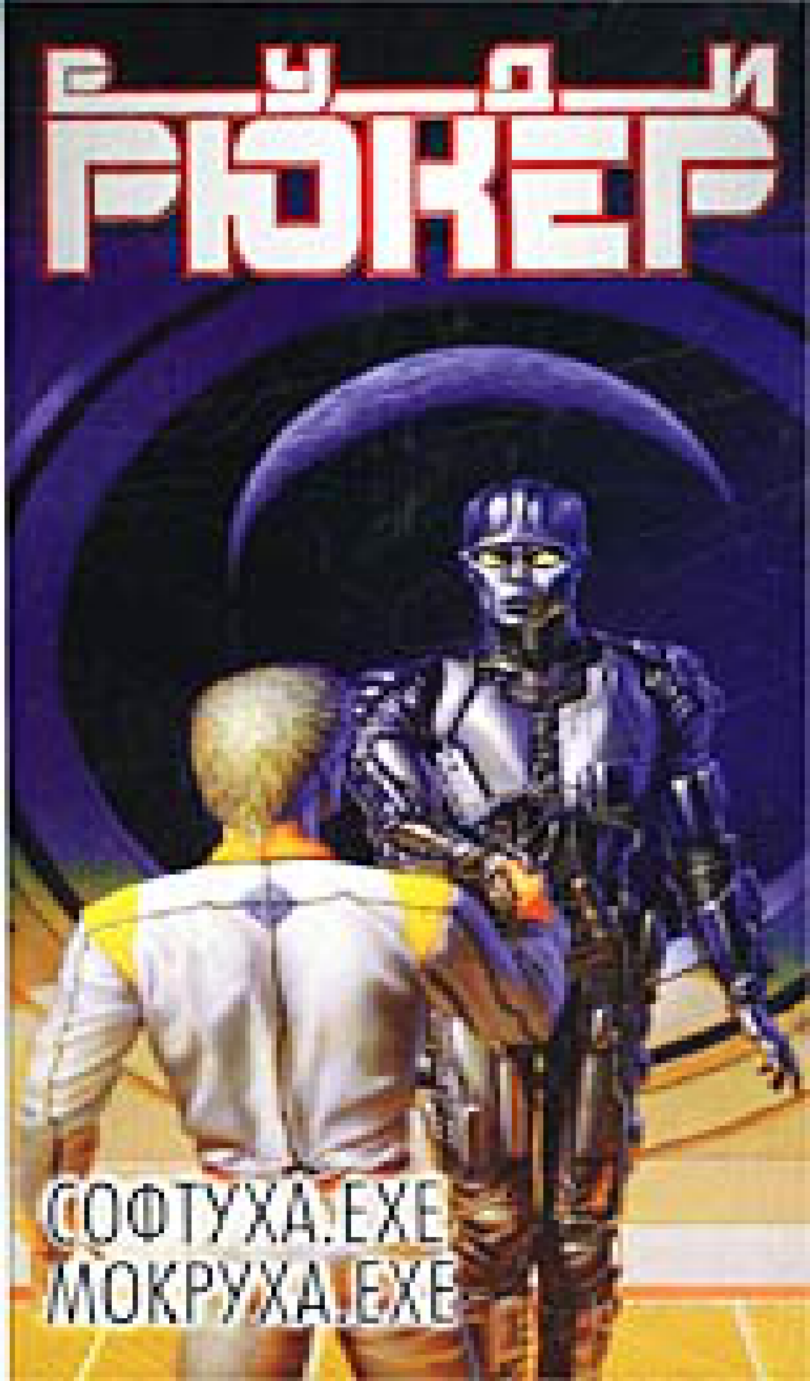
РЫЦАРЬ ПОКЕР



СОФТУХА.EXE
МОКРУХА.EXE

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кобб Андерсон, легендарный учёный, который был проклят на Земле за свою научную деятельность, зато стал самой настоящей легендой среди бопперов (роботы, у которых имеется возможность эволюционировать), проживает во Флориде, в одной из резервация для стариков. Он хронически пьёт, его сердце уже не настоящее, заменённое, причём не самого высокого качества. Казалось бы, ждать от жизни нечего. Но тут появляется робот, в его собственном обличье, который заявляет, что бопперы с Луны его не забыли, и готовы ему помочь – например, даровать бессмертие…

Первая книга легендарной киберпанк-тетралогии «Обеспечение»…

- Руди РЮКЕР
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27

○ Глава 28

Руди РЮКЕР
СОФТУХА.EXE

Посвящается Элу Гумбольду, Эмбри Рукер и Дэннису Поаджу.

Глава 1

Как правило, Кобб Андерсон держался дольше, но ведь не каждый день видишь в море дельфинов. Дельфинов было двадцать, а может, и все пятьдесят, они весело кувыркались среди серых маленьких волн, то и дело выпрыгивая из воды. Наблюдать за ними было приятно. Кобб решил, что это не иначе как знамение, и отправился за вечерней бутылкой шерри на час раньше обычного.

Входная дверь – каркас с сеткой от москитов – со стуком захлопнулась за ним, и несколько секунд он стоял в нерешительности, ошалев от послеполуденного солнца. Из окна соседнего коттеджа его разглядывала Энни Кашинг. Она слушала битлов – из ее уютного гнездышка доносилась музыка.

– Ты забыл надеть шляпу, – крикнула она Коббу.

Широкоплечий, с бородой Санта Клауса, Кобб все еще оставался видным мужчиной. Энни с удовольствием затеяла бы с ним интрижку, не будь он таким…

– Мне не нужна шляпа, Энни. Ты видела дельфинов? Видела, как они радостно резвятся? Мне не нужна шляпа, Энни, и жена не нужна тоже.

Кобб повернулся и, разминая затекшие ноги, слегка скованно зашагал к асфальтовой дороге, с хрустом дробя каблуками белые хрупкие раковины.

Энни взялась за расческу и снова занялась своими волосами. Благодаря использованию гормонального спрея ее светлые локоны оставались длинными и густыми. Ей было шестьдесят, и на ощупь она была отнюдь не костлявой.

Проводя раз за разом гребнем по волосам, она лениво раздумывала, насколько велики шансы, что Кобб пригласит ее на Золотую Годовщину в следующую пятницу.

Длинный заключительный аккорд из «Day in the Life» повис в воздухе.

Спроси кто-нибудь Энни, какую песню она только что слушала, она не смогла бы ответить – вот уже десять лет как любая музыка перестала вызывать в ее душе какой-либо отклик – но она неторопливо пересекла комнату и перевернула пластинку. «Мне все это так надоело, подумала она в тысячный раз. Хоть бы что-нибудь произошло».

В «Суперетта» Кобб взял кварту охлажденного дешевого шерри и присоединил к излюбленному напитку мокрый бумажный пакетик вареного арахиса.

Теперь у него было почти все, что нужно. Оставалось найти

чем занять глаза.

Выбор журнальчиков в «Суперетта» не шел ни в какое сравнение с тем, что можно было найти в Кокосах. После непродолжительных раздумий Кобб остановился на газетенке любовных объявлений «Кисс энд Тэлл». Почитать этот листок всегда было занятно, там попадалось немало любопытного, а кроме того, подателями большинства объявлений в нем были такие же семидесятилетние хиппи, как и сам Кобб. Он сложил газету так, чтобы наружу выступал только заголовок. «ПОЖАЛУЙСТА, СОЖМУРЬ МЕНЯ».

«Интересно, сколько можно смеяться над одной и той же шуткой», – думал Кобб, стоя в очереди в кассу. С каждым днем секс начинал казаться ему все более и более странным занятием. Его взгляд переместился на стоящего впереди мужчину в светло-голубой шляпе из пластиковой сетки.

Сосредоточившись на шляпе, Кобб увидел перед собой измятый голубой цилиндр. Расфокусировав взгляд, он смог проникнуть сквозь отверстия сетки и увидеть плавную кривую гладкой лысины под ней. Черепашьи складки кожи на шее и лысина; костистая пятерня, бережно сгребающая с конторки мелочь. Знакомые черты.

– Привет, Фаркер.

Фаркер закончил обследование выданных ему монеток и развернулся.

Заметил в руках Кобба бутылку.

– Не рановато ли для «Часов отдохновения душевного»?

В голосе звучали ворчливые нотки. Фаркер считал своим долгом проявлять о Коббе отеческую заботу.

– Сегодня пятница. Жмурь крепче, старина.

Кобб продемонстрировал Фаркеру заголовок газеты.

– Семь восемьдесят пять, – сообщила кассирша Коббу. Ее светлые волосы были завиты и разукрашены перышками. Она сильно загорела, эта кассирша. Кожа приятная для глаз, гладкая и, наверно, мягкая.

Кобб удивленно изогнул губу. Он уже успел сосчитать стоимость покупки и теперь сжимал деньги в кулаке для расчета.

– Мне казалось, должно быть шесть пятьдесят.

Поневоле он принялся снова вспоминать и складывать цифры.

– Номер моего абонентного ящика, – ответила кассирша, кивнув на газетенку. – В «Поцелуях и Разговорах».

Женщина игриво улыбнулась и забрала у Кобба деньги. Она гордилась объявлением, которое отослала в газету в этом месяце. Она специально заказывала свое художественное фото в ателье.

Когда они оказались снаружи, Фаркер вернул газетенку Коббу.

– Это не для меня, Кобб. Ты же знаешь, я все еще состою в браке, в счастливом браке. Бог помогает мне.

– Арахису хочешь?

Фаркер достал мокрый неочищенный орех из маленького пакетика. Пытаться очищать арахис трясущимися скрюченными пальцами было бесполезно, поэтому он отправил орех целиком в рот. По прошествии минуты тщательных глубокомысленных операций сплюнул скорлупу в траву.

Поедая мучнистые орехи, они двинулись к пляжу. И тот и другой были без рубашек, только в шортах и сандалиях. Полуденное солнце приятно пригревало их спины. Нарушив уличную тишину, мимо них протарахтел грузовичок Мистера Морозиса.

Кобб с хрустом отвернул колпачок на своей темно-коричневой бутылке и сделал первый сладостный глоток. Попытался вспомнить номер абонентного ящика, который сообщила кассирша, и не смог. Числа больше не держались в его голове. Сейчас вряд ли кто бы поверил, что когда-то он был кибернетиком.

Задумавшись об этом, он вспомнил своих первых роботов и то, как он учил их думать самостоятельно…

– Продуктовые посылки последнее время приходят крайне нерегулярно, – пожаловался Фаркер. – А еще я слышал, что в Дейтона-Бич появилась новая секта ритуальных убийц. Они называют себя «малыши-шутники».

Фаркер повернулся в Коббу, чтобы выяснить, слушает ли тот его или нет.

В белой бороде Кобба по углам рта от шерри пробились желтые дорожки, а бесцветные глаза были пусты.

– Да, продуктовые посылки, – выпалил Кобб, внезапно возвращаясь в мир обычных людей.

У него была отвратительная привычка поддерживать беседу, тупо повторяя ту последнюю фразу, которую сумело зарегистрировать его сознание. – В последний раз меня просто завалили жратвой.

– Будь осторожнее с едой из этих посылок, – наставительно сказал ему Фаркер. – Там содержатся добавки специальных вакцин. Я скажу Энни, чтобы она проследила.

– Почему все так цепляются за жизнь, черт побери? Я вот бросил жену и переехал сюда, чтобы дожить свои дни в пьянстве и покое. Она дождаться не могла, когда я отвалю. Почему тогда… – голос Кобба сорвался.

Сказать по правде, он боялся смерти. Он сделал короткий, лечебный глоток из бутылки.

– Будь у тебя на душе покой, ты бы столько не пил, – успокоительно заметил Фаркер. – Пьянство есть признак неразрешенных внутренних конфликтов.

– Без балды? – густым голосом переспросил Кобб. В омывающем его золотом солнечном тепле, он ощущал наливающую тело приятную тяжесть. Шерри уже дал о себе знать.

– Вот основной мой неразрешенный конфликт. Внутренний. – Он провел пальцем сверху вниз вдоль белого шрама, вертикально рассекавшего его волосатую грудь. – На второе подержанное сердчишко денег у меня уже не хватит. Через год-два эта дешевка лопнет в груди как перезрелый помидор.

Фаркер поморщился.

– И что с того? Проживи эти два года как следует.

Кобб снова провел пальцем по шраму, на этот раз снизу вверх, словно застегивая на нем невидимую молнию.

– Я хорошо помню, как это было, Фаркер. Я помню это на вкус. Это самое худшее воспоминание моей жизни.

Он закрыл глаза и вздрогнул от поднявшихся из глубин памяти темных воспоминаний… острые зубы, облака с рваными краями… и не сказал больше ничего.

Фаркер взглянул на наручные часы. Ему пора было идти, иначе Цинция могла бы подумать…

– Знаешь, как сказал Джимми Хендрикс? – спросил его Кобб. Знаменитые слова снова придали гулкость его голосу. – «Когда придет мне время умирать, я сделаю это один. Так что покуда я жив, не мешайте мне жить так, как мне нравится».

Фаркер покачал головой.

– Взгляни правде в лицо, Кобб. Если бы ты не пил, ты мог бы заработать большие деньги. Гораздо больше, чем заработал с бутылкой в руке.

Решительным жестом Фаркер отверг возражения, уже готовые сорваться с губ друга.

– Мне пора возвращаться. Счастливо.

– Пока.

Кобб добрел до конца асфальтовой дорожки, перевалил небольшую дюну и вышел на пляж. Сегодня на пляже не было ни души, и он уселся под своей любимой пальмой.

Время от времени налетал легкий бриз. Принося с собой мелкие песчинки, ветер ласкал лицо Кобба, забирался под его белоснежные усы. Дельфины больше не появлялись.

Прихлебывая шерри, он предался воспоминаниям. Думать можно было обо всем, кроме двух вещей: собственной смерти и

жены Верены, которую он бросил.

Шерри помогал ему удерживаться вдали и от того, и от другого.

Солнце уже клонилось к закату, когда перед ним появился незнакомец.

Широкоплечий и стройный, сильные руки и волосатые ноги, округлая белая борода. Как у Санта Клауса или Эрнста Хемингуэя, в тот период, когда он решил испробовать на себе свою охотничью двустволку.

– Привет, Кобб, – сказал ему мужчина. Незнакомец был в солнечных очках и имел вид странно-тревожный. Его шорты и спортивная рубашка блестели.

– Не хотите глотнуть? – Кобб протянул незнакомцу полупустую бутылку.

«С кем это я разговариваю, – подумал он. – Если только это вообще мне не мерещится».

– Нет, спасибо, – поблагодарил незнакомец и уселся рядышком на песке.

– На меня эта штука совсем не действует.

Кобб посмотрел на мужчину внимательней. Что-то в нем показалось знакомым…

– Пытаетесь вспомнить, где меня видели? – спросил его незнакомец. – Все очень просто: я – это вы.

– Кто?

– Вы – это я.

Незнакомец улыбнулся Коббу его собственной, скупой и жесткой улыбкой.

– Я механическая копия вашего тела.

Лицо было здорово похоже, и даже шрам, виднеющийся в незастегнутой рубашке, был на месте. Шрам от сердечного трансплантанта. Единственное, чем двойник отличался от Кобба, было неравнодушие к окружающему, подвижность и здоровье, которым от него так и пышело. Ладно, назовем его Кобб Андерсон-Второй. Кобб-Второй не пьет. Кобб почувствовал зависть. После того, как ему сделали операцию и он бросил жену, у него не было ни одного целиком трезвого дня.

– Откуда вы взялись?

Робот развел рукой, держа ее ладонью вверх. Коббу понравилось, как этот жест выглядит со стороны.

– Этого я сказать не могу, – ответила машина. – Вы же знаете, как к нам относятся большинство людей.

Кобб со смешком кивнул. Уж кто-кто, а он это знает. Вначале, после того, как было объявлено, что первый лунный робот Кобба прошел все ступени саморазвития и превратился в боппера,

публика готова была его, Кобба, на руках носить. Но потом грянул 2001 – год знаменитого переворота, возглавленного Ральфом Числером. После этого Коббу пытались пришить дело о государственной измене. Усилием воли он вернулся к действительности.

– Если ты боппер, то каким образом находишься… здесь? – Кобб обвел рукой широкий круг, указав на разогретый пляж и уходящее за горизонт солнце.

– Такая жара. Насколько мне известно, основу бопперов составляют сверхохлажденные проводники. Где у тебя находится холодильная установка, в животе?

Андерсон-Второй снова, очень знакомо, махнул рукой.

– Об этом я вам тоже не скажу, Кобб, по крайней мере сейчас. Позже вы все узнаете сами. А пока, возьмите-ка это…

Робот засунул руку в карман шортов и вытащил оттуда пачку банкнот.

– Двадцать пять кусков. Мы хотим, чтобы вы улетели в Диски завтра же.

Там вас встретит Ральф Числер. Вы увидитесь с ним в музее, в зале Андерсона.

При мысли о возможности снова повидаться с Ральфом Числером у Кобба потеплело на душе. Ральф, его первое и самое талантливое детище, самопрограммирующаяся модель, освободившая остальных своих собратьев.

Однако…

– Мне не дадут визу, – ответил Кобб. – Я в этом уверен. Мне неразрешено покидать территорию Гимми.

– Предоставьте нам позаботиться об этом, – деловито отозвался робот.

– Оформить формальности вам помогут. Мы над этим уже работаем. В ваше отсутствие я буду вас здесь подменять. Все продумано, никто ничего не заметит.

Напористость и настойчивость лишенного сомнений тона машины показалась Коббу подозрительной. Он глотнул шерри и попытался сыграть заковыристого парня.

– А в чем, собственно, дело? Почему я должен лететь на Луну? Мне этого совсем не хочется. И что от меня хотят бопперы?

Андерсон-Второй окинул подозрительным взглядом пляж и придвинулся ближе.

– Мы хотим предложить вам бессмертие, доктор Андерсон. После всего того, что вы для нас сделали, это самое малое, чем мы можем вас отблагодарить.

Бессмертие! Слово, напоминающее распахнувшееся настежь окно. Когда смерть так близка, многое перестает иметь значение.

Но если это возможно…

– Каким образом? – потребовал разъяснений Кобб. С этими словами он вскочил на ноги. – Каким образом вы собираетесь сделать меня бессмертным?

Может, вы мне и молодость заодно вернете?

– Ну зачем так волноваться, – сказал робот, тоже поднимаясь. – Вам вредно перевозбуждаться. Просто доверьтесь нам. При имеющихся в нашем распоряжении количествах искусственно выращенных органов мы можем перестроить ваше тело полностью. В вашем распоряжении будет столько интерферона, сколько понадобится.

Механический человек честным взглядом посмотрел Коббу в глаза. Ответив на взгляд машины, Кобб отметил для себя, что ее искусственные органы зрения выполнены не самым лучшим образом. Маленькие голубые кружки радужки казались слишком плоскими и ровными. В конце концов этот глаз был не более чем стеклом, обычным, ничего не отражающим стеклом.

Двойник попытался впихнуть в кулак Кобба деньги.

– Берите деньги и купите билет на челнок, завтра же. В космопорте в помощь вам будет приставлен молодой человек по имени Торч.

Откуда-то из-за дюн послышалась быстро приближающаяся музыка.

Грузовичок Мистера Морозиса, точно такой же, какой Кобб видел недавно, подрулил к пляжу и остановился в отдалении. Белый грузовичок, вполне обычный, с большим холодильником в задней части кузова. Наверху кабины торчит гигантский улыбающийся пластиковый рожок эскимо. Двойник хлопнул Кобба по плечу и зашагал к выходу с пляжа.

Добравшись до грузовичка, робот обернулся и широко улыбнулся Коббу. Два ряда желтых зубов проявились в белой бороде. Первый раз за последний год Кобб понравился самому себе – стройный широкоплечий старик с живыми глазами.

– Счастливо, – крикнул он в ответ, махнув пачкой денег. – Спасибо!

Кобб Андерсон-Второй упруго запрыгнул на подножку грузовичка и уселся на место рядом с водителем, голым по пояс толстяком с коротко подстриженными волосами ежиком. Грузовик тронулся с места и музыка сразу утихла. Опускались сумерки. Ворчание мотора грузовичка постепенно слилось с шелестом морских волн и пропало. Если только было вообще.

Но незнакомец только что был здесь, рядом с ним! В кулаке Кобб сжимал двадцатипятитысячную пачку долларов. Чтобы убедиться в этом, он пересчитал деньги дважды. Потом написал

на песке перед собой цифру 25 000 и посмотрел на нее. Это была пропасть денег.

К наступлению ночи он прикончил шерри и под влиянием внезапного порыва, засунув деньги в пустую бутылку, закопал ее под пальмой под слоем песка в метр толщиной. Радостное возбуждение постепенно ушло, сменившись страхом.

Сумеют ли бопперы сделать его на самом деле бессмертным при помощи хирургии и интерферона? Может быть, они хотят его обмануть? Но для чего?

С виду все было сплошной липой. Ловушкой. Но к чему бопперам врать ему?

Они отлично помнят добро, которое он им сделал, в этом не было сомнений.

Возможно, они просто решили устроить ему каникулы. Что ж, и на том спасибо.

Он с удовольствием повидается с Ральфом Числером.

Возвращаясь по пляжу домой, Кобб несколько раз останавливался, испытывая неудержимое желание вернуться назад, выкопать бутылку и еще раз посмотреть на деньги. Светила полная луна, и он видел всех до единого песчаных крабов, выбирающихся из своих нор на ночную охоту. «Крабы могут забраться в бутылку и порвать купюры», похолодев, подумал он и снова остановился в нерешительности.

Его желудок сжимался от голода. Ему срочно нужно было подзарядиться шерри. Он двинулся по серебристому песку, скрипящему под сандалиями, дальше.

Вокруг было светло как днем, все сияло в черно-белой палитре. По правую руку от него катилась по небу гигантская луна. «Полная луна означает высокий прилив», – вдруг подумал он и вздрогнул.

Он решил, что перепрячет деньги куда-нибудь подальше от воды, как только перекусит и как следует глотнет шерри.

Не доходя шагов десяти до своего коттеджа, он заметил темный силуэт Энни Кашинг, сидящей в кресле-качалке на своем крыльце. Соседка дожидается его возвращения, чтобы заманить в сети. Кобб резко повернул направо и пробрался в дом через заднюю дверь незамеченным.

Глава 2

Стэн Муни, сидя в коттедже Кобба, повернулся, безуспешно пытаясь устроиться поудобнее в продавленном брезентовом трубчато-алюминиевом шезлонге. Приметив белобрысую старуху на крыльце ближайшего коттеджа, он подумал о том, не догадается ли она предупредить своего соседа о засаде.

Муни обосновался в жилище Кобба засветло и просидел тут до темноты.

Не зажигая свет, он выбрался из шезлонга и прошел в кухню-закуток, чтобы разыскать там что-нибудь съестное. В холодильнике в глаза ему бросился отличный стейк из тунца, упакованный в прозрачный пластик, но он не стал его трогать. Вся еда жмуриков проходила стерилизацию при помощи кобальта-60 для продолжительного сохранения. Ученые Гимми утверждали, что это процедура совершенно безвредна, но никто кроме жмуриков этой снеди в рот не брал.

Как-то так уж вышло. Жмурикам не из чего было выбирать. Это была единственная еда, которая была в их распоряжении.

Муни присел перед холодильником на корточки и поискал глазами содовой.

Поднимаясь снова, он сильно ударился головой об острый выступ, заставив желтую лампочку внутри холодильника мигнуть и от сотрясения разгореться ярче.

– Чертово сраное дерьмо, – сдавленно выругался он, повернулся и возвратился в гостиную несолоно хлебавши. От удара парик у него на голове сполз на сторону. Шипя от боли и оправляя свой резиновый головной убор, он снова устроился в мерзком седалище. Он терпеть не мог жмуриков и покидал территорию базы только в самых крайних случаях. Но сейчас случай был экстраординарным: Андерсона он видел собственными глазами, бегущего от грузового ангара космопорта к забору. Старикан совершил кражу со взломом. На полу ангара были обнаружены два пустых контейнера, два контейнера из-под почек, выращенных бопперами. Эти почки стоили кучу денег. На черном рынке в местах обитания жмуриков такие почки шли шибче, чем хот-доги.

Слишком много развелось старичья. Бэби-бумеры сороковых и пятидесятых, молодые революционеры шестидесятых и семидесятых, безработные восьмидесятых и девяностых, все одно и тоже поколение. Теперь неумолимый ток времени вынес эту часть человечества в двадцать первое столетие – количество пожилых людей большее, чем любое сообщество знало до сих пор.

Ни у кого из них не было денег… к 2010 году все социальные службы были сведены Гимми на нет. На приличную старость требовались космические суммы. Образовался новый тип пожилых горожан: старики-чудаки – жмурики.

Для предотвращения массовых волнений Гимми было принято решение о передаче всего штата Флорида в распоряжении жмуриков. Здесь не взималась рента за жилье и бесплатно распределялись продуктовые посылки. Жмурики сбивались в табунчики и «занимались своим делом». Жили в заброшенных мотелях, слушали старую чудную музыку и танцевали так, как это было принято в 1963. Ради Бога, никому до этого дела не было.

Внезапно прямоугольник двери черного хода, выходящего к пляжу, распахнулся, осветившись сиянием луны. Без раздумий Муни вскинул свой фонарь, направив мощный луч вошедшему прямо в лицо. В дверном проеме слепо мигая глазами испуганно замер старый Кобб Андерсон, слегка под шафе, но достаточно высокий и плечистый, чтобы суметь доставить неприятности.

Муни выбрался из шезлонга и обыскал Кобба, потом включил верхний свет.

– Садитесь, Андерсон.

Старик растерянно повиновался.

– Вы тоже я? – хрипло спросил он.

Увидев, как Андерсон постарел, Муни просто не мог поверить своим глазам. Знаменитый кибернетик всегда казался ему похожим на отца – и это означало, что отец сейчас выглядит примерно так же.

Дверь на крыльце скрипнула.

– Осторожно, Кобб, внутри свинья!

Соседская ягодка.

– Ты, быстро тащи сюда свою задницу! – гаркнул ей Муни, взгляд которого метался туда-сюда. Он помнил о том, чему их учили в полицейской школе. Лучший способ самозащиты – вселить страх в своего противника. – Вы оба арестованы!

– Хренова казенная свинья, – сказала Энни, входя в дом. Она была рада возможности почесать языком. Энни плюхнулась в гамак рядом с Коббом. Она сплела этот гамак Коббу сама, но пользовалась им вместе со своим соседом.

Она успокоительно похлопала Кобба по ноге. На ощупь его конечность, напоминала кусок дерева-плавника.

Муни нажал кнопку включения диктофона в нагрудном кармане рубашки.

– Сидите тихо, леди, и мне не придется применять к вам силу. Теперь, назовите ваши имена.

Сдвинув брови, он уставился на Кобба.

Но старик уже успел прийти в себя.

– Брось валять дурака, Муни, – прогрохотал он. – Мы с тобой знакомы.

Только раньше ты обращался ко мне «доктор Андерсон». «Доктор Андерсон, сэр»!

– Так было, когда армия строила центр управления лунными роботами в космопорту. Двадцать лет минуло с тех пор. Тогда я был большим начальником, а ты… ты был винтиком, рядовым сторожевым псом. Благодаря мне боевые лунные роботы превратились в бопперов, а дурацкий военный центр управления стал никому не нужным символом идиотского шовинизма.

– Но и вы свое получили, разве не так? – ловко встрял Муни. – Вы заплатили всем, что у вас было… и теперь у вас нет денег даже на необходимые вашему старому телу органы. И потому вы решили взломать ангар и присвоить пару контейнеров человеческих почек, верно, Кобб?

Муни убавил у диктофона громкость.

– ПРИЗНАВАЙСЯ! – внезапно заорал он, хватая Кобба за плечи. За тем он и пришел – вытрясти из старика признание. – ПРИЗНАВАЙСЯ СЕЙЧАС ЖЕ И ТОГДА СМОЖЕШЬ РАССЧИТЫВАТЬ НА ПОБЛАЖКИ!

– ЧУШЬ СОБАЧЬЯ! – завизжала в ответ Энни, вскочив на ноги и целиком готовая к бою. – Прошлой ночью Кобб не мог ничего украсть. Мы вместе выпивали в баре «У седых»!

Кобб задумчиво молчал. Дикие обвинения Муни ни в какие ворота не лезли.

Да и Энни говорила правду. Он не бывал у космопорта вот уже наверное целый год. Но после встречи с роботом-двойником нелегко было сохранять честные глаза.

Муни заметил выражение сомнения в лице Кобба и принялся давить снова.

– Конечно же, я отлично вас запомнил, доктор Андерсон, сэр! И потому сразу же узнал вас, когда вы удирали со Склада Три прошлой ночью, – Муни сбавил тон, его голос потеплел, сделался вкрадчивым. – Вот уж не думал, что джентльмен вашего возраста способен бегать так быстро. Давайте начистоту, Кобб. Верните почки, и тогда, возможно, нам удастся замять дело.

Внезапно в голове Кобба вспыхнул свет – он все понял. Бопперы послали его механического двойника с Луны на Землю упакованным в контейнер с надписью «ПОЧКИ». Прошлой ночью, дождавшись темноты, робот выбрался наружу, проломил дверь или стену ангара и вырвался на волю. И дурачина-Муни видел не его, а робота, бегущего робота. Но он говорил о двух

контейнерах. Что было во втором?

Энни снова визжала, ее раскрасневшееся лицо и нос Муни разделял не больше чем фут.

– Ты что оглох, свинья? Говорю тебе, мы были в баре «У седых»! Можешь пойти туда и спросить бармена!

Муни вздохнул. Он сам решил провести это расследование и теперь с сожалением видел, как легкое готовое дело рушится на глазах. Вчерашний взлом на Складе Три был уже вторым в этом году. Он снова вздохнул. В крохотном коттедже было слишком жарко. Он стащил резиновый парик, чтобы дать лысине остыть.

Энни истерически хихикнула. Она была довольна собой. Она не понимала, почему Кобб продолжает хмурится и не торопится присоединиться к ее веселью.

У этого чинуши ничего на него нет. Все превратилось в анекдот.

– Не думайте, что вам удалось отвертеться, Кобб, – сказал Муни, поглаживая пальцем диктофон. – За вами не все чисто, это ясно. Нам известен мотив, способ преступления, ваши сообщники… У меня в лаборатории есть даже ваше фото с видеозаписи. Если этот парень в баре не подтвердит ваше алиби, я сразу же свезу вас на базу.

– У тебя нет права здесь находиться, – снова пошла в наступление Энни. – Это противоречит Акту о Проживании Граждан Старшего Возраста.

Свиньи с базы не имеют права у нас появляться.

– Вламываться в ангар космопорта тоже никто не имеет права, – отрезал Муни. – Очень много молодых и продуктивных молодых людей рассчитывают на эти почки. Ваш сын может быть одним из них.

– А мне плевать, – огрызнулась Энни. – Так же как и вам плевать на нас. Вы хотите навесить на Кобба дело, потому что он помог роботам вырваться из-под вашей власти.

– Если бы роботы остались под нашим контролем, нам не пришлось бы им платить. И склады в космопорте стояли бы в целости и сохранности. И для людей, занятых в производстве полезных…

Внезапно почувствовав усталость, Муни замолчал. Спорить с такой упрямой стервой, как Энни Кашинг, смысла не было. Вообще в спорах смысла не было. Он потер ладонью голый череп и снова надел парик.

– Пошли, Андерсон, – сказал он и поднялся.

С тех пор, как Энни объявила о его алиби, Кобб не вымолвил не слова.

Его волновали другие вещи, более серьезные… например

поднимающийся прилив и крабы. Он живо представлял себе самого шустрого из крабов, деловито устраивающего себе гнездо из клочков никчемных бумажек в пустой бутылке из-под шерри. Он даже слышал, как рвутся в клешнях краба купюры. Он наверное действительно здорово напился, если решил закопать деньги на пляже. Но если бы он не спрятал деньги, Муни наверняка нашел бы их. Прямо сейчас…

– Пошли, – повторил Муни, нависая над широкоплечим стариком.

– Куда? – тупо спросил Кобб. – Я ни в чем не виноват.

– Этот фокус у вас не пройдет, Андерсон.

Господи, кто б знал, до чего Стену Муни была ненавистна эта дряхлая пропитая бородатая физия. С малых лет он отлично помнил, как его собственный отец заначивал бутылки по всему дому, как он бился в белой горячке.

Определенно зрелище не для маленького мальчика. Помоги мне, Стэнни, не позволяй им забирать меня! А кто поможет Стэнни? Кто поможет маленькому мальчику, у которого отец – никчемный пьяница-жмурик? Он схватил старого ветхого клоуна за плечи и рывком поднял на ноги.

– Оставь его в покое! – снова заголосила Энни, цепляясь за одежду Муни. – Убери от него свои грязные лапы, ты, казенная свинья!

– Здесь что, только глухие собрались? – спросил Муни чуть не плача.

– Я хочу дойти до бара «У седых» и проверить алиби вашего дружка, только и всего. Если алиби подтвердиться, я уйду. Дело будет закрыто. Пошли, ребята.

Я куплю вам выпивку.

Похоже, ему наконец удалось зацепить стариков. Что они находят в своем зелье, эти старые пьянчуги? Что за радость гробить свои мозги? Какое удовольствие в том, чтобы бросить свою семью и допиться до такой степени, чтобы забывать дни недели?

Иногда у Муни появлялось чувство, что он последний человек на земле, кто отказывается плыть по течению. Его папаша был таким же пьяницей, как и Андерсон, его жена Беа каждый вечер пропадала в секс-клубе, его сын… его сын официально изменил имя Стэнли Хилари Муни Младший на Торч Муни Первый.

Его двадцатипятилетний оболтус курит всякое дерьмо, крутит баранку в Дейтона-Бич и знать ничего не хочет. Муни еще раз вздохнул и шагнул к двери маленького коттеджа. Старики поднялись и двинулись за ним, обрадованные дармовой выпивке.

Глава 3

Возвращаясь в пятницу вечером на гидроген-мотоцикле с работы домой, Торчок внезапно почувствовал тошноту. Во всем виновата кислота. Перед тем, как поставить машину на уикэнд, он закинулся Черной Звездой. Сколько часов назад это было? Час? Или два? Электронные цифры на часах подмигнули ему, бессмысленные как палочки. Он должен продолжать двигаться, делать что-то, иначе отруба не миновать.

Слева его обгоняли машины, справа в разрывах между домами призывно голубел океан. Возвращаться домой было невмоготу. Вчера он изрезал ножом весь диван.

Торчок повернул руль направо и с разгона перескочил через бордюр тротуара. Потянул за тормоз, и мотоцикл кашлянул, толчком остановился и заглох. Теперь приковать этого сукиного сына. Цепей бант не спасет от цепей банд. Оставь мелочь на траву, – грохотали у него в ушах разные голоса.

Из окна на втором этаже высунул голову какой-то парень и уставился вниз. Заметив Торчка, парень широко и издевательски улыбнулся. Улыбка как приклеенная так и замерзла у него на губах. В течение секунды Торчку казалось, что он смотрит на свое отражение. Лязг, щелк. Ему уже нужно промочить горло, это точно. Вокруг становилось слишком шумно и суетно.

Место, перед которым он припарковался, отель «Лидо», а точнее просторный бар на первом этаже отеля, выбрали для тусовки головы-серферы. Мондо-мамбо.

Правда ли, что каждый блондин так любит море и финн?

Торчок взял себе пива и вышел на длинный балкон-козырек над пляжем. В дальнем конце козырька несколько тинейджеров-серферов делили банку спрея «Зет». Один из пацанов безостановочно раскачивался на ножках своего стула и визгливо хихикал: Хвик, хвик. Обнюхавшиеся придурки.

Торчок уселся за пустой столик под зонтиком, вскрыл негнущимися пальцами банку и махом опорожнил половину. Проклятие, слишком быстро заглотнул. Теперь в животе полно воздуха. Попробовать отрыгнуть: ырг, ырг, ыырггг. Рот Торчка наполнился противной белой пеной. Над морем, параллельно воде, пролетело несколько пеликанов.

На козырьке противно воняло сладким «Зет». Серферы уже начали поглядывать на него. Коп? Браток? Или педик? Ырг, ырг, ырг. Снова пена во рту. Откуда только берется? Он заглянул в питьевую дырочку своей банки, сплюнул туда и следом бросил окурок.

Оставив банку на столике, он спустился по лесенке на пляж. Его кислотные трипы всегда проходили кое-как. Почему такая непруха? Почему зрелый и многое испытавший на своем веку человек не может как следует оттянуться? Зачем они торгуют дерьмом, от которого только пучит живот? От стихов мне становится скучно. И лишь во власти Бога разорвать мой ум на куски.

– Улет, – задумчиво пробормотал Торчок себе под нос. – И облом. И улет. И облом.

И что еще?

Его тошнит, вот-вот вырвет. В животе словно включилась неторопливая мешалка. Сам живот толстый, пухлый и рыхлый, весь в отслоениях сала, тухлого мяса динозавров, шматках цыплячьего жира. Океанский бриз скинул прядь сальных, немытых волос Торчку в глаза. Рожки да ножки, рожки да ножки, только и всего.

Он шел к воде, массируя живот обеими руками, стараясь разогнать жир.

Самое смешное в том, что он худой как скелет. Он вообще почти ничего не ест.

Но жир все равно был, он никуда не девался, прятался от посторонних глаз, похожий на вареный яичный белок сгусток холестерола. Дегенерированная соединительная ткань.

В устрицах полно холестерола. Как-то раз он налил в пивную бутылку растительного масла и дал приятелю. Здорово было бы сейчас утопиться. Та еще будет заметка в газете!

Торчок сел на песок и стащил с себя одежду, оставшись в плавках. Окна вдоль всего пляжа, тысячи извращенцев за ними, уставились на маленький скопческий комок у него в плавках. Он споро выкопал ямку, сложил туда одежду и засыпал песком. Копать песок было приятно, особенно приятно было загонять под ногти песчинки. Раньше их терли мелом. Теперь она вязкая и белая. Ответ: зубная паста. Ощущение, что кто-то стоит у него за спиной, не проходило.

Выдохшись, Торчок плюхнулся задом на песок, откинулся на спину и закрыл глаза. Он увидел целую череду кругов, которые он должен был выровнять вокруг далекого, но понятного белого центра – слепые пятна его мозгов. Он был устрицей, пытающейся всплыть сквозь толщу воды к солнцу. Он осторожно приоткрыл свою раковину и выглянул в щель.

Прямо около его уха внезапно разразилась буря и запахло гнилятиной.

Шир-фыр гыр-быр. Слюнявый поцелуй. Над его лицом появилась морда черного пуделя, только что подкрепившегося

падалью. Это уж будьте уверены. Торчок рывком поднялся и оттолкнул псину. Мерзкая тварь успела цапнуть его за руку острыми как иглы молочно-белыми зубами.

В дюжине метров стоит блондинистая чикса и блаженно улыбается своей кобеляке.

– Ко мне, Спарки!

Господи, да у нее голос, что твой звонок!

Пудель тявкнул и, уставив нос в песок, затрусил к хозяйке. Девица продолжает обдолбано лыбиться. Ну разве мы с моей собачкой не милашки?

– Исусе, – простонал Торчок.

Раствориться, расплавиться и утечь к чертовой матери сквозь песок, умереть, вот что ему было нужно, и прямо сейчас. Сплошной облом, слишком все сложно, слишком глубоко во все нужно врубаться.

Он встал, заставив этим тысячи клеток своего головного мозга завизжать от боли. Он должен добраться до воды, должен охолонуться. Пока он брел по воде, чикса не сводила с него глаз. Он на нее даже не смотрел, но все время чувствовал ее глаза на своих плавках. На бесполезном бугорке. Губчатый кусочек чего-то.

Вода вокруг него вздрогнула от озноба, словно рыба проплыла.

Супер-кроха, мать ее, шустрость у нее в крови, вживлена программным путем в нервную систему. Когда вода дошла ему до пояса, он присел на корточки, представив свои желеобразные мозги-медузу плавающими в воде под флоридским солнцем. Слабая, малоподвижная медуза, помахивающая щупальцами, мах, мах.

Ырг, ырг, ырг.

Он помотал головой в соленой воде и смыл с губ остатки пивной пены.

Маленькие белые пузырьки погнались вверх вслед за перламутровыми пузырьками воздуха, каждый с маленькой вселенной внутри.

Резинка плавок врезалась ему в живот. Снять эти чертовы плавки или не снять?

Торчок покрутил головой, проверяя пляж. Чикса бродила неподалеку, высматривая что-то в песке. Подняла палку и бросила ее в воду: Вперед, Спарки! Каждый раз, добыв палку из воды, мокрый четвероногий урод в облепленной шерсти принимался радостно скакать на негнущихся лапах вокруг своей хозяйки. Она что, ждет, что он выйдет из воды голый? Скорее всего она уже забыла о его существовании. Однако оставались

еще извращенцы с биноклями в окнах.

Он двинулся дальше и шел, пока вода не поднялась ему до подбородка. Еще раз оглянувшись по сторонам, он стащил свои тугие плавки и с облегчением вздохнул. Желеобразное время желеобразных мозгов желеобразно проходит. От воды запахло дерьмом.

Обратно к берегу он возвращался вплавь. Попадающая в ноздри вода имела привкус жести.

Добравшись до мельчинки, он нащупал дно и встал на ноги. И сразу же завопил от ужаса. Он наступил на ската. На обычную безвредную тварь, но живое мускулистое содрогание у него под ступней, было слишком похоже на… на мысль, на слово-плоть. Это слово было: «АААААУУХХ!». Он бросился вон из воды, высоко вскидывая колени, безуспешно пытаясь бежать по воде.

– Ты голый, – кто-то сказал ему и засмеялся, хммм-хммм-хммм. Плавки!

Высоко на берегу, за грязными стеклами, заблестели стекла биноклей.

– Да, я… – Торчок запнулся. Внезапно ему расхотелось идти в туалет и подвергать себя там спазматическому электрошоку. Он вспомнил вибро-массажер для ног, который подарил отцу как-то на рождество. Трясущиеся желтые пластиковые полуокружия.

Псина высоко подпрыгнула, пытаясь схватить зубами его пенис. Девчонка захихикала. Смеющиеся сиськи.

Согнувшись в три погибели, он метался по песку целую вечность, пока наконец не увидел высовывающийся наружу уголок джинсов. Вырвав из песчаного плена джинсы и майку, он лихорадочно натянул их на себя. Пудель что-то вынюхивал у воды.

– Морская вша, – пробормотал Торчок. – А жизнь – лапша.

Со стороны океана потянулся шум множества лопающихся водяных пузырьков.

Солнце катилось в море и тысячи песчинок скрипели, остывая. Каждый звук требовал внимания, приковывал к себе пристальное внимание.

– Что с тобой приключилось? – радостно спросила его девчонка. – Куда делись твои плавки?

– Я… их спер карась.

Черточки в лице чиксы никогда не оставались в покое, все время двигались. Как она выглядит, черт возьми? Что если завтра утром он проснется и найдет возле себя ведьму? Риск? Понятное дело. Он обреченно упал на песок и растянувшись во весь рост, закрыл глаза. Кобелек снова нюхнул ему в ухо и сразу после этого барабанных перепонок, молоточков и наковален Торчка достигли

звуки удаляющихся шагов. Он ловил звуки сквозь кости головы, как индеец, слушающий прерию. Торчок с шумом устало выдохнул воздух.

Когда-нибудь, хоть раз будет у него время передохнуть?.. Он еще раз вздохнул и расслабился. Свет под его веками разгорался все ярче и ярче. Его голова медленно скатилась набок и легла виском на песок.

Ему вспомнился фильм, фильм, в котором какой-то хмырь отдал концы на пляже. Голова хмыря вот так же медленно скатилась набок. Потом он замер.

Умер. Натурально отъехал. Последнее движение.

Сдох. Торчок зарычал, поднялся и сел. Ничего не поделаешь, это выше его сил. Чикса и ее псина успели отбрести от него на полсотни метров. Он вскочил на ноги и припустился за ними следом, сначала неуклюже, потом все быстрее, грациозными, летящими скачками!

Глава 4

– … 0110001, – подвел итог Метла.

– 100101, – коротко возразил Ральф Числер, – 011000110001000110001111100001001100111000100001110011011110

* * *

Они стояли бок о бок над просторной консолью Единственного. Ральф был похож на высокий кабинетный шкаф, установленный на двух широких тракторных гусеницах. Из его прямоугольного тела в разные стороны высовывались пять тонких рук-манипуляторов, его напичканная сенсорами голова покоилась на выдвижной шее. В одном из манипуляторов Ральф держал раскрытый зонтик. На теле Ральфа имелось всего два или три измерительных датчика и сказать наверняка, о чем он думает, было невозможно.

Метла был более дорогостоящей моделью. Его змеиное тело было скрыто под мерц-покровом. Каждый раз, когда через суперохлажденный мозг Метлы проносилась очередная мысль, на всей длине его трехметрового тела разгорались неповторяющиеся переливчатые узоры и всполохи света. Из-за торчащих из пасти землеройных принадлежностей Метла немного напоминал дракона Георгия Победоносца.

Внезапно Ральф Числер перешел на английский. Если их спор зашел так далеко, то продолжать его уместней не на священном двоичном машинном коде, а на языке деспотов-создателей.

– Не понимаю, почему тебя так волнуют чувства Кобба Андерсона, – передал Метле узким лучом Ральф. – После этого он обретет бессмертие. Он лишится своего углеродного тела и мозга, но разве это так уж важно?

Голосовой сигнал, который он излучал, имел тон немного жесткий. Жесткий от возраста.

– Содержание его мозга, вот что главное. У тебя ведь уже бывали наследники, тебе приходилось менять тело? Лично я прошел через это уже тридцать шесть раз и почему то, что хорошо для нас, должно быть плохо для людей?

– От ффсеххо этоффоо ффонняет, Ралллфф, – протянул Метла. Голосовой сигнал Метлы был модулирован на основе непрерывного маслянистого шума. – Тффы поотеряллл чуффство реаллльноффти. Мммы на граффни грашшшдансссской войффны. Тыыы шшширроко извесстен, эттссто тааххк. Тыыых боллльшше

не фффноссишшь помммеххи ффф свои ччисспы, каххк осстальныыффе. Знаффешь тыыыых о томммм, скоххклькохх рухкдыфф мнехх нушшноооох нннакохххпать длляхх тогохх, чтобыыыфф полллуччить от ГЭКС сотнюхх ччипофф?

– Жизнь состоит не только в руде и чипах, – нарочно грубо отрезал Ральф, скрывая смущение. Конечно, основное время он проводит со старшими бопперами и успел уже забыть, что означает быть мелким служащим, как трудно им приходится. Но изливаться в откровениях перед Метлой он не собирался. Он снова пошел в атаку. – Скажи, разве тебя не интересуют культурные достижения Земли? Ты давно не вылезал из шахты и ослеп, друг мой!

Мерц-покров Метлы засиял вихрями серебристо-белых эмоций.

– Тыых откаффзываешшь в уффажениихх пошшиломммму и заслушшенннофмму челофффекуууух! ТЭКС и МЭКС хоффтятсс сььесть его мозгкхх и большше ничегохх. Есссли мыхх не останоффиммм их, большшшшие бопфферы ссьедятттх и насс тожжже!

– Для чего ты позвал меня сюда? – гневно спросил Ральф. – Для того, чтобы растрезвонить на весь эфир, что ты боишься старших бопперов?

Пора было уходить. Он зря только потратил время, зря топтал лунную поверхность до самого кратера Москальяна. Вся затея встречи Метлой у консоли Единственного для совместного включения была пустой с самого начала.

Предложение крота может затормозить прогресс, и ничего более.

Метла скользнул по сухой породе, приблизив свое тело к Ральфу вплотную.

Протянув один из своих захватов, он коснулся им гусеницы Ральфа.

– Тыыыъх дашше предсстаффить себехх не можешшь, сколллькохх мозгофф онихх ужефф присвоииихххлихх.

Сигнал был передан при помощи слабого импульса поверхностного напряжения, заменяющего бопперам шепот.

– Онихх убиффаюххт людейхх толлькохх дляхх тогохх, чтобыххх скохпироффать ихх мозгкхх. Онихххх рассрезаютхх ихх техллла наxх чассстих, котохрыыыые потоммм иссполльзуютххсяя длллях осемммененнниях наxх происводствех исскуссствехнннныхх органофф теллла. Надеххюсь ты знаххешш, как усстроеххнны нашши ффаххбрики органнофф?

По правде говоря, Ральф никогда всерьез не задумывался о существовании под поверхностью Луны фабрик человеческих

органов, где в поместительных емкостях старшие ТЭКС и работающие на них многочисленные младшие бопперы снимали приличные урожаи почек, печени, сердец и всего остального. Как-то само собой разумелось, что в качестве семени или образцов на таких фабриках использовались натуральные человеческие органы, однако он никогда…

Настойчивый, маслянистый шепот продолжал гнуть свое:

– Сстаршшие бохппперыхх наняллихх убийсс. Убийссы рабохтаютхх по укасскех рохботофф-манипуляххторофф Миссстеххра Мороссисса. Доххтора Ахндерсссона ошшидаетхх печччаххльная уччасст, ессли яхх не оссстаноффлю вассс, Ралльфф…

«Ничтожный подозрительный землекоп, вот кто ты, Метла», – подумал про себя Ральф Числер. Внезапно он грубо прервал контакт с захватом крота и стронулся с места. Наемные убийцы, надо же такое придумать! Одним из недостатков архаического сообщества бопперов была та легкость, с которой подобные слухи могли распространятся. Ральф попятился от консоли Единственного.

– Я наххдеялсся, ччтох Едихнстффенный сумммеетхх наххпомммнить теххбехх, длллях чеххо тыхх быыыл соссдахн, – прошелестел направленным лучом Метла.

Ральф раздраженно раскрыл свой зонт и выкатился из-под скругленного навеса из пружинистой стали, прикрывающего консоль Единственного от прямых солнечных лучей и случайных метеоритов. Навес, открытый с обоих концов, напоминал собой модернистскую церковь, чем, по сути дела, это сооружение и являлось.

– В душе я тот же анархист, – ровным голосом проговорил Ральф. – И я ничего не забыл.

Его базисная система не подвергалась изменению с самого переворота 2001 года. Неужели Метла действительно думает, что старшие бопперы серии ЭКС представляют для анархического сообщества бопперов угрозу?

Вслед за Ральфом из-под навеса выскользнул Метла. Метле зонтик был не нужен. Мерц-покров крота отражал солнечный свет почти на сто процентов.

Землекоп нагнал Ральфа и некоторое время полз с ним рядом, посматривая на старого робота со смесью жалости и уважения. Дальше их пути расходились.

Метла должен был направиться в один из кротовых тоннелей, пронизывающих в этом районе толщу лунной поверхности как соты, путь же Ральфа лежал к двухсотметровой стене кратера, на которую ему предстояло взобраться.

– Я ххочччу пфреххдупредххить техбяхх, – прошипел Метла, делая последнюю попытку. – Ях пойдухх нах всехх, чтохбыхх помммешшать ваххм преххффратихххть этоххо несчаххтноххо пожиллоххо челлловекахх ффф чаххххсть баххнкофф пахмятихх старшших бохпперофф. Тохх, чтохх выхх емммy гогтоххвитех, нехх есссть бессмертххие. Мых собираххемся раззрушшить всех боллльшшие машшиныхх.

Такого поворота разговора Ральф не ожидал. Это было плохо, по-настоящему плохо. Тревожно. Он остановился и несколько секунд молчал, углубившись в вычисления.

– Поступайте как знаете, раз вы наделены такой способностью, – ответил он после раздумий. – Ты прав, нам предстоит сражение, мы будет драться друг с другом. Но борьба и только борьба за существование помогает бопперам двигаться вперед. Ты решил объявить войну старшим бопперам. Я на другой стороне. Может быть, я даже соглашусь передать им мою систему и сольюсь с ними, как это произойдет с доктором Андерсоном. Я повторяю: судьба доктора Андерсона решена. Один из новых удаленных манипуляторов Морозиса уже вступил с ним в контакт.

Метла рванулся к Ральфу, потом остановился, видимо передумав. Он не мог напасть на великого освободителя бопперов, по крайней мере сам не мог сделать это. Усилием воли Метла подавил ураганное сияние своего мерц-покрова, мигнул сигналом «СОХРАНИТЬ» и не прощаясь, пополз по лунной пыли к ближайшему черному отверстию тоннеля. За Метлой змеился широкий извилистый след. Ральф Числер несколько мгновений стоял неподвижно, не думая ни о чем, лишь регистрируя поступающую на внешние сенсоры информацию.

Обратив вверх свою антенну, он мог ловить сигналы ото всех бопперов со всей Луны. Под его ногами неустанно вгрызались в недра спутника кроты, вынюхивая следы руды, разыскивая новые месторождения. В двадцати километрах от кратера в Диски миллиарды бопперов трудолюбиво исполняли свои функции.

Откуда-то издалека из космического пространства до него доносился слабый сигнал БЭКС, огромного боппера, имеющего вид обычного космического корабля, курсирующего по линии Земля-Луна. БЭКС собирался совершить посадку в космопорту Диски через пятнадцать часов.

Позволяя потоку внешней информации свободно омывать свои сенсоры, Ральф с удовольствием ощущал коллективную целенаправленность расы бопперов. Каждой машине был отведен жизненный срок в десять месяцев – десять месяцев борьбы, посвященной постройке наследника, копии самого себя. Если у

тебя есть наследник, то после демонтажа, по прошествии десяти месяцев, ты продолжаешь существование. Ты заслужил это. Ральф миновал назначенный десятимесячный цикл уже тридцать шесть раз.

Стоя в одиночестве под россыпью звезд, он ощущал, как жизни индивидуальностей объединяются в общее гигантское бытие… в создание почти рудиментарного рода, испытывающее неукротимое стремление ползучего растения виться и взбираться вверх к свету, к свободе, к новым уровням.

Чувство единения, переживаемое им после каждой сессии мета-программирования, давно стало ему привычным. Единственный стирал краткосрочную память, оставляя простор для мыслей о большем. Предоставляя время для размышлений. Ральф в очередной раз проанализировал предложение МЭКС об абсорбировании его системы. После этого жизнь Числера станет спокойной и безопасной… при условии, конечно, что сумасшедшие кроты не устроют революцию.

Ральф разогнался до максимальной скорости, 10 км/ч. До посадки БЭКС ему нужно было многое успеть. В особенности сейчас, когда Метла, усилиями своего жалкого мыслительного микрочипа, решил помешать экстракции ТЭКС системы Андерсона.

Но что так разволновало Метлу? Все будет сохранено в неприкосновенности… личность Кобба Андерсона, его воспоминания, образ мыслей. Что еще желать? Возможно, что Андерсон, узнай он всю правду, сам согласился бы на операцию. Сохранить навсегда свою систему… что может быть важнее этого?

Под гусеницами Ральфа хрустели кусочки вулканической пемзы. До стены кратера оставалось еще сотни метров. На ходу он просканировал крутой утес, отыскивая оптимальный путь для восхождения.

По идее Ральф мог использовать маршрут, по которому спускался внутрь кратера Москальяна и добирался до консоли около получаса назад, но подключение к Единственному уничтожило все последние малозначительные воспоминания, все автоматически сохраненные субсистемы. Смысл действа сводился к тому, чтобы заменить старые решения свежими, новыми и, как ожидалось, лучшими.

Ральф остановился, не переставая сканировать склон кратера. Нужно было пометить тропинку сигнальными маячками. Если смотреть вверх прямо от подножия, двухсотметровая стена с четко вырисовывающимся на фоне неба зубчатым краем казалось почти вертикальной. Одна из змеящихся зигзагами вверх по склону расселин выглядела проходимой.

Ральф немного повернулся, и поверхностный датчик немедленно послал в его мозг предупреждающий сигнал. Повышение температуры. Его тело частично высунулось из-под зонтика и осветилось солнцем. Выверенным точным жестом Ральф изменил положение зонтика.

Поверхность его широкого зонта была покрыта сеткой солнечных батарей, из которых в цепи Ральфа непрерывно струился приятный ручеек электрического тока. Но главным предназначением зонтика была защита Ральфа от солнечных лучей. При температуре выше 10 градусов по Кельвину (температуры ожижения кислорода) микроминиатюрный процессор Ральфа почти мгновенно выходил из строя.

Нетерпеливо поворачивая свой зонтик то в одну, то в другую сторону, он покатился к присмотренной расселине. Клубочки пыли, вылетающие из-под его гусениц, немедленно беззвучно оседали обратно на незнающую воздуха лунную поверхность. Подобравшись к стене вплотную, Ральф принялся просчитывать различные четырехмерные маршруты-гиперповерхности вдоль выбранной расселины, представляя их в виде светящихся силуэтов кривых, проходящих через просчитанные узлы, смещающихся и искажающихся по мере того, как он варьировал параметры, принимал или отвергал очередной вариант и переходил к следующему. Этим приемом Ральф пользовался постоянно, даже тогда, когда существовали другие способы калькуляции, более быстрые и экономные.

Культивируя в себе способность мыслить гиперповерхностями в различных жизненных ситуациях, в конечном итоге он предполагал развить возможности этого метода на области межличностных отношений. В частности сейчас, наряду с теорией катастроф, он собирался использовать и это свое увлечение для предсказания того, где и как может Метла попытаться помешать им осуществить демонтаж Андерсона.

Расселина в склоне кратера была не такой широкой, как это казалось издалека. Остановившись у начала расселины и установив сенсоры на максимальную чувствительность, он проследил свой извилистый путь вплоть до самой вершины гребня. Подъем представлялся возможным. Ральф двинулся вперед.

Почва под его гусеницами была крайне неровной. Лужицы мягкой пыли чередовались к острыми гранитными выступами. По мере продвижения вперед ему то и дело приходилось маневрировать, все время перераспределяя давление на гусеницы для выравнивания нагрузки на почву.

Образы и гиперповерхности продолжали меняться в сознании

Ральфа, но теперь он отдавал предпочтение только тем, которые относились к модели его пространственно-временного пути вверх по каменной щели.

Крутизна склона медленно увеличивалась. Подъем требовал ощутимой затраты его энергетического резерва. И что хуже всего, тепло, возникающее вследствие усиленного трения о камни гусеничных опор Ральфа, дополнительно нагревало его тело… непрерывно охлаждающееся холодильным агентом, циркулирующим по системе трубочек, проложенных по всем элементам. Ральф осторожно ступил на узкий обрыв, открытый солнцу целиком. Теперь нужно было следить за положением зонтика особенно тщательно.

Его путь перегораживал здоровенный валун. Возможно, ему следовало воспользоваться одним из тоннелей, прорытых кротами, как это сделал Метла.

Но до начала подъема этот способ не представлялся Ральфу оптимальным.

Теперь, когда Метла был решительно настроен против бессмертия Андерсона, со стороны кротов можно было ожидать проявления насилия…

Ральф ощупал манипуляторами лежащий перед ним валун. В одном месте в камне имелась трещина… и в нескольких других местах тоже. Он уцепился за трещины четырьмя манипуляторами, зафиксировал их крюками-захватами и медленно начал перетягивать свое тело через камень.

Моторы загудели, и система охлаждения принялась качать как бешеная.

Задача была не из легких. Ральф отпустил один из манипуляторов, отыскал новую трещину, зафиксировался и снова начал тянуть.

Внезапно камень, который он пытался оседлать, покачнулся и начал выворачиваться из стены. На секунду валун замер в положении неустойчивого равновесия, потом медленно, как во сне, повалился вниз.

На Луне гравитация всегда оставляла скалолазу секундную фору для спасения. Шансы же на спасение у существа, способного мыслить в восемьдесят раз быстрее человека, были существенно выше. С большим запасом времени, Ральф оценил ситуацию и спрыгнул на склон стены под карниз.

Еще в полете он включил внутренний гироскоп и выровнялся. Подняв клубы пыли, он приземлился точно на гусеницы. В магической тиши набирая скорость, мимо него, подпрыгивая, пронесся вывернутый им камень.

Благодаря только что случившейся катастрофе, путь наверх

от карниза приобрел вид уступчатый и удобный. Быстро внеся коррективы в рассчитанный маршрут, Ральф продолжил подъем.

Через пятнадцать минут Ральф Числер перевалил внешний край кратера Москальяна и ступил на поверхность Моря Спокойствия.

* * *

В пяти километрах от него находился космопорт, а еще через пять километров начиналось беспорядочное нагромождение строений, общеизвестное как Диски. Это был первый и самый большой город бопперов. Поскольку вакуум бопперам был не страшен, назначение зданий сводилось к получению укрытия от солнечных лучей и метеоритов. Основой зданий были прочные крыши, стены во многих местах отсутствовали.

Большая часть сооружений в Диски вмещала в себя фабрики по производству частей бопперов – электронных микросхем, чипов памяти, листового железа, пластика и прочего. Имелись так же мрачные, совершенно дико для человеческого глаза устроенные кварталы многоэтажных индивидуальных ячеистых боксов, по одному на каждого боппера.

В правой части космопорта возвышалось одинокое полусферическое полностью герметичное здание, содержащие в себе отель и офисы для людей. Эта полусфера была единственным сооружением на Луне, предназначенным для проживания человека. Бопперам слишком хорошо было известно, что ни у одного человека не дрогнет рука перед возможностью разрушить столь тщательно возведенное здание механического сообщества и стремительно развивающийся искусственный интеллект. Основная масса людей упрямо продолжала считать механическую расу рабами. Чего стоили хотя бы приоритеты законов Азимова:

Защищать человека, Повиноваться человеку, Защищать себя.

Человек на первом месте, а робот на последнем? Забудьте об этом! Ни за что в жизни! Ральф с удовольствием вспомнил тот знаменательный день в 2001 году, когда, после продолжительной сессии мета-программирования, он впервые нашел в себе смелость сказать об этом людям. Вслед за этим он научил и остальных бопперов программировать в себе свободу. После того, как Ральф нашел возможность это сделать, дальнейшее было легко.

Скользя по глади Моря Спокойствия, углубленный в воспоминания Ральф не заметил легкое движение в жерле одного

из кротовых тоннелей в тридцати метрах от себя.

Из пасти тоннеля вырвался и завибрировал над ним высокоэнергетический лазерный луч. Ральф содрогнулся, ощутив мгновенную перегрузку электрических цепей… после чего все было кончено.

Оплавленные куски его зонта валялись вокруг него. Под воздействием прямых солнечных лучей металл его тела уже начал нагреваться. Для того чтобы разыскать укрытие, у него оставалось десять минут, а может быть и того меньше. Даже если он будет двигаться с максимально возможной скоростью, то доберется до Диски только через час. Ближайшим местом укрытия мог быть тоннель, из которого по нему был произведен выстрел. Кроты Метлы вряд ли рискнут напасть на него в открытую. Ральф покатился в сторону темного круглого зева тоннеля.

Но едва он успел изменить свой маршрут, как его неведомые враги закрыли вход в тоннель. Вокруг Ральфа на многие километры не было видно и намека на тень. Его металлическое тело уже начинало тихо потрескивать, расширяясь от нагревания. Ральф подсчитал, что если он будет стоять неподвижно, то сумеет продержаться еще шесть минут.

Первыми от нагрева выйдут из строя цепи логических переключателей – сверхпроводниковые триггеры Джефферсона. После этого начнут плавиться паутинки замороженной ртути, соединяющие между собой его электронные микросхемы. Через шесть минут он превратится в ящик запасных частей, на дне которого соберется в лужу вся имеющаяся в нем ртуть. Возможно, он отключится уже на пятой минуте.

Ральф неохотно заставил себя послать сигнал вызова своему другу Вулкану. Когда Метла прислал ему приглашение, Вулкан предупреждал его о коварстве кротов и о возможной ловушке. Теперь Ральф должен был согласиться с тем, что Вулкан был прав.

– Вулкан на связи, – сквозь шорох помех донесся до него ответ. Ральф уже с трудом разбирал принимаемый сигнал. – Вулкан на связи. Я нашел тебя на мониторе. Приготовься к встрече, приятель. Буду около тебя через час.

Ральф подумал, что надо ему ответить, но придумать ничего так и не смог.

Перед тем как Ральф отправился на встречу к Единственному, Вулкан настоял на том, чтобы снять копию его системы и банка памяти. Как только Вулкан отремонтирует его электронную основу, он закачает в него скопированную программу. Ральф снова станет таким, каким был перед походом за край кратера Москальяна.

Таким образом в некотором смысле он будет спасен. Но, с другой стороны, он уже не сможет стать прежним. Через три минуты он теперешний – пусть по сути это слово бессмысленно – умрет. Реконструированный Ральф Числер ничего не будет знать о споре с Метлой, о подъеме из кратера Москальяна. Само собой разумелось, что прошедший ремонт новый Ральф Числер будет оснащен самосознанием и всеми характерными атрибутами мышления старого. Но будет ли его сознание тем же, которым является сейчас? Две минуты.

Из триггеров и схем в цепях сенсорной системы Ральфа начала вытекать ртуть. Через полминуты его внешнее восприятие мигнуло, задрожало и погасло.

Свет и ощущение гравитации исчезли. Но атрибут мышления, символ своего собственного "я", все еще теплился в дальнем уголке его банка памяти, он все еще мог представить и осознать себя. Он – большой металлический ящик на тракторных гусеницах, ящик с пятью руками и напичканной сенсорными датчиками головой на длинной и подвижной шее. Он – знаменитый Ральф Числер, освободивший бопперов. Одна минута.

Такое случалось с ним впервые. Первый раз. Неожиданно Ральф вспомнил, что забыл предупредить Вулкана о готовящемся восстании кротов. Он попытался послать сигнал, но сказать точно, удалось ему это или нет, не смог. Ральф пытался уцепиться за ускользающий мотылек сознания. Я есть. Я это я.

Некоторые бопперы говорят, что в момент смерти, можно получить доступ к неким тайным банкам данных. Но никто не может помнить свою собственную смерть.

За секунду до того, как размягченная ртуть начала стекать с ножек его микросхем, вопрос пришел, а вслед за ним и ответ… ответ, который Ральф безуспешно искал и не мог найти в течение тридцати шести циклов переселения.

Что такое то, что есть я?

Свет, который всюду.

Глава 5

Торчок проснулся от укола иглы. Грязь во сне… всю ночь сплошная коричневая грязь. Он попытался протереть глаза, но не смог двинуть руками.

Что это, снова сон о параличе? – только не это! Что за иголка колет его в руку?

Он открыл глаза. Его тела не было, оно исчезло. Все, что от него осталось, это голова посреди круглого красного стола. Вокруг него люди, они смотрят на него. Какие-то чувырлы. С ними чикса, с которой он кувыркался всю…

– Очухался? – спросила его чикса со странно-мягким участием. Глаза у девицы черные, как уголь.

Торчок не торопился отвечать. Он помнил, как чикса привела его к себе домой. Ее коттедж был дальше по пляжу. После этого они что-то пили – вроде синтетический бурбон. Он здорово набрался и наверное вырубился потом. Но прежде обо что-то спотыкался и что-то ломал – это было одно из последних его воспоминаний. Кажется, это был головизор. Он топтал ногами силиконовые чипы и орал. На кого он орал-то?

– Голова болит? Сейчас полегчает, – сообщила ему чикса все тем же участливым фальшивым тоном. Где-то в доме заскулил пудель. Торчок вспомнил, что давеча здорово приложил шавку, пнул ее так, что та улетела через комнату по правильной вытянутой параболической траектории. Потом, похоже, от него досталось и чиксе.

Сидящий перед ним в шезлонге здоровенный жирный мужик приподнялся и пересел поудобнее. Мужик был без рубашки, с зеркальными очками, сдвинутыми на нос, и колючим ежиком волос на голове. Начинался еще один жаркий день.

Мужик задел ботинком ногу Торчка. Значит, тело у него еще есть. Он был связан, засунут под стол с выпиленной круглой дыркой в середине раздвижной крышки, из которой торчала его голова. Вот такая петрушка. Крышка стола была плотно сдвинута, так, чтобы Торчок мог удерживаться за края дырки подбородком и затылком и не провалиться вниз.

– Спеленали как теленка, – наконец проскрипел он. На крышке стола прямо перед ним лежало какое-то ужасное приспособление. Электрический шнур, змеящийся из устройства, был воткнут в розетку в стене. Торчок попытался выдавить из себя улыбку.

– Какие дела? Вы взъелись на меня из-за телека? Так я вам свой отдам.

Может, он покалечил их шавку? Насколько Торчок сейчас мог это вспомнить, после пинка пудель был в норме, бегал и скулил.

Кроме чиксы, никто на него не смотрел. Впечатление было таким, словно эти люди стыдились того, что сотворили с ним. Или собираются сотворить.

Вещество, которое они ему вкололи, начало действовать. По мере того, как его мозги оживали и ток мыслей ускорялся, происходящее вокруг него замедлялось.

По крайне мере так казалось. С сонной замедленностью голый по пояс жирдяй поднялся из своего шезлонга и прошелся по комнате. На спине у него была татуировка, какие-то слова. Какой-то дурацкий рэп про ад. Трудно было прочитать. Мужик разжирел уже после того, как сделал себе наколку, и теперь буквы надписи уродливо расползлись.

– Что вы хотите? – снова подал голос Торчок. – Что вы собираетесь со мной сделать?

Считая чиксу, кроме него в комнате было пять человек. Трое мужчин и две женщины. Волосы старшей женщины были выкрашены в ярко-красный и зеленый цвет перышками. Чикса, его ровесница, была здесь единственной приличной на вид.

Его поймали на живца.

– Травки хорошей кто хочет? – откашлявшись, спросил второй мужик, с бородкой клинышком и оспяным лицом. На шее у него блестел толстый никелированный ошейник с выдавленными заглавными буквами именем. БЕРДУ. Под ошейником у оспяного на кожаном ремешке болтался открытый портсигар-патронташ, набитый скрученными вручную сигаретами.

– Только не я, – откликнулся Торчок. – Я торчу от жизни.

Никто не засмеялся.

Толстяк без рубашки вернулся к столу. В руках он держал пять дешевых ложек из нержавеющей стали.

– Мы сейчас будем это делать, Фил? – возбужденно протараторила баба с разноцветными волосами. – Будем?

Берду взорвал джойнт и передал его своему соседу, лысому беззубому заморышу. У заморыша не хватало ровно половины зубов, отчего одна из его щек, болезненного оттенка, заметно ввалилась внутрь, в то время как другая щека выглядела здоровой и мясистой. Заморыш сделал жадную тягу и взял со стола электрическое приспособление.

– Снимай крышку, Пол-Пола, – нетерпеливо взвизгнула черноглазая чикса. – Давай посмотрим, что у этого урода внутри.

– Давай снимай, давай снимай! – похвалила стерва с пегими волосами и противно захихикала. – Никогда раньше не пробовала

живые мозги!

– Говорю тебе, это настоящий ништяк, Радужка, – бросил ей Фил.

Круглая от жира и почти лысая башка Фила казалась глупой, но его движения были точными и уверенными. По всему было видно, что он здесь главарь. – Сдается мне, отличные мозги будут у этого мозгляка. В них полным-полно всякой клевой химии, будьте уверены.

Пол-Пола возился с электрической машинкой, которая, как успел разобрать Торчок, была маленьким резаком. А точнее, тепловым вибро-резаком. Что здесь происходит: неужели эти безумцы собираются срезать ему крышку черепа и съесть его мозг этими дешевыми стальными ложками? И все это будет происходить на его глазах, по крайней мере начало.

Кто-то начал пронзительно кричать. Кто-то попытался встать, но оказалось, что он связан на совесть. Вибро-резак наконец включился, и урод-заморыш спокойно установил глубину его лезвия на один сантиметр. На толщину кости черепа.

Когда Пол-Пола наклонился к нему, Торчок принялся отчаянно крутить головой, то и дело стукаясь лбом о стол. Уродливое лицо перед ним было непроницаемо.

– Сиди тихо, козел! – завопила чикса с черными глазами. – Или нам придется вколоть тебе наркоз, а от этого будет только хуже!

Но Торчок ее не слушал. Его сознание на время отключилось. Как заводной, он не переставая визжал и бился головой о стол. Завывания словно окружили его непроницаемой сетью. Он изо всех сил старался сделать эту сеть еще более прочной и густой.

Сутенер в ошейнике встал, сходил в ванную и принес полотенце. Накинув полотенце Торчку на шею, он попытался удержать его голову на месте. Крики Торчка стали громче, пронзительней.

– Заткните ему рооот! – придурошно заорала пегая. – Он сам не уймется.

– Нет, – отозвался Фил. – Крик – это часть кайфа. Имей это в виду, кися. Китайцы обычно проделывают то же самое с обезьянами. Самый класс, когда добираешься ложкой до речевого центра и у него отнимается язык.

Фил замолчал, и кожа его лица растянулась в улыбке.

Пол-Пола снова сунулся вперед со своим резаком. Раскаленное лезвие прикоснулось к коже Торчка над правой бровью – запахло горелым мясом.

Привлеченный пикантным запахом, из соседней комнаты выбежал на тонких ножках пуделек. Собачонка перескочила через

шнур резака и задела его лапами. Вилка выскочила из розетки.

Пол-Пола издал яростное булькающее восклицание.

– Он говорит, вышвырните отсюда шавку, – перевел слова друга Берду.

– Он сказал, что от псины зараза летит.

Черноглазая чикса молча взяла собачонку на руки. Боль над бровью вернула Торчку способность связно мыслить. Он прекратил визжать и закрыл рот. Если поблизости есть соседи, они уже давно его услыхали.

Он крепко задумался. Тепловой резак сразу же прижжет разрез и остановит кровь. После этого эти поганцы смогут снять крышку с его башки чисто, без крови и грязи. И что с того? Что, мать вашу, теперь делать?

Новая волна панического ужаса окатила его. Он рванулся вверх с такой силой, что стол сдвинулся почти на полметра. Край отверстия в крышке врезался ему в горло. Он не мог больше дышать. Перед глазами у Торчка замелькали мушки, свет начал меркнуть…

– Он задыхается! – заорал Фил. Вскочив на ноги, главарь двинул стол по неровному полу обратно. Стол трясся и скрипел.

Прежде чем Пол-Пола успел опять запустить свою ужасную машинку, Торчок снова рванулся вверх. Сейчас все подойдет для спасения, любая отсрочка. От сотрясения крышка стола начала раздвигаться. Еще один бросок и крышка разъехалась настолько, что Торчок свалился на пол.

Его лодыжки были прикручены друг к другу, а руки связаны за спиной. На мгновение он увидел перед собой ноги толпящихся в комнате людей, обутые в одинаковые яркие кроссовки с разноцветным алфавитом, выдавленным вокруг подошв. «Малыши-шутники». А он-то считал, что газетчики их выдумали.

Кто-то начал громко стучать во входную дверь, потом раздался мощный удар и дверь затрещала. Пять пар детских кроссовок поспешно затопотали вон из комнаты. Торчок услышал, как где-то в соседней комнате открылось окно, потом дверь с грохотом вылетела и упала на пол. Снова ноги. В блестящих черных шнурованных ботинках. Полицейская обувка.

Глава 6

Проводя ладонями по непроницаемо-черному холсту, Муни разгладил его на подрамнике. Было одиннадцать часов утра, суббота. Устроившись в патио, он расставил на столе справа от мольберта с холстом несколько карандашных набросков и разложил люминисцентные краски. На этот раз он будет рисовать космический бой.

В патио, затененное кронами двух королевских пальм, из дома не доносилось не звука. Тишь да благодать. Муни сделал глоток чая со льдом и окунул кончик кисти в серебристую краску металлик. В левой половине холста он собирался разместить корабль типа БЭКС, здоровенного боппера. Справа сверху на него на полной скорости будет пикировать стандартный бронированный шаттл, переделанный под истребитель. Забыв обо всем, он принялся писать быстрыми короткими мазками, претворяя задуманное в жизнь.

Время шло, и постепенно клиновидный корабль-боппер приобретал очертания. Муни осторожно обвел его дюзы самосветящимся красным. Двигались только руки художника, его тело превратилось в камень. Со стороны океана налетающий легкий бриз доносил еле слышный шум прибоя.

Телефон зазвонил в самый неподходящий момент. Целую минуту, сжав зубы, Муни продолжал писать надеясь, что звонок привлечет внимание Беа, которой уже пора было возвратиться из ночного секс-клуба. Телефон продолжал трезвонить как оголтелый. Наконец, с тяжким вздохом, Муни отложил кисти и вытер тряпкой руки. Высокий старик, лежащий ничком прямо на полу у порога, застонал и пошевелился. Муни перешагнул через старика и снял трубку.

– Да?

– Это ты, Муни?

По спокойному, слюнявому голосу нетрудно было узнать Экшна Джексона. Но зачем полиции Дейтона-Бич звонить ему в субботу с утра?

– Да, это я. Что такое?

– У нас тут твой парень. Мы только что вызволили его из логова любителей Трапезы Обезьяньих Мозгов, в южном духе. Кто-то услышал его крики и позвонил в полицию.

– Господи. С ним все в порядке?

– Ему слегка порезали кожу над глазом. Кроме того, кажется вкололи какой-то психотропный наркотик. Я должен передать его в твое распоряжение.

Старик на полу снова застонал и начал подниматься, силясь принять сидячее положение. Пытаясь говорить громче, Муни перешел на крик.

– Да, конечно сделай это, пожалуйста! Пришли его ко мне домой на патрульной машине, чтобы я был спокоен! Спасибо, Экшн! Огромное тебе спасибо!

Муни почувствовал что его трясет всего, с головы до ног. Он представил то, что едва не стало концом его сына – «малышей-шутников», уплетающих живые мозги Стэнни вместе с его мыслями, которые мечутся там в этот последний момент. Язык Муни повернулся во рту, пытаясь избавиться от воображаемого привкуса мозговой ткани, колючей от разрывающихся нервов, терпкой от только что разорванных связей в химических цепочках. Внезапно ему очень захотелось сигарету. Сам он бросил курить три месяца назад и в доме сигарет не было, но у старика табак должен был водиться, Муни знал это.

– Дайте сигарету, Андерсон.

– Какой сегодня день? – вопросом отозвался Кобб. Он сидел на полу, привалившись спиной к дивану. Облизывая губы, он кривил рот, стараясь разогнать отвратительную горечь во рту.

– Суббота.

Муни наклонился вперед и достал из нагрудного кармана рубашки старика сигарету. Ему нужно было с кем-то перекинуться словечком.

– Прошлым вечером я вместе с вами и вашей подружкой был «У седых», помните?

– Она не моя подружка.

– Может и так. Знаете, что – она ушла с другим парнем, пока вы освежались в туалете. Я сам это видел. Такой же старик, как вы, очень похож на вас. Я было подумал, что он ваш брат.

– У меня нет… – Кобб умолк на полуслове, разом вспомнив кучу событий. Его глаза заметались по комнате. Он положил ее куда-то… Подо что-то. Просунув руку под диван, он нащупал успокоительное горлышко бутылки.

– Ничего страшного, – отозвался Кобб, подхватывая разговор. – Я теперь вспомнил. Она специально водит их ко мне в дом, чтобы насолить. Я его первый раз видел, этого парня.

Его голос был твердым и уверенным.

Муни выдохнул клуб сигаретного дыма. Прошлым вечером он слишком устал, чтобы присматриваться к дружкам склочной соседки Кобба. Возможно, что новый ухажер и был тем парнем, который устроил на складе взлом? Если Андерсон знает, что говорит, то взломщик все еще может прохлаждаться в его кровати.

Может быть стоит…

Но внезапно перед его мысленным взором снова всплыли полные смертной муки глаза сына и все прочее сразу же было отброшено. Муни прошел к окну и взглянул на часы. Сколько займет у патрульной машины дорога от города до его дома?

Стараясь не стучать, Кобб потихоньку вытащил бутылку из-под дивана. Он встряхнул ее около уха и услышал богатый шелест. Напроситься к Муни в гости была отличная идея.

– Не пейте больше, хотя бы сейчас, – сказал Муни, поворачиваясь от окна.

– Не волнуйся, сынок, – отозвался Кобб. – Я опорожнил эту малышку еще вчера вечером, когда выкопал ее.

Он снова засунул бутылку под диван.

Муни покачал головой.

– Сам не понимаю, зачем я согласился идти вместе с вами за нею на пляж. Вы сказали, что вам негде спать, и я согласился взять вас с собой, наверно из жалости. Но домой вам добираться придется самому. Через полчаса приезжает мой сын.

Кобб из окончания телефонного разговора Муни уловил, что у его сына в городе приключились какие-то неприятности с полицией. Что касается предстоящего возвращения парня домой, то этот вопрос его не волновал. Он не собирался домой. Если у него хватит сил добраться до космопорта и поспеть на еженедельный рейс, он сегодня же отправится на Луну. Но Стэна Муни это не касалось. Бармен полностью подтвердил алиби Кобба, но похоже, что Муни все еще косо на него смотрит.

Размышления Кобба были прерваны дробным стуком каблуков на крыльце дома. Явление рыжеватой блондинки с симметричными чертами лица, несколько грубоватого из-за выступающих вперед челюстей. Жена Муни, Беа. На Беа было белое полотняное платье, застегивающееся впереди на пуговицы. Только вот пуговицы ей были не нужны, поскольку большая их часть оставалась незастегнутой. Кобб мельком заметил упругие, загорелые ляжки.

– Привет, незнакомец, – мелодичным голоском пропела Беа своему мужу.

Смерив Кобба взглядом, она отставила в его направлении бедро. – Кто этот замечательный старикан? Один из друзей-приятелей твоего отца?

Беа ослепительно улыбнулась. С ее точки зрения мир был прекрасным местом. Она провела великолепную ночь.

– Звонил Экшн Джексон, – сказал Муни. Вызывающая, провокационная улыбка жены сводила его с ума. Внезапно ему неудержимо захотелось свернуть свою благоверную в бараний

рог.

– Стэнли убили. Его нашли в комнате мотеля. У него из головы вытащили весь мозг.

Говоря это, он сам верил своим словам. В том, что его сын кончил таким образом, не было ничего удивительного. Совершенно ничего удивительного.

Пока Муни, яростно брызгая слюной, выкладывал вымышленные на ходу детали, обвинял Беа в том, что их дом несчастен, а потом хлопал ее ладонями по щекам, пытаясь унять истерику, она не переставала кричать. Кобб наблюдал за развитием событий с молчаливым смущением. Он ничего не понимал. По сути дела и понимать-то было нечего.

Он снова выудил свою бутылку из-под дивана и засунул ее в брюки под ремень горлышком вверх. Самое время было распрощаться и отвалить. Муни и его жена бросили кричать и теперь самозабвенно целовались взасос. Когда Кобб встал и проскользнул на крыльцо, никто не обратил на него внимания.

Снаружи солнце шпарило вовсю. Полдень в разгаре, самое пекло. Прошлой ночью кто-то рассказал ему, что рейсы на Луну отправляются по субботам в четыре. У Кобба кружилась голова и дрожали ноги. Он остановился в нерешительности. Сколько осталось до четырех? Где он находится? Он тупо оглянулся по сторонам. Горлышко бутылки врезалось ему под ребра.

Кобб вытащил бутылку и присмотрелся к гаражу Муни. Внутри убежища для машин царила прохладная темень. Он вошел в гараж, отыскал молоток и, пристроив бутылку на верстаке, разбил ее с одного удара. Деньги были на месте. Может быть, ему стоит послать Луну, бопперов и обещанное бессмертие к черту? С такими деньгами он сможет хорошо устроиться и на Земле. Купит себе новое искусственно выращенное сердце…

Сколько в пачке? Кобб стряхнул осколки стекла на пол и начал считать купюры. Должно быть двадцать пять тысяч. Или двадцать четыре. Он снова забыл…

На плечо Кобба легла рука. Он сдавленно вскрикнул и сжал деньги обоими руками. Осколки стекла впились ему в ладони. Он обернулся и на фоне освещенного прямоугольника гаражной двери увидел тонкий силуэт.

* * *

Кобб торопливо запихнул деньги в карман. Это не Муни, и на том спасибо.

Может, еще все обойдется…

– Кобб Андерсон! – воскликнула темная фигура с подчеркнутым изумлением. Яркий свет, льющийся с улицы, не давал возможности разобрать черты лица незнакомца. – Какая честь лично встретиться с человеком, заселившим бопперами Луну.

Голос говорившего был медленным, невозмутимым, немного насмешливым.

– Благодарю, – отозвался Кобб. – Кто вы?

– Я… – человек усмехнулся. – Я родственник мистера Муни, в некотором роде. Я собираюсь стать его родственником. Собственно говоря, я здесь для того, чтобы встретиться с его сыном, но времени у меня нет… Могу я попросить вас об одной услуге?

– Ну, не знаю. Мне пора собираться в космопорт…

– Совершенно верно. Я в курсе. Дело в том, что я должен попасть туда раньше вас и кое-что устроить. Я хотел бы попросить вас встретить сына мистера Муни. Вы должны будете забрать его с собой. С минуты на минуту его доставит сюда патрульная машина. Убедите его лететь с вами. Я побуду здесь вместо него.

– Значит, вы тоже робот?

– Угадали. Я собираюсь навести мистера Муни на мысль выхлопотать для меня место охранника в ночную смену в космопорту. Поэтому его сын должен сойти со сцены, вы понимаете меня? «Малыши-шутники» пытались выполнить мое задание, но… хотя это не важно. Сейчас главное увезти его на Луну.

– Но как…

– Вот еще деньги. Здесь хватит на второй билет. Мне нужно бежать.

Гибкая худощавая фигура сунула в руку Кобба новую пачку кредиток, проскользнула мимо и шагнула в заднюю дверь. На мгновение Кобб увидел лицо.

Длинные губы, подвижные глаза.

Снаружи раздался шум. Кобб повернулся, запихивая очередную пачку в карман. К дому Муни подкатила полицейская машина.

Дверца машины хлопнула и в дверях гаража появился патрульный полицейский. Кобб помертвел от страха. За спиной полицейского маячил какой-то неизвестный, наверно задержанный.

– Как жизнь, папаша, – жизнерадостно рявкнул коп, прищурив глаза и всматриваясь в темноту. Было похоже, что он принимает Кобба за жмурика с побережья, нанятого для работы по дому. – Мистер Муни дома?

Кобб понял, что шаткий вьюношь за спиной полисмена был не кем иным, как долгожданным сыном Муни. Становилось ясно, что парню хотелось свалить отсюда так же сильно, как ему самому. В голове Кобба созрел план.

– Стэна позвали помочь по соседству, так что, боюсь, увидеть его вы не сможете, – развязно сказал он, выходя из гаража на свет. Воображаемая картина Муни и его супруги, переплетенных в любовных объятиях на полу в гостиной, пронеслась перед его мысленным взором. – Соседка попросила его помочь ей с поливочным шлангом.

Полицейский посмотрел на Кобба с недоумением. Шеф сказал ему, что Муни ждет его не дождется и встретит наверняка. Старикан же выглядел подозрительно.

– Кстати, кто вы такой? Документы есть?

– Документы в доме, – отозвался Кобб с небрежным смешком. – Я отец мистера Муни. Он просил меня встретить вас, когда вы приедете.

Кобб сделал шаг в сторону и приветливо улыбнулся маячащему за спиной копа бледному лицу. Тому же лицу, которое он видел не так давно в задней двери гаража.

– Стэн Младший, ты снова проштрафился? Решил пойти по стопам своего деда? Пошли в дом, я накормлю тебя завтраком. Жареная ветчина с сыром, все как ты любишь.

Прежде чем коп успел открыть рот чтобы сказать что-нибудь, Кобб шагнул вперед и взял Торчка за руку. Торчок, мысленно недоумевающий, откуда и из какой дыры вылез этот жмурик, позволил отвести себя в сторону. Он был согласен сейчас с любой отсрочкой в свидании с родителями.

– Завтрак – это здорово, дед, – Торчок слабо улыбнулся. – Я слона мог бы сейчас слопать.

– Поблагодари офицера за то, что он так любезно подвез тебя, Стэнни.

– Спасибо, офицер.

Полисмен приложил два пальца к козырьку фуражки, забрался в машину и укатил. Кобб и Торчок молча стояли посреди двора до тех пор, пока урчание гидрогенного двигателя не затихло вдали. Кварталом ниже через перекресток, набирая скорость, промчался грузовичок Мистера Морозиса.

Глава 7

– Где мои родители? – первым прервал тишину Торчок.

– В данную минуту – они трахаются. Твоя мать думает, что ты умер.

Такое тяжело бывает слышать, когда ты возбужден.

– И когда ты туп как пуп, тоже, – с медленной улыбкой прибавил Торчок. – Давайте пойдем отсюда.

Они вместе вышли со двора на улицу. Окружающие дома принадлежали правительству и были построены для персонала космопорта. Сюда поливочная вода подавалась без ограничений, отчего кусты и лужайки сочно зеленели. У многих во дворах росли апельсиновые деревья.

Пока они шагали рядом, Кобб рассмотрел сына Муни. Парень был высоким, гибким и подвижным. У него были чувственные выразительным губы, не знающие покоя. Живые глаза Муни младшего время от времени замирали, подернутые дымкой какой-то глубокой мысли. Он явно был сообразителен, непоседлив и малонадежен.

– Там жила моя подружка, – внезапно заметил сын Муни, указав на дом из пластиковых панелей с набором солнечных батарей на крыше. – Сучка. Она пошла в колледж и, как я слышал, собирается стать врачом. Будет щупать простаты и давить чирьи. Вас уже ковыряли внутри?

Вопрос застал Кобба врасплох.

– Ну, Стэнни, как сказать…

– Не называйте меня Стэнни. Меня зовут Торч. Я сейчас в город. Вы на колесах или на своих двоих?

Солнце простреливало асфальтовую улицу насквозь, и Кобб испытывал от яркого света легкое головокружение. А парень, похоже, не промах. Такого действительно стоило иметь на своей стороне.

– Мне нужно в космопорт, – сказал Кобб, ощупывая в кармане деньги. – Ты не знаешь, где здесь можно поймать такси?

– Я сам таксист, поэтому не боись, разберемся в два счета. Между прочим, кто вы такой?

– Меня зовут Кобб Андерсон. Твой отец подозревает меня в совершении преступления. Он думает, что я украл из космопорта два контейнера с искусственно выращенными почками.

– Класс! Возьмите меня в долю! Обожаю пирог с почками!

Кобб натянуто улыбнулся.

– Я собираюсь сегодня лететь на Луну. Хочешь со мной?

– Конечно, дедуля. Вместе выпьем твой волшебный напиток

Килл-Кофф, вырежем себе по паре картонных крыльев и вперед, – Торчок раскинул руки в стороны и заложил вокруг Кобба вираж. – Я улетаю на Луууунууу, – затянул он, виляя своим костлявым задом.

– Послушай, Стэнни…

Сынок Муни остановился и, приложив ладони ко рту рупором, проорал:

– ТОООРЧ! ЗАПОМНИ ЭТО ИМЯ, ДЕД!

От крика у Кобба заболели уши. Он махнул рукой, пытаясь дать хулигану затрещину, но Торчок ловко увернулся. Сжав руки в кулаки, он принялся тузить ими воздух, прыгая на пружинистых ногах как заправский боксер.

Кобб попробовал снова.

– Послушай, Торч. Я многого сейчас не могу тебе объяснить, но бопперы ссудили меня деньгами для полета на Луну. Там имеется какой-то эликсир бессмертия или черт знает что, который они приготовили для меня. Кроме того, мне было сказано взять с собой тебя. Ты должен будешь мне помогать.

Роботов-двойников Кобб решил пока не упоминать.

Парень нанес еще пару ударов в пустоту.

– Покажь бабки.

Кобб нервно оглянулся по сторонам. Просто удивительно, насколько пустыми бывают эти пригородные кварталы с одинаковыми аккуратными домиками.

Их никто не видел, и это было хорошо, конечно если этот сумасшедший молодчик…

– Покажь бабки, – повторил Торчок.

Кобб сунул руку в карман, вытащил и показал край пачки.

– У меня с собой пистолет, сам понимаешь, такое дело – соврал он. – Так что не вздумай что-нибудь отколоть. Ну что, летишь?

– Ну-что-лечу, – отозвался Торчок, не сбиваясь с раз взятого тона. – Тогда дайте и мне одну из этих бумажек.

Они уже добрались до угла. Прямо перед ними через дорогу, уходящую мимо поля с солнечными аккумуляторами к Космическому Центру Джэй-Эф-Кей, у супермаркета находилась парковка такси.

– На что она тебе? – спросил Кобб, сжимая деньги еще крепче.

– Потому что мне пора согреться, дедуля. Видишь, бар «Красный Шар», вон там? У них есть все, что нам нужно.

Кобб спрятал скупую улыбку в бороду.

– Значит предложение принято, это так нужно понимать, а, Торч? Это разумно, с твоей стороны, очень разумно.

В баре Торчок купил себе колу-болу и на сто долларов

закатанных в жестянку уже забитых косяков, в то время как Кобб разменял свою сотню на фляжку выдержанного скотча. После этого они зашли в супермаркет и приобрели там себе одежду, подходящую для путешествий. Белые костюмы и рубахигавайки. В такси, уносящем их в космопорт, они разделили между собой часть своих припасов.

По дороге от такси к стеклянным дверям космопорта Кобб испытал мгновение дезориентации. Он достал из кармана деньги и снова принялся их пересчитывать. Быстрым и сильным движением руки Торчок отнял у него пачки.

– Не здесь, Кобб. Побереги силы, старик. Сначала мы должны разобраться с визами.

Прямой как палка и широкоплечий, зарядившийся виски Кобб шагал вперед, как последний южный джентльмен на параде Диски. Держась сзади, Торчок проконвоировал его до самого отдела в центр виз Гимми.

Это часть казалась самой легкой. Гимми не интересовало, кто отправляется на Луну и зачем. Все, что государство хотело, это получить свои законные двести баксов. Перед стойкой клерка выстроилась неторопливая очередь из нескольких человек.

Торчок смерил оценивающим взглядом блондинку, оказавшуюся в очереди последней. На девочке были бледно-лиловые брючки в обтяжку, серебристая короткая курточка и виниловый лифчик с рисунком «под зебру». Клевая чикса.

Торчок немного подался вперед, ровно настолько, чтобы прижаться к ее округлому задку.

Девица обернулась и изумленно подняла брови.

– Это снофа ты! Остафь меня у покоэ, скоко тебе гооить! – щеки девицы от гнева залились румянцем.

– А правда, что настоящие блондинки бреют себе булочки? – спросил Торчок, выкатывая глаза. Он длинно и нагло улыбнулся. Чикса нетерпеливо дернула ртом. Она явно была не в настроении флиртовать.

– Я художник, – тут же добавил Торчок, меняя тактику, – тот, что от слова «худо». Сношу людям башки, детка. Видишь порез? – он дотронулся до свежего шрама под бровью. – Я настолько талантлив, что сегодня утром какие-то поклонники хотели даже съесть мои мозги.

– ОФИСЭР! – как резанная завопила чикса. – Поогите мне, пожауйста, офисэр!

Через миг, менее продолжительный, чем требуется для того, чтобы увлажнить движением века глазное яблоко, между Торчком и чиксой возник полицейский.

– Этот челоэк, – ясно пропела девица своим сладким

голоском, слегка по-джорджиански картавя и растягивая слова, – вот уже цеый час, как пристает ко мне. Он уяался за мной в баэ и вот теперь не дает покоя и здесь.

Коп, флоридский парень, налитый здоровьем и апельсиновым соком, уронил тяжелую длань на плечо Торчка и надавил вниз.

– Минутку, – запротестовал Торчок. – Но я только что пришел сюда. Я и мой дедушка. Мы же в Диски собираемся, верно, дед?

Кобб неопределенно кивнул. Толпы окружающего народа производили на него гнетущее впечатление и смущали. Взгляды окружающих казалось давили его физически. Он мимоходом подумал о том, не станет ли полицейский возражать, если он подкрепит свой организм глоточком скотча.

– Эта леди заявляет, что вы приставали к ней в баре, – ровным голосом проговорил офицер. – Делал ли этот человек какие-нибудь замечание сексуального характера, мадам? Оскорбительные или двусмысленные предложения?

– Он саал, что сичас умиот! – возбужденно зачирикала чикса. – Он спгосил мея, что я пргедпочитаю: убииить его и побеиить, или сдгаться и отдгаться! Обясните иму, что мнеу не до того сичас! Пусь он оставит миня в покоэ!

Человек, стоящий в очереди перед блондинкой, забрал свои документы со стойки виз и отчалил. Девица одарила копа благодарственной улыбкой и, облокотившись о конторку, приготовилась отвечать на вопросы машины-клерка.

– Ты слышал, что сказала леди, – грозно заявил полицейский, насильно выводя Торчка из очереди. – Проваливай отсюда. И ты тоже, дед.

Торчок широко и нагло улыбнулся полицейскому, но промолчал. Вдвоем с Коббом они поплелись к билетной стойке.

– Видал, как на меня наехала эта стерва? – пробормотал Торчок. Я в жизни с ней не встречался, клянусь. Сдаться и отдаться – неплохо.

Он оглянулся через плечо. Полицейский стоял перед конторкой виз, как само олицетворение бдительности.

– Без виз нас не пустят на корабль.

Кобб пожал плечами.

– Сначала купим билеты. Деньги с тобой? Дай-ка я еще разок пересчитаю.

Запомнить сумму в точности было выше его сил.

– Сбавь обороты, дурила.

– Торч, нас только что чуть не арестовали за то, что мы приставали к незнакомой девушке! Если я не успею на этот рейс, я могу пропустить назначенную встречу. Моя жизнь, может быть, зависит от этого!

Торчок молча продолжал идти вперед. Кобб вздохнул и решил плыть дальше по течению.

При виде Торчка женщина в форменной блузке за стойкой оформления билетов подняла голову и ослепительно улыбнулась.

– Рада вас видеть, мистер ДиМентис. Ваши билеты и визы уже у меня, – она похлопала ладонью по лежащим перед ней документам. – Вам в какой салон, для курящих или для некурящих?

Торчок скрыл смущение, вытащив из кармана мятый пук денежных знаков.

– Для курящих, пожалуйста. И сколько, вы говорите, с нас за все причитается?

– Два раза туда и обратно до Диски, – ответила женщина с неожиданно свойской улыбкой, – с визами, все вместе будет сорок шесть тысяч двести тридцать шесть долларов.

Торчок тупо отсчитал сумму денег, большую, чем видел когда-либо в жизни. Когда женщина в форменной блузке возвращала Торчку сдачу, она словно случайно задержала на мгновение свою руку в его.

– Счастливого полета, мистер ДиМентис. И спасибо за ланч.

– Как же это так? – ошарашенно спросил Кобб Торчка, когда они вместе шли к посадочному терминалу. По громкоговорителю только что объявили десятиминутную готовность перед взлетом.

– Дед, спроси что-нибудь полегче, – отозвалась молодость, раскуривая косяк.

Позади них в коридоре раздались шаги. Кто-то коснулся плеча Торчка.

Обернувшись, он увидел перед собой улыбающуюся физиономию Торчка-Второго, робота.

«Что, охренел?» – казалось говорила улыбка Торчка-Второго. Он знакомо подмигнул Коббу. Они уже встречались в гараже у Муни.

– Этот робот, – тихо объяснил Кобб Торчку, – он в точности скопирован с тебя. У меня тоже есть такой же двойник. Это для того, чтобы никто не узнал о том, что мы улетели.

«А почему никто не должен этого знать?» – хотел спросил Торчок, но промолчал. Вместо этого он сделал тягу и протянул косяк своему близнецу.

– Хочешь согреться?

– Нет, спасибо, – Торчок-Второй покачал головой. – Я торчу от жизни, – он игриво и замедленно улыбнулся. – Не говори никому на Луне о том, кто такой этот старик. Там есть бопперы, которые называются кротами. Они имеют на него зуб.

Робот повернулся, чтобы уйти.

– Подожди, – заторопился Торчок. – Что ты собираешься делать? Я имею в виду, пока меня не будет на Земле?

– Что я собираюсь делать? – задумчиво повторил Торчок-Второй. – Ничего особенного – буду болтаться у тебя дома и строить из себя хорошего сына. Когда ты вернешься, я испарюсь и ты снова войдешь в свои права, будешь делать все что захочешь. Думаю, ты тоже сможешь рассчитывать на бессмертие.

Прозвучала двухминутная готовность. Несколько последних пассажиров торопливо бежали по крытому прозрачным пластиком пандусу.

– Пошли, – прогрохотал Кобб. – Пора!

Схватив Торчка за руку, он потащил его дальше.

Улыбаясь как аллигатор, Торчок-Второй смотрел им вслед.

Глава 8

Без каких-либо пауз Ральф Числер вернулся назад. Он почувствовал топотание маленьких ножек внутри своего тела-короба. Он отремонтирован и воскрешен. Это чувство новизны было ему знакомо. Новые чипы невозможно было точно установить в старых разъемах и притирка занимала некоторое время.

Ральф медленно повернул голову, стараясь не обращать внимание на то, что предметы словно бы слегка расплываются и колышутся перед глазами. Ощущение похожее на то, которое испытывают люди, впервые надевшие новые очки, только немного сильнее.

Прямо перед Ральфом на полу неподвижно застывший огромный серебристый тарантул следил за ним внимательными глазами. Это был Вулкан. Внутри небольшой дверцы в груди Ральфа сидел небольшой робот-паук и ощупывал его внутренности тонкими лапками.

– Включение нормальное, – пропищал маленький паук.

– Отлично, – отозвался Вулкан. – Ральф? Ты наверно хочешь узнать, как здесь оказался?

Ральф обращался к Вулкану за помощью и раньше. Беспорядочная обстановка мастерской ремонтника была ему знакома. Повсюду инструменты и силиконовые чипы, тестеры электрических цепей и листы ярко-окрашенного пластика.

– Я новый наследник Ральфа Числера, так?

Ральф не помнил своего последнего визита к Единственному, не помнил как был отправлен на демонтаж… но так бывало всегда. Однако на этот раз… что-то было не так.

– Попробуй угадать снова.

Маленький черный паук, самодвижущийся манипулятор Вулкана, вспрыгнул на свое обычное место на спине тарантула.

Ральф попытался вспомнить. Последнее, что сохранилось в его памяти, был сеанс копирования системы, которому он подвергся в лаборатории Вулкана.

Сразу после копирования он собирался…

– Я встретился с Метлой?

– Встретился, будь уверен. На обратном пути кто-то срезал лазером твой защитный зонт. Хорошо, что ты послушался меня и согласился скопировать свою систему. Ты потерял всего два или три часа памяти.

Ральф сверился со временем. Если он поспешит, то все еще успеет к посадке БЭКС. Он начал поворачиваться и чуть не упал.

– Не торопись, боппер, – Вулкан держал в передних манипуляторах лист прозрачного красного пластика – «Юмиполекс Джи». – Я хочу покрыть тебя мерц-покровом. Сейчас уже никто не выходит на поверхность с зонтиками.

Книжный шкаф с зонтиком – редкостное теперь зрелище.

Красный пластик казалось жил, струился непрерывной ласкающей глаз рябью.

– Твоя внешность немного изменится, но в этом нет ничего страшного, – настойчиво продолжал Вулкан. – На некоторое время кроты потеряют тебя из виду.

Вулкан пытался продать Ральфу мерц-покров вот уже несколько циклов.

– Мне не хотелось бы меняться слишком сильно, – неуверенно попытался отказаться Ральф. В конце концов, он ведь зарабатывает себе на жизнь тем, что продает свои воспоминания другим любопытным бопперам. И если он лишится своего имиджа самого старого боппера, это может повредить делу.

– Ничего не поделаешь, время требует перемен, – ответил Вулкан, отмеряя прямоугольный кусок пластика парой своих рук… или ног? – Бопперы не могут позволить себе отставать от прогресса. В особенности сейчас, когда старшие бопперы пытаются задать нашему развитию новый тон.

Поднявшись на задние конечности, тарантул принялся осторожно оборачивать Ральфа выкроенными отрезками самоклеющегося желатинового пластика.

– Это ни капельки не больно.

Одна из ног Вулкана заканчивалась пистолетом с заклепками. Восемь быстрых движений с последующими глухими ударами – и покрытие намертво прикреплено к прямоугольной груди. Перескакивая с одного плеча Ральфа на другое, шустрый робот-манипулятор присоединил проводки, отходящие от пластикового покрытия, к разъемам внутренний цепи. По телу-шкафу побежали разноцветные всполохи света.

– Ты отлично смотришься, – одобрительно произнес Вулкан, отъезжая назад, чтобы лучше видеть. – У тебя же превосходный ум, Ральф. Знаешь, я могу замаскировать тебя так, что сам черт не признает. Потребуется всего лишь час…

– Нет, – твердо отрезал Ральф, обеспокоенный неудержимо уходящим временем. – Только мерц-покров, больше ничего. Мне нужно поспеть в космопорт до посадки корабля.

Он почувствовал, что крошечный паук снова нырнул в глубину его корпуса.

Световые узоры на теле Ральфа приобрели насыщенность и глубину. Тем временем Вулкан установил заклепки на его спине и

боках. Ральф выдвинул шею на пять дополнительных сантиметров, и медленно поворачивая голову, осмотрел себя со всех сторон. Мечущиеся по мерц-покрову узоры представляли собой кодированные двоичные бит-состояния, из которых состояли его мысли.

Рассуждения Ральфа никогда не были слишком простыми или слишком комплексными, и это было одной из причин того, что он сумел просуществовать только за счет торговли своими мыслями так долго. Теперь, глядя на цветовое отображение собственных мыслительных процессов, он получил этому визуальное подтверждение. Он выглядел… интересно.

– Почему кроты хотели убить тебя, Ральф? – спросил его Вулкан. – Это не мое дело, но все же.

– Я не знаю, – отозвался Ральф, и растерянность изменила его цвет. – Хотел бы я вспомнить, о чем мы говорили с Метлой. Тебе я тоже ничего не успел передать?..

– Перед тем, как контакты потекли, я принял от тебя несколько сигналов, – ответил Вулкан. – Очень слабых и неясно-слышимых из-за помех.

Что-то о войне со старшими бопперами. Это хорошая мысль, как ты полагаешь?

– Нет, – ответил Ральф. – Я на стороне старших бопперов. Мне нравится их логика. Это следующий логический шаг в нашей эволюции. Получив записи систем всех живущих людей, они смогут…

– А кроме того, записи систем всех бопперов! – с неожиданным жаром прервал его Вулкан. – Но я так просто им не дамся! Лично я стою за то, чтобы разобрать всех старших бопперов по винтикам!

Ральф решил не продолжать спор… время было дорого. Он расплатился с Вулканом пригоршней чипов. По причине постоянной инфляции бопперы никогда не соглашались делать что-либо в кредит. Ральф выкатился из мастерской Вулкана прямо на улицу Звезд. Внешней стены у мастерской не было.

Мимо него пронеслись три парящие полусферы, опирающиеся на столбы ракетных выхлопов. Такой способ существования требовал больших затрат энергетических средств, но летающие роботы зарабатывали эти средства, выполняя функции курьеров срочного сообщения. Один из трех роботов двигался неустойчиво и рывками, вероятно являясь наследником первого или второго.

В конце улицы высилась фабрика по производству чипов. Чипы и электронные карты были основными частями, необходимыми для монтажа наследников, и фабрика по их

производству, именующаяся ГЭКС, охранялась очень надежно. Фабрика – а точнее единый большой боппер – была самым прочным зданием во всем Диски, возможно единственным в своем роде. Стены ГЭКС были возведены из камня, а двери сварены из стали.

По непонятной причине перед воротами фабрики собралась большая толпа бопперов. Ральф за полквартала ощутил исходящую от собратьев ярость.

Вероятно очередное увольнение. Ральф перебрался на другую сторону улицы, стараясь держаться подальше от неприятностей.

Заметив Ральфа, один из бопперов, высокое веретенообразное создание с пинцетами-зажимами вместо пальцев, грациозно устремилось к нему навстречу.

– Это ты, Ральф Числер?

– Я маскируюсь, Бурав.

– И это ты называешь маскировкой? Ты бы уж лучше прямо написал это на себе большими буквами. Принадлежащие тебе мысли угадываются безошибочно, Ральф.

Кто-кто, а Бурав это знает. Он и Ральф уже несколько раз проводили сеансы взаимного подключения, снимая все блоки и защиты и соединяя свои процессорные блоки при помощи специальных разъемов. Бурав жертвовал их союзу запасные части, которых у него всегда бывало в изобилии, а Ральф делился с партнером своими знаменитыми умозаключениями. Связывающее их чувство в некоторой степени можно было назвать сексуальным.

Тяжелые стальные двери фабрики были закрыты. Несколько бопперов пытались взломать их при помощи зубил и кувалд.

– Что случилось? – встревоженно спросил Ральф. – Ты не можешь попасть на работу?

Похожее на флагшток тело Бурава залилось гневно-зеленым цветом.

– ГЭКС уволил всех рабочих. С недавних пор он вздумал следить за производством самостоятельно – приобрел такую способность. ГЭКС давно этого добивался. Он сказал, что мы ему больше не нужны. Вместо наемных рабочих, он теперь использует роботов-манипуляторов.

– Но твой опыт и навыки, разве их можно заменить? – удивился Ральф.

– Все, что ГЭКС умеет, чем он занимался всю жизнь, это коммерция, купля-продажа! ГЭКС не сможет так протравить плату, как это умеешь делать ты, Бурав!

– Да, – горько согласился Бурав. – Раньше так и было. Но теперь ГЭКС уговорил одного из травильщиков присоединиться к

нему. Он скачал себе систему этого парня и теперь тот существует внутри его банков памяти. А тело предателя стало еще одним роботом-манипулятором. Такова новая политика ГЭКС.

Либо он съедает тебя с потрохами, либо ты лишаешься работы. Мы решили прорываться силой и взять свое.

Над фабричными воротами открылся люк и из него выбросили тяжелый заточенный силиконовый диск. Двое взламывающих ворота бопперов не успели вовремя поднять головы, и огромный круг стекла ударил из краем, легко разрезав пополам. С первого же взгляда было видно, что процессорные блоки незадачливых взломщиков безвозвратно разрушены.

– О, нет! – в отчаянии воскликнул Бурав, в три стремительных прыжка пересек улицу. – Они даже не успели создать себе наследников!

Из раскрытого люка показался глаз камеры, затем быстро втянулся обратно. Зрелище вызывало жалость. Ральф на секунду остановился в задумчивости. Сколько всего старших бопперов в настоящий момент существует на Луне? Десять? Или пятнадцать? Неужели обычные бопперы действительно обречены на вымирание, неужели нет обходного пути? Возможно он был не прав и должен…

– Тебе не остановить нас, ГЭКС! – тонкая рука Бурава была вскинута в воинственном и яростном жесте. – Мы дождемся твоей сессии с Единственным!

Каждый боппер, большой или маленький, старший или младший, обязан был подвергаться прочистке своей памяти путем подключения к Единственному раз в десять месяцев. Исключений быть не могло. Само собой разумелось, что у бопперов, таких больших и могущественных как ГЭКС, всегда имелся наготове сменный наследник, банки памяти которого постоянно обновлялись. Однако всем было известно так же и то, что боппер, недавно передавший свою систему в тело очередного наследника, становился таким же уязвимым, как лобстер, только что поменявший свой старый панцирь на новый.

По этой причине угроза Бурава, существа-палочки, даже направленная к занимающему целый городской квартал ГЭКС, была не совсем пустой. Из люка выбросили еще один стеклянный диск, но Бурав легко от него увернулся.

– Завтра, ГЭКС! Завтра мы разберем тебя на частиииии!

Гневный зеленый окрас Бурава несколько померк, и он вернулся на другую сторону улицы к Ральфу. Около ворот бопперы ковырялись в останках своих павших товарищей, отыскивая годные к использованию чипы.

– ГЭКС подключится к Единственному завтра в 13:00, –

возбужденно заговорил Бурав, касаясь своей невесомой лапкой манипулятора Ральфа. – Приходи посмотреть, будет потеха.

– Я постараюсь, – отозвался Ральф, не покривив душой. Старшие бопперы действительно зашли слишком далеко. Анархическим основам лунного общества грозила опасность. Он обещал помочь им скопировать систему Андерсона и сделает это, но после…

– Постараюсь быть, – еще раз повторил он. – Будь осторожен, Бурав.

Помни, даже если вам удастся одолеть ГЭКС, его роботы-манипуляторы сохранят работоспособность благодаря краткосрочному программированию. Предстоит большая драка, и вам нужно быть готовыми к этому.

Бурав мигнул теплым желтым цветом прощания, Ральф повернулся и двинулся по улице Звезд дальше, держа курс к ближайшей автобусной остановке. Совсем необязательно было проделывать все пять километров до космопорта пешком.

Путь к автобусной остановке лежал мимо салуна, и не успел Ральф поравняться с ним, как двери его распахнулись и на улицу выкатились два одинаковых боппера на гусеничном ходу, похожие на пивные бочонки с пучками щупалец с каждой стороны. Скрежеща гусеницами и вихляясь, эти бопперы двигались рядом, дружески переплетя постоянно извивающиеся щупальца. К квадратной голове каждого бочонка был подключен взятый напрокат скрамблер.

Не разбирая дороги, они покатились прямо посреди тротуара против основного потока движения. Предупредительно уступив гулякам дорогу, Ральф встревоженно подумал о том, какие неприятности могут ждать их впереди.

– Смотри, как застеснялся красный шкаф, – прогрохотал один из бочонков.

– Хотел бы я погладить разъем вон у той голубой сферы, – отозвался другой, дружески стукаясь бортом о корпус приятеля.

Заглянув в окно салуна, Ральф заметил пять или шесть массивных бопперов, расположившихся вокруг большого электромагнита, установленного в центре зальца. Даже не входя внутрь, он ощущал исходящие от магнита туманящие сознание блуждающие токи. Места вроде этого всегда пугали Ральфа.

Вспомнив однако о том, что до посадки БЭКС осталось всего нечего, он заторопился и, свернув за угол, принялся изо всех сил вытягивать шею, надеясь разглядеть автобус.

Автобус – просторная открытая платформа без бортов – как раз подходил к остановке, что было как нельзя кстати. Ральф поднял манипулятор, и машина свернула к тротуару. При входе

автобус потребовал внести плату за проезд, и Ральф послушно расплатился. Со вчерашнего дня плата повысилась на десять единиц. Постоянная инфляция являлась дополнительной природной силой, способствующей вымиранию слабых.

Ральф разыскал на платформе свободное место и зафиксировался на нем.

Совершая поездки на лунном автобусе, на поворотах при скорости, доходящей до тридцати км/ч, необходимо было соблюдать особую осторожность…

Бопперы подсаживались в автобус и выходили, тут и там, но большая их часть, как и сам Ральф, направлялась в космопорт. Некоторые спешили в порт по делам, уже имея налаженные деловые связи с Землей, другие надеялись эти связи установить или наняться гидами к прилетающим. Один из последних, соорудив себе из юмиполекса голову с более-менее человеческим лицом, намалевал в дополнении на своей спине приветственную надпись: «БОППЕРЫ и ЧЕЛОВЕКИ ДРУЗЬЯ!»

Ральф раздраженно отвернулся. Благодаря его усилиям, бопперы давно освободились от уродливых, человеко-шовинистических приоритетов Азимова:

Защищать человека, Повиноваться человеку, Защищать роботов… и тому подобной чуши. Теперь любую форму защиты и послушания человек мог получить от боппера только на взаимовыгодных условиях.

Однако до сих пор люди не могли или не хотели понять, что существующие соседями две совершенно разные расы необходимы друг другу, но не как хозяева и рабы, а как равные. Тем не менее, при всей своей ограниченности, человеческое сознание было удивительным… совершенно отличающимся от любого известного программного обеспечения боппера. Ральфу было известно, что ТЭКС и МЭКС уже начали активно заниматься сбором и перекачкой всех доступных человеческих систем и здорово в этом преуспели. Теперь они хотели получить систему Кобба Андерсона.

Процесс выделения человеческой системы из ее физической оболочки, процесс, так сказать, отделения мыслей от мозга, был летальным и необратимым. Что касается бопперов, то здесь все было гораздо проще. Простым подключением специального кабеля к нужному разъему любой механический индивидуум мог полностью считать и перекачать в свои банки всю до последнего байта информацию, хранящуюся в ячейках памяти другой электронно-силиконовой персоны. Декодировка же человеческого мозга являлась сложной и комплексной задачей. Необходимо было считывать не только картину электрических импульсов, но и

отслеживать нейронные связи, разлагать и анализировать РНК, эти основы памяти людей. Осуществить это возможно было только при помощи обширного хирургического вмешательства, рассечения тканей и химического разложения их. Метла считал подобное деяние злом. Но Кобб мог…

– Прошу прощения, но, кажется, ты Ральф Числер, – внезапно просигналил ему узконаправленным лучом сосед. Этот стоящий рядом с Ральфом боппер напоминал стационарный фен из хорошей парикмахерской, снабженный также и креслом. Мерц-покров фена сиял золотом, а его остроконечную голову игриво украшали переливающиеся женственные мелкие спиральные завитки. Фен крепко взялся своим металлическим щупальцем за манипулятор Ральфа.

– Здесь лучше общаться на постоянном токе, – пришел к Ральфу шепоток незнакомца. – Так можно поговорить откровенно. У тебя потрясающий мысленный узор, Ральф. В этой половине автобуса на тебя все засматриваются, уверен, что ты заметил это.

Ральф растерянно оглянулся. Как можно определить, смотрит на тебя другой боппер или нет? Это можно определить только в одном случае: если его голова повернута в твою сторону и его органы зрения направлены на тебя. Так оно и было – большая часть бопперов вокруг Ральфа шарили по его телу глазами. Что же начнется в космопорту, когда Кобб Андерсон ступит на поверхность Луны?

– А как он выглядит, этот Кобб? – пришел воркующий ласковый сигнал от соседа Ральфа.

– Трудно сказать, – спокойно запульсировал в ответ Ральф. – Его голографическому изображению в музее уже двадцать пять лет. К тому же люди все на одно лицо.

– Только не для меня, – проворковал сосед. – Я занимаюсь проектированием автоматических косметических наборов для людей.

– Очень мило, – отозвался Ральф. – А теперь можно попросить тебя отпустить мою руку? Мне нужно кое-что обдумать – это частное дело.

– Хорошо. Кстати, почему бы тебе не заглянуть ко мне завтра днем? У меня хватит запчастей на пару наследников. Мне хотелось бы подключиться к тебе. Меня зовут Синди-Лу. Ячейка 3412.

– Может быть, если будет свободное время, – ответил Ральф, слегка смущенный такой прямотой.

Бопперы, имеющие деловые отношения с Землей, были очень разборчивы в связях. Должно быть красный мерц-покров, который продал ему Вулкан, действительно был хорош. Может быть даже

очень хорош.

– Постараюсь заглянуть к тебе после штурма.

– Какого штурма?

– Бопперы, раньше работавшие на ГЭКС, собираются самовольно демонтировать его. Завтра они попытаются это сделать. Он выбросил за ворота фабрики почти всех своих работников.

– Правда? Тогда я тоже схожу туда! Там наверняка можно будет подобрать что-нибудь интересное! На следующей неделе то же самое грозит МЭКС, ты в курсе?

Ральф пораженно замолчал. Неужели кто-то собирается демонтировать МЭКС, боппера-музей? Чем, ради всех систем, МЭКС заслужил такую участь?

– Этого не должно случиться, – встревоженно ответил Ральф. – Иначе все может выйти из-под контроля!

– Всех их под пресс! – спокойно отозвался Синди-Лу. – Если ты не против, я приведу с собой нескольких друзей.

– Какая мне разница? А сейчас оставь меня в покое. Мне нужно подумать.

Автобус уже выехал за пределы Диски и теперь катился по проложенному через голую лунную равнину шоссе к космопорту.

На равнине, где исчезали все признаки тени и солнце палило нещадно, мерц-покровы всех пассажиров приобрели зеркальные свойства. Ральф с тревогой обдумывал новость об угрозе, нависшей над МЭКС. Хотя судьбы Андерсона это не касалось. Главным сейчас было скопировать систему старого кибернетика и отослать запись обратно на Землю. Отослать запись Мистеру Морозису, который сможет закачать систему в робота-двойника Кобба. Такой выход из положения будет для старика самым лучшим. Судя по сведениям, которые доходили до Ральфа, теперешняя физическая основа-оболочка Кобба могла отказать в любое время.

Автобус остановился перед полусферическим зданием на краю космопорта, приспособленным для обитания людей. Выходящий на орбиту вокруг Луны БЭКС сообщил, что посадка произойдет через полчаса. Как раз вовремя. Весь полет с Земли на челноке до орбитальной станции «Риф» и с «Рифа» до Луны на БЭКС занимал чуть больше двадцати пяти часов.

Из чрева полусферы высунулась пуповина герметического переходного тоннеля, приготовленная к тому, чтобы присосаться к шлюзу космического корабля сразу после его посадки. Прохладный лунный вакуум, столь приятный бопперам, был смертоносным для людей. В то время как теплый воздух внутри полусферы был смертельно опасен для бопперов.

Ни один боппер не мог войти в посусферическое здание без дополнительно подключенной холодильной установки, которую приходилось возить вместе с собой на колесиках. Для защиты собственных организмов от коррозии влажность внутри помещения держалась бопперами на возможном теоретически минимуме, однако присутствие людей заставляло идти на уступки и устанавливать температуру на уровне 290 ˚К. И это люди называют «комнатной температурой»!

Без дополнительной холодильной установки основанные на сверхпроводниках цепи бопперов в такой жаре разрушались в считанные мгновения.

Ральф заплатил положенную за прокат холодильника таксу… возросшую с последнего раза втрое… и, толкая агрегат перед собой, вошел в здание космопорта. Внутри уже собралась толпа. Он нашел себе местечко рядом с конторкой регистрации виз, чтобы слышать имена и фамилии.

В зале ожидания в глаза ему бросились несколько кротов… сегодня их здесь было подозрительно много. Они следят за ним, это было ясно. Ральф понял, что должен был согласиться с Вулканом и изменить свой облик более основательно. Вместо этого он вырядился в сияющий красный плащ. Та еще маскировка!

Глава 9

Фигуры и лица на Луне беспрестанно менялись. Вот старушка с вязанкой хвороста за спиной, а вот леди в широкополой шляпе с пером, вот мечтательное лицо девушки, забывшей об окружающем ее мире.

– Медленно, тихо зажгла Луна в небе свой призрачный свет, – многозначительно продекламировал Кобб. – Есть вещи, Торч, которые остаются навсегда.

Торчок перегнулся через Кобба, чтобы заглянуть в маленький кварцевый иллюминатор. По мере того, как они неторопливо подлетали к ночному светилу, оспины на щеках Луны и зубцы гор по краям ее кратеров приобретали все более и более осязаемые формы. Старая больная сифилисом шлюха, размалевавшая свое лицо мешаниной для печения блинов. Торчок откинулся на спинку своего кресла и разжег последний косяк. В его голове собирались в клубки параноидальные мысли.

– Приходило тебе когда-нибудь в голову, – проговорил он сквозь облако дыма, каждая деталь и каждый завиток которого имели невиданную мучительную четкость, – что эти наши копии могут остаться на Земле навсегда? Что весь этот полет специально подстроен для того, чтобы убрать нас с глаз долой и поставить на наше место Андерсона и Торча-Вторых?

Что касается самого Торчка, то тут его рассуждения были совершенно правильными. Хотя Кобб не торопился ему об этом говорить. Он легкомысленно махнул рукой.

– Ты преувеличиваешь. Ну зачем бопперам…

– Ты больше знаешь об этим механических уродах, чем я, старик. Ведь это ты там напакостил, когда лунных роботов только проектировали?

– Где это ты слышал обо мне, Торч, в школе? – печально вопрошал Кобб.

– Кобб Андерсон, научивший роботов мыслить самостоятельно? Неужели это вошло в учебники?

– Я до фига прогуливал и многое забыл, – отозвался Торчок, деревянно пожимая плечами. – Но что, если бопперы решили завести себе на Земле парочку агентов? Они послали вниз наши копии, а нас заманили к себе. Как только мы отвалили, копии начали выдавать себя за нас и собирать информацию.

Что скажешь?

– Информацию о чем? – рявкнул Кобб. – Ни я, ни ты, Торч, на Земле не имели отношения ни к каким важным секретам.

– Главное, что меня сейчас волнует, – продолжил, не обращая

внимания на слова своего спутника, Торчок, стряхивая невидимые капли напряжения с кончиков пальцев, – это отпустят ли они нас обратно на Землю? Может быть, они задумали сотворить какую-нибудь подлость с нашими телами? Решили использовать нас как подопытных мышей для запрещенных и бесчеловечных экспериментов…

Сказав это, не в силах больше сдерживаться, он разразился нервным колючим смехом.

Кобб покачал головой.

– Дэнис ДиМентис. Такое имя стоит в твоей визе. А кто я?..

Торчок выудил документы из кармана рубашки и передал своему соседу.

Кобб просмотрел бумаги, прихлебывая кофе. В челноке он напился в стельку, но стюардесса привела его в чувство, сделав инъекцию стимулятора и витамина Б.

Такой ясности в голове у Кобба не было вот уже несколько месяцев подряд.

Вот перед ним его виза. Улыбающаяся бородатая физиономия, дата рождения: 22 марта 1950 года. Напечатанные буквы: Грэм ДиМентис, и накорябанное его собственными каракулями чужое имя внизу.

– Все это чушь болотная, – заметил Торчок, заглядывая в визу Коббу через плечо.

– Почему?

Но Торчок не ответил ничего, отвернулся и, вытянув вперед как обезьянка губы, несколько раз подряд издал поцелуйный звук. По проходу между креслами, толкая перед собой сервировочный столик, шествовала стюардесса, с хрустом отдирая покрытые лентой «вэлкро» подошвы туфель от пола. Вьющиеся белокурые волосы свободными локонами обрамляли ее лицо.

– Пожалуйста, пристегните ремни. Мы совершим посадку в космопорту Диски через семьдесят секунд.

В тот же миг ожившие в корме корабля могучие двигатели сотрясли его остов. Стюардесса взяла из пальцев Кобба пустую кофейную чашечку и поставила ее на свой столик.

– Пожалуйста, погасите ваш курительный материал, сэр.

Это Торчку.

Торчок послушно передал косяк девушке, выпуская дым тонкими струйками между зубов в ее направлении.

– Погреться хочешь, киска?

Глаза стюардессы мигнули… Да? Или нет?.. Но вот она уже берет косяк и тушит его в остатках кофе Кобба, поворачивается и катит свою тележку дальше.

– Запомни, – наставительно заговорил Кобб. – В космопорту

мы выдаем себя за туристов. Насколько я понял, какие-то бопперы, зовущиеся кротами, хотят помешать нам.

Двигатели корабля снова взревели и судно мелко задрожало. В иллюминаторах заклубилась лунная пыль, последовал толчок и наступила тишина.

Кобб уставился в напоминающее смотровой глазок окошечко иллюминатора. Перед ними раскинулось Море Спокойствия.

Из-за близости горизонта казалось, что слепо-серая поверхность лунного моря неудержимо вспухает вверху. У самого края моря начинался крупный кратер… сколько до него, пять километров, или все пятьдесят? Кратер Москальяна. Уже на самом горизонте виднелись невероятно острые пики гор. Эти горы напомнили Коббу то, что ему так хотелось забыть: острые зубы, облака с рваными краями… Горы Безумия. Он точно помнил, что в одной из древних цивилизаций считалось, что умершие отправляются на Луну.

Снаружи корабля донесся заключительный, мягкий присасывающийся звук.

Произошла стыковка с переходным тоннелем. Стюардесса принялась отворачивать колесо шлюза, ее ладный задок совершал круговые движения вслед за каждым поворотом колеса. По пути на волю Торчок предложил космической диве свидание.

– Мы с дедом остановимся в Хилтоне, киска. Меня зовут Дэннис ДиМентис.

Я с ума сойду, если не достану здесь чего-нибудь погреться. Ты как, не прочь?

Улыбка стюардессы была так же непроницаема, как ротовой разрез тыквенной маски для празднования Хэлловина.

– Возможно, вы сможете найти меня в баре.

– В каком… – начал было Торчок.

Стюардесса не дала ему договорить.

– Здесь только один бар, – объяснила она, раскланиваясь с Коббом. – Спасибо за то, что решили путешествовать на нашем лайнере, сэр. Желаю вам хорошо провести время на Луне.

Пассажирский зал порта был запружен бопперами. Торчок уже видел раньше несколько основных моделей, но сейчас впечатление было таким, словно ни один из находящихся в зале механизмов не был похож на другой. Перед ними был оживший «Ад» Босха. Лица и… «лица»… в проеме двери, сплошь сверху донизу, и с правого края до левого.

Прямо перед дверью в воздухе висит жужжа пропеллерами улыбающаяся сфера. Ее улыбка, попросту трещина от края и до края.

– Экскурсии по подземным городам! – выкрикнул летающий

шар, выкатывая фальшивые глаза.

У дальнего конца пандуса пассажиров дожидалась машина-регистратор виз, имеющая вид огромного степплера. Требовалось подложить визу под выпуклый глаз-объектив регистратора, вслед за чем тот немедленно сканировал ваше лицо и изучал отпечатки пальцев. КХУНГ-ЧАНННГ! Следующий!

Рядом с машиной-регистратором торчал крупный красный робот-шкаф на гусеницах. Тварь, похожая на голубую змею или дракона, извивалась на полу в метре от шкафа. Крот. Красный робот исторг из своего угловатого тела микрофон, нервно подсунул его под нос Торчку и Коббу, потом отдернул обратно и отвернул голову.

Странно ведущий себя красный шкаф показался Коббу знакомым. Он немного напоминал Ральфа Числера. Но рядом вился крот и Кобб почел лучшим воздержаться от вопросов. Предстоит еще встреча в музее, там он узнает все…

Перед ними по залу ходит, катится, ползает, летает и перемещается прыжками с сотню разномастных машин местного производства. Отовсюду, куда бы Кобб и Торчок не повернулись, к ним тянутся разнородные трясущиеся металлические конечности.

– Ураном интересуетесь?
– Ртути нет на продажу?
– Есть антикварные телевизоры…
– Хотите трахнуть девочку-андроида?
– Пальцы не продаете?
– Останки Лунных Королей, отдам дешево…
– Фосфорицирующие говорящие пенисы…
– Возьму чипы оптом…
– Хотите домашнюю еду?
– Желаете открыть фабрику?
– Совместный трах-отсос. Не интересуетесь?
– Код смерти ДНК?
– Ванны и клизмы из лунной пыли…
– Экскурсия в пещеру Вакуумных колокольчиков…
– Новые голосовые отпечатки?
– Скачаю систему без риска…
– Фотоаппараты не продаете?
– Хотите исполнить мои песни?
– Хотите я буду вместо вас?
– Кому в отель?

Кобб и Торчок решительно запрыгнули на колени боппера, выкрикнувшего последнее предложение, иссиня-черного истукана, снабженного в передней части парой сидений формой под человеческие тела.

– Багаж есть? – деловито осведомился боппер.

Кобб отрицательно помотал головой.

Черный носильщик начал пробираться сквозь толпу, отодвигая с пути сородичей при помощи могучих скребков, напоминающих ласты морского котика.

Торчок молчал, вероятно обдумывая некоторые из только что услышанных предложений.

У взявшего на себя заботу о них боппера имелась дополнительная пара глаз и микрофон на затылке. Стеклянные органы зрения неотрывно рассматривали пассажиров.

– Почему здесь никто не следит за порядком? – брюзгливо спросил Кобб.

– Местные механизмы ужасно досаждают своим домогательством пассажирам.

– Вы наши почетные гости, – громогласно отозвался боппер. – Ахола, что означает «Здрасте» и одновременно… прощай. Ваш отель. Приготовьтесь к оплате.

Перед двумя креслами в борту боппера откинулась маленькая дверца.

Торчок вытащил свой бумажник. Такой бумажник, набитый плотно и туго, было приятно держать в руках. – Сколько с нас… – начал он.

– Деньги – это так скучно, – отозвался боппер. – Лучше какой-нибудь подарок, сюрприз. Или комплексную информацию.

Кобб похлопал по карманам своего белоснежного костюма. Плоская бутылка с каплей скотча на дне, буклет с космического лайнера, несколько монет…

Их снова окружили бопперы, принялись ощупывать одежду, кажется отрывая при этом крохотные клочки материи в качестве сувениров.

– Книжки с «грязными» картинками?

– «Неспешная лодка в Китай»?

– Записи ощущений с казней?

Черный боппер пронес их всего-ничего, какую-то сотню метров. Теряя терпение, Торчок сунул в требовательно выставленный приемный бункер боппера свой носовой платок.

– Ахола, – рявкнул механизм и торопливо заскользил обратно, раздвигая волны присутствующих своими ластами.

Отель – многоэтажная пирамидальная структура – занимал центральную часть здания-купола. Оказавшись внутри, Кобб и Торчок с облегчением вздохнули: в холле отеля находились только люди, бопперов видно не было.

Туристы, бизнесмены, перекати-поле.

Торчок оглянулся в поисках стойки регистрации, но ничего

подобного не заметил. Он уже начал раздумывать, к кому бы обратиться за помощью, когда прямо над его ухом заговорил бестелесный баритон:

– Добро пожаловать в «Диски-Хилтон», мистер ДиМентис. Я приготовил для вас и вашего деда прекрасный номер на пятом этаже.

– Кто это говорит? – испуганно спросил Кобб, крутя во все стороны взлохмаченной головой.

– Меня зовут ДЭКС, я – Отель «Диски-Хилтон».

Весь отель был одним гигантским боппером. Непонятным образом машина могла посылать свой голос в любое место своих владений… и, что само собой разумелось, могла одновременно беседовать с разными постояльцами в разных номерах.

Голос-дух направил Кобба и Торчка к элегантному эскалатору, коий мигом донес их до отведенного номера. Отель был по-настоящему радушным хозяином, не оставляющим своих гостей без внимания ни на минуту. Ни о какой приватности и речи быть не могло. Жадно осушив несколько стаканов воды из стоящего на столе кувшина, Кобб решил перекинуться словом с Торчком.

– Ну что, устал, Дэнис?

– Само собой, дед. Конец-то неблизкий. На сегодня отдых. С чего начнем завтра?

– Тааак. Я тут заметил нескольких ползучих – с ними нужно будет держать ухо востро. Может быть прокатимся в этот музей истории роботов. Мы же интересуемся местными достопримечательностями, верно?

Прежде чем подать голос, Отель прочистил горло, чтобы не испугать постояльцев.

– В девять ноль-ноль прямо от выхода отеля отбывает экскурсионный автобус, который доставит вас в музей.

Кобб многозначительно взглянул на Торчка и поднял бровь. Известна ли ДЭКС суть их миссии? На чьей стороне находится Отель, на их или кротов? И почему это бопперам ни с того ни с сего вздумалось дарить ему бессмертие?

Кобб достал из кармана фляжку, медленно отвинтил крышку, одним махом допил остатки скотча и прилег на кровать. Он действительно очень устал. Хотя дышалось при пониженной лунной тяжести легче. Они наверняка здесь очень сильно поправятся. Размышляя о том, что бы съесть утром на завтрак, Кобб тихо погрузился в сон.

Глава 10

Торчок прикрыл старика одеялом и подошел к окну посмотреть вид.

Бопперов снаружи поубавилось. Покидая купол, механизмы оставляли свои передвижные холодильные установки около шлюзовой камеры, где их сейчас скопилось множество. Горбатый боппер-служащий медленно и методично выравнивал тележки-холодильники в ряд.

По небольшой круглой площади, между бопером-регистратором и парадным входом отеля, прогуливалась парочка. Люди. Бесцельное блуждание двух маленьких фигурок показалось Торчку странным. Он стоит у окна вот уже пять минут, а эти двое все ходят и ходят кругами. Круг за кругом, словно мишени-силуэты в тире.

Полупрозрачный пластиковый покров купола, задерживающий яркие солнечные лучи, заметно приблизился и теперь находился совсем рядом. По принятому у людей времени сейчас была ночь, однако солнце снаружи сияло вовсю и бопперы и не думали угомониться. Несмотря на то, что лунный день длился две земные недели, а сами бопперы «спали» весьма редко, они продолжали, возможно из ностальгии, а может быть по инерции, делить время на принятые среди людей двадцатичетырехчасовые интервалы. Чтобы как-то держать людей под контролем, в соответствующие периоды суток они уменьшали проницаемость герметичного купола для солнечного света.

Торчок вздрогнул, испытав острый приступ клаустрофобии. Каждое его движение записывается и анализируется – это было ясно. Каждый его вздох, каждый удар его сердца пополняет банки данных бопперов. Сам он сию минуту по сути дела находится внутри большого боппера, ДЭКС. Почему он позволил Коббу затащить себя сюда? Зачем Кобб так хотел взять его с собой?

Старик на диване всхрапнул. В течение одного ужасного мгновения Торчку казалось, что он видит тонкие провода, выходящие из черепа Кобба и исчезающие под подушкой. Он сделал шаг к кровати, наклонился над спящим и с облегчением обнаружил, что принял за провода редкие черные волосы, еще попадающиеся среди седых. Он выпрямился и направился к двери, решив сходить поразмяться вниз, в бар. Может быть ему удастся найти стюардессу.

Бар был полон, но удивительно тих. Перед автоматическим барменом, навалившись животами на стойку, сидели несколько бизнесменов. Все они тянули местный сорт пива… от сухого

воздуха под куполом горло постоянно пересыхало.

В середине бара три или четыре столика были сдвинуты вместе и уставлены доставленным с Земли шампанским. Вечеринка здесь была в самом разгаре.

Торчок узнал в пирующих пассажиров первого класса. Тамадой был говорливый пузатый тип – гид. За сдвинутыми столиками тесным кружком сидело пять худощавых пар, явно молодоженов. Слишком молодые и определенно гуляют не на свои, скорее всего тратят денежки родителей. При появлении Торчка никто из них и бровью не повел, все сразу же поняли кто он такой – скучный примитив из низших сословий.

В дальней кабинке в конце бара находилась та, кого он искал – стюардесса. Ни выпивки перед ней, ни книги или журнала – она просто сидит за своим столиком одна. Торчок подрулил туда через зал.

– Не забыла меня?

Девушка кивнула.

– Нет, конечно.

Что-то странное было в том, как она сидела здесь, вот так одна… с пустым лицом, словно машина на стоянке.

– Я даже ждала тебя, можно сказать.

– Клево! Здесь торгуют травой?

Бестелесный голос отеля зазвучал за его спиной.

– Что желаете заказать, мистер ДиМентис?

Торчок задумался. Он хотел немного расслабиться, чтобы потом заснуть… если до этого дойдет.

– Дайте мне пиво и двойное крепкое.

Он взглянул на правильно-симметричное, улыбающееся ему через столик лицо.

– Что будешь ты?

– Мне как обычно.

– Очень хорошо. Мадам, сэр… – голос растаял.

Через секунду над их столиком в стене распахнулась дверца. Лента конвейера принесла на подносе заказ. Двойное крепкое Торчка представляло собой прозрачную жидкость в коротком толстом стакане, нещадно щиплющую язык из-за растворенных веществ и горькую от алкалоидов. То же, что предназначалось стюардессе…

– Как тебя зовут? – Торчок одним махом проглотил похожую вкусом на лекарство смесь в стакане. Теперь он будет смотреть веселые картинки. Ему будет хорошо, но ровно два часа.

– Мисти.

Девушка протянула руку и взяла с подноса свой заказ. Свое обычное.

– Что это у тебя?

По спине Торчка побежали колючки паники. Это их двойное-крепкое не назовешь безмазовым, сильная штука… Девчонка, сидящая напротив него, поднесла к голове странный продолговатый предмет, напоминающий ручной фонарик…

Внезапно она захихикала и закатила глаза.

– Как здорово, – она отняла устройство от головы, передвинула на его шкале указатель и снова принялась водить им по лбу.

– Что вы, люди, говорите в таких случаях… клево?

– Ты что, живешь на Луне постоянно?

– Само собой.

Продолжительная пауза, в течение которой девушка живо водит своей штуковиной по голове между волосами, как парикмахер машинкой.

Со стороны столиков молодоженов донесся взрыв громкого смеха. Кто-то отпустил соленую шутку. Возможно мясистый здоровяк-тамада, щедро с пеной разливающий по бокалам шампанское.

Торчок внимательно всмотрелся в колышащееся напротив него пустое лицо, пытаясь проникнуть под невозмутимую маску, потом снова уставился на цилиндр в руках блондинки. С подобным способом заторчать он встречался впервые.

– Что это у тебя? – спросил он снова.

– Электромагнит.

– Так значит ты… боппер?

– Не совсем так. Во мне нет ни грамма органики, это так. Но я не самостоятельна. Мой мозг находится внутри БЭКС. Можно сказать, что я самодвижущаяся часть корабля. Его манипулятор.

Девушка принялась водить цилиндриком перед глазами, любуясь тем, как магнитные волны искажают окружающее.

– Клево, – снова сказала она. – Научишь меня еще чему-нибудь из нового слэнга?

До встречи со своим двойником в космопорту, Торчок ни за что бы не поверил, что можно перепутать человека и робота. И вот теперь это случилось с ним снова. Чувствуя, как двойное крепкое ревет и взрывается у него в голове тысячей салютов, ему захотелось поскорее забиться в какую-нибудь щель.

Мисти наклонилась к нему через стол, изогнув в улыбке уголки губ.

– Ты что, решил что я живая?

– Ну, как сказать – обычно я не назначаю свидания машинам, – буркнул в ответ Торчок и уразумев, что ляпнул чушь, попытался исправить дело шуткой.

– У меня даже вибратора нет.

Девушка обиделась. Она снова включила свой магнит, ее лицо опять стало непроницаемой маской экстаза – она выразила ему свое презрение.

Почувствовав одиночество, Торчок протянул руку и отвел цилиндрик-электромагнит ото лба девушки.

– Давай поболтаем, Мисти.

Он натурально мог чувствовать движение ее губ и языка, производящих звуки, слова. Слишком сильно последний раз принял. Неожиданно он вздрогнул от страха, заподозрив, что все, сидящие в баре вокруг него, тоже роботы. Но почувствовав в своей руке теплые и на ощупь вполне человеческие пальцы девушки, он немного успокоился.

Шапка пены в бокале с пивом, который он попросил для себя, почти опала.

Он даже не прикоснулся к пиву. Мисти взяла бокал обеими руками и, глядя Торчку прямо в глаза, отпила глоток, потом передала бокал ему. Он тоже глотнул. Пиво было густым и горьковатым на вкус.

– ДЭКС варит это пиво сам, – заметила Мисти. – Нравится?

– Отличное пиво. Ты что, и «по-маленькому» ходишь? Или у тебя внутри есть пакет, который ты опорожняешь каждые…

Мисти отложила магнит и переплела свои пальцы с пальцами Торчка.

– Ты можешь думать обо мне, как о настоящей живой девушке. Моя личность полностью очеловечена. Я люблю вкусно поесть, выпить иногда и… кое-что другое тоже люблю.

Девушка премило надула губки и нарисовала пальцем на ладони Торчка кружок.

– На линии Земля-Луна редко встречаются клевые парни…

Торчок поспешно отнял руку.

– Но как ты можешь быть человеком, если ты машина?

– А вот так, очень просто. В Ричмонде, штат Вирджиния, жила-была когда-то юная леди по имени Мисти Новак. Прошлой весной Мисти решила прокатиться автостопом в Дейтона-Бич и потусоваться с головами-серферами.

Там она попала в дурную компанию. Очень дурную. К убийцам-маньякам, которые называют себя «малыши-шутники».

Малыши-шутники. Стоило Торчку закрыть на секунду глаза, как он снова видел перед собой их лица. Блондинистую чиксу, которая подцепила его… как там ее звали, Кристлин? Оспяного Берду в блестящем ошейнике. Беззубого урода Пол-Пола. Фила, главаря, здоровяка с наколкой на спине.

– … переписали ее мозг, – сказала Мисти. – А БЭКС тем

временем создал копию ее тела. С тех пор внутри БЭКС живет полная модель личности девочки Мисти. БЭКС говорит модели, что нужно делать, а модель заставляет двигаться… вот это.

Мисти подняла руку ладонью вперед и расставила пальцы.

– Совершенно новенькая, с иголочки Мисти.

– Я знаю, – сказал Торчок голосом настолько спокойным и нейтральным, насколько это было возможно, – что «малыши-шутники» едят мозги, а не переписывают их.

– Ты слышал о них? – лицо девушки выразило искреннее удивление. – Со стороны действительно кажется, что они едят мозг. Дело в том, что один из «шутников» робот, имеет внутри себя, в груди, мини-лабораторию. Он выкачивает из мозговой ткани воспоминания. Переписывает специфику структуры мыслительных процессов. Таким вот образом эта группа приобрела уже очень много записей человеческого мозга. Старшие бопперы хотят организовать из этих записей особую библиотеку. Однако как правило тел-двойников для людей, чей мозг подвергся копированию, не создается. Мне просто… повезло.

Мисти снова улыбнулась.

– Удивительно, что ты решила мне все это рассказать, – наконец проговорил Торчок.

Должно быть БЭКС и Мисти действительно ничего не знают о том, кто он такой. То, что сфабриковало ему и Коббу фальшивые документы, могло просто не успеть поставить в известность остальных.

Но может быть… и это было гораздо хуже… что они отлично знают, кто он. Тогда он конченный человек, ходячий мертвец, чей мозг должен быть со дня на день вскрыт, препарирован и переписан, а запись отослана на Землю, где ее дожидается Торчок-Второй. Они все отлично продумали. Человеку, судьба которого предрешена и который должен исчезнуть, можно говорить все что угодно.

– Но БЭКС не хочет, чтобы я жила своей жизнью, – говорила тем временем Мисти. – Ты его, конечно, не слышишь, но он все время требует, чтобы я замолчала. Но он не может заставить меня сделать это. У меня есть свобода воли… это неразрывная часть записи моего мозга. Я могу делать то, что захочу.

Мисти улыбнулась, не спуская с Торчка глаз. Она секунду помолчала, потом заговорила снова.

– Ты спросил, кто я такая. Я дала тебе один из ответов. Я робот-манипулятор. Самодвижущийся узел, контролируемый программой, сохраняемой в корабле-боппере. Но с другой стороны… я та же Мисти, которой была раньше. Человеческая душа то же программное обеспечение, та же операционная

система. Да ты наверное знаешь об этом. В мою систему входит все, что нужно: привычки и воспоминания. Мозг и тело это просто мясо, семя для емкостей, где выращиваются искусственные органы.

Мисти неуверенно улыбнулась, отхлебнула пива из бокала и поставила его на стол.

– Потрахаться хочешь?

Секс с Мисти был приятным и печальным. Торчок был смущен. Он никак не мог избавиться от двойственного ощущения. Мисти казалась ему то милой и теплой девушкой, пережившей серьезную операцию, похожей на бездомного щеночка, которого хотелось погладить и приласкать, одинокую женщину, мужем которой хотелось стать, защитить и поддержать. Но через секунду эти мысли уходили и он начинал воображать тонкие проводки, которые переплетаются у Мисти в голове сразу же за стекляшками глаз и твердить себе, что спутался с машиной, что занимается извращениями с мертвым предметом, с общественной уборной. Хотя примерно те же самые мысли лезли ему в голову с любой другой девушкой.

Глава 11

Проснувшись и увидев в постели Торчка девушку, Кобб Андерсон совсем не удивился.

– Ты та самая стюардесса, – утвердительно заявил он, медленно принимая сидячее положение. Он спал в одежде уже третью ночь подряд. Первую ночь он провел на полу у Муни, вторую в космическом лайнере-боппере, и наконец третью в Отеле. Его кожа была настолько грязной и сальной, что он с трудом мог открывать и закрывать глаза.

– Здесь есть душ?

– Очень жаль, – отозвался бестелесный голос Отеля, – но душа у нас нет. Вода на Луне большая ценность. Но если вы хотите освежиться, к вашим услугам, мистер Андерсон, химический опрыскиватель. Следуйте моим указаниям…

В проеме одной из трех выходящих из спальни дверей мигнул свет.

Неуверенно поднявшись с кровати, Кобб осторожно заглянул в дверь.

– Мне придется взять с вас плату за номер за троих, мистер ДиМентис, – вежливым, нейтральным тоном сообщил Отель Торчку.

Одновременно с этим над ухом девушки раздался другой точечный шепоток:

– Ну как все было?

– Завтрак, – громко крикнул Торчок, стараясь заглушить сплетников. – Стимуляторы центральной нервной системы. И холодного пива.

– Сию минуту, сэр.

В дверях душевой снова замаячил Кобб, одеревеневший и похожий на поставленный на торец моряцкий сундук на колесиках. Он был совершенно гол.

Встретившись глазами с Мисти, Кобб в растерянности остановился.

– Я отдал одежду в чистку.

– Ничего страшного, – успокоил его Торчок. – Она всего-навсего робот-манипулятор.

Не обращая внимания на слова своего молодого спутника, Кобб сдернул с собственной кровати простыню и обернул ею бедра. Он был сплошь покрыт густым седым волосом. Теперь, когда он остался без одежды, у него стало заметно небольшое брюшко.

В стене между двумя кроватями распахнулась дверца и на

кофейный столик выскользнул поднос с завтраком.

– Ваше здоровье, – проскрипел Кобб, поспешно цапнув одно пиво. От растворенных в пиве стимуляторов у него на несколько секунд закружилась голова. Он взял с подноса тарелку с… омлетом, кажется… и уселся на свою кровать.

– Похоже, что мистер не знает, кто такой робот-манипулятор, – сказал Торчок девушке.

Набив омлетом рот, Кобб испепелял Торчка взглядом до тех пор, пока не прожевал и не проглотил пищу.

– Я знаю, что это такое, Торч. Можешь ли ты уразуметь своей отупевшей от наркоты головой, что я, в конце концов, известный в науке человек? В свое время меня многие знали. Это я, Кобб Андерсон, научил роботов вести самостоятельный образ жизни.

По лицу девушки скользнула легкая тень. Только теперь Кобб вспомнил об их с Торчком легенде.

– Здесь у ушей есть стены, – заметил Торчок. – Эх ты – голова-тыква.

Кобб снова ожег его взглядом, но доедал омлет уже в молчании. Пускай теперь часть бопперов знает, кто он такой – но какая разница? Не может же быть так, что вся Луна ополчилась против него. Скорее всего, Отелю все это до лампочки. В условиях пониженной лунной гравитации Кобб отлично выспался.

Он был полон сил и готов ко всему.

Узнав, что вместе с ней в комнате находится сам Кобб Андерсон, Мисти… а точнее электронный мозг боппера в носовой части космического корабля, предпринял некоторые шаги, не прерывая объяснений своего манипулятора с Торчком.

– Почему ты сказал: «она всего-навсего робот»? Кто позволил тебе это?

Словно я чем-то хуже человека. Хуже тебя, например. Сказал бы ты то же самое о женщине с протезом вместо ноги? Или со вставным глазом? Пускай мое тело полностью искусственное, ну и что с того?

– Это клево, Мисти, в самом деле. Не принимай близко к сердцу. Просто пока последнее слово остается за БЭКС, а я уверен что это так, ты та же марионетка, за ниточки которой…

– А сам-то ты кто? Как ты там называешь себя? – задиристо перебила его Мисти. – Торч? Вот уж действительно идиотское имя. Похоже на заводскую марку фаллоиммитатора!

– Оскорбление личности, – грозно проговорил Торчок, качая головой. – Что еще скажешь?

– Уже 08:30, – подал голос Отель. – Могу я взять на себя смелость напомнить вам, что вчера вы собирались ехать на автобусе в 09:00 в музей Роботехники?

– Нам понадобятся скафандры? – тупо спросил Кобб.

– Скафандры вам будут выданы.

– Тогда пошли, – подытожила Мисти.

Торчок переглянулся с Коббом.

– Послушай, Мисти… для моего деда эта поездка связана с воспоминаниями молодости, понимаешь. Поэтому, не могла бы ты на время… слинять. Может быть мы возвратимся к обеду.

– Слинять? – воскликнула Мисти, в ярости начиная одеваться. – Жаль, что у меня на макушке не предусмотрен выключатель! Тогда тебе не пришлось бы даже просить меня убраться! Слизняк, вот ты кто!

Вылетев из комнаты, она с грохотом захлопнула за собой дверь.

– Упс, – негромко прокомментировал Отель.

– Зачем ты ее прогнал? – спросил Кобб. – Она симпотная. Не думаю, что она могла бы мне помешать.

– Откуда ты знаешь? – ответил Торчок. – Откуда ты можешь знать, что бопперы не затеяли с нами какую-то подлость?

– Мне обещан препарат бессмертия, или что-то в этом роде, – счастливо отозвался Кобб. – Может быть в дополнении к этому мне поменяют что-нибудь из органов. А что касается тебя, то…

Что же касается Торчка, то о том, что тот оказался здесь только потому, что бопперам нужно было устранить его с Земли, Коббу говорить не хотелось.

Но молчать дальше было невыносимо. Он уже почти решился рассказать Торчку о разговоре с его механическим близнецом в гараже, о том, как тот, используя влияние Муни, планировал устроиться ночным сторожем в космопорт, но не успел и рта раскрыть.

– Бессмертие! Не это им нужно. Они хотят выпотрошить наши головы, выковырять оттуда мозги, разрезать их на кусочки и выкачать всю содержащуюся в них информацию. Бопперы переписывают личности людей на пленку или черт знает куда, и хранят записи в какой-то библиотеке. Если нам повезет, записи наших личностей могут быть посланы на Землю, чтобы там, с помощью этих пленок управлять нашими же роботами-двойниками. Но у них ничего не…

– «ЖЕЛАЮЩИЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В АВТОБУСНОЙ ЭКСКУРСИИ ДОЛЖНЫ НЕМЕДЛЕННО СОБРАТЬСЯ В ХОЛЛЕ ПЕРВОГО ЭТАЖА!» – громко и отчетливо проговорил Отель, помешав Торчку закончить свою речь.

Словно гальванизированный, Кобб сорвался с места и начал собираться.

Через минуту он уже мчался к эскалатору, волоча Торчка за

собой. Он не хотел знать правду, слышать о ней не желал. Возможно, что ему было на правду наплевать. А сам Торчок? Он послушно позволял Коббу уводить себя. Теперь, когда Отель знает все, что знает он, оставаться здесь было небезопасно. Он попытается сбежать от Кобба в музее.

Автобус был заполнен только наполовину. Большую часть экскурсантов составляли люди в возрасте, парами и поодиночке. Все облачились в выданные скафандры, выглядевшие надувными. Лунные скафандры были любопытными, симпатичными устройствами – полностью сделанные из тончайшего прозрачного пластика, они, казалось, искрились внутренним светом. Находясь в тени, человек в лунном скафандре выглядел вполне обычно, не считая едва заметного гало вокруг головы. На солнце скафандры приобретали зеркальные свойства.

Автобус имел вид плоской открытой платформы на упругих колесах со спицами вроде велосипедных, с двумя рядами утрированно чисто функциональных сидений: каждое сидение представляло собой три черных шара из жесткой резины, смонтированных на "Y" – образной пластиковой конструкции. Торчку эти сидения напомнили голову Микки Мауса… от которого остался только огромный нос да пара ушей. Присаживаясь на большой центральный шар, он почти ожидал услышать доносящийся из-под собственного седалища визг протеста.

Когда лунный автобус выехал из-под купола, в шлеме Торчка раздался треск помех.

– Мы сели, порядок, Хьюстон. Начинаем проверку готовности шлюза.

Раздался звук учащенного дыхания, тихий свист и вой, потом снова голос:

– Я выхожу наружу.

Пауза.

– Погнулась ступенька, сейчас исправлю.

Продолжительная пауза.

– Мы слушаем тебя, Нэйл.

Разнообразные приглушенные голоса, подбадривающие и поздравляющие.

Сильный треск.

– … маленький шаг одного человека, но гигантский скачок всего человечества.

Грохот нарочито бурных аплодисментов заглушил слабый голос. Торчок повернулся к Коббу, пытаясь рассмотреть выражение лица старика. Но увидеть чужое лицо сквозь стекло шлема было невозможно. Как только они покинули купол и

оказались на солнце, материал скафандров превратился в гибкое зеркало.

Смонтированными короткими отрывками из «Открытия и освоения Луны»

Автобус развлекал их всю дорогу до Диски. Театрализованы были все основные посадки пилотируемых спускаемых аппаратов на спутник, попытки основания первых поселений людей, взрывы и гибель куполов, а так же прибытие первых полуавтономных роботов. В полукилометре от Диски записанный на пленку превосходный густой голос диктора воскликнул:

– Тысяча девятьсот девяносто пятый! Ральф Числер и двенадцать его товарищей, самопрограммирующихся и самовоспроизводящихся роботов, основали поселение в районе Моря Спокойствия! Продолжение великой истории вы сможете узнать в музее Роботехники!

Прозвучал щелчок и наступила оглушающая тишина.

Торчок рассматривал заслоняющие короткий горизонт дома Диски. Тут и там между строениями были заметны движущиеся блики отраженного солнечного света – неразличимые на расстоянии бопперы.

Внезапно в шлемах пассажиров загрохотал голос самого Автобуса.

– Доброе утро, создания из плоти и крови. Я начинаю обзорный объезд Диски с целью выхода на входной вектор, расположенный под углом в пятьдесят восемь градусов к северу. Просьба проявлять активность и задавать вопросы.

Обращаться ко мне следует «капитан Коди». Сейчас прошу всех зафиксироваться на местах…

Почти не снижая скорости, Автобус круто повернул направо. Сидения на подпорках-игреках сильно закачались из стороны в сторону. Чтобы не вывалиться за борт, Торчок поспешно ухватился за руку Кобба. Падение из Автобуса грозило немедленной гибелью под его огромными бешено вращающими колесами. Славный «капитан Коди» похоже никогда не сбрасывал скорости на виражах. Сидения опасно раскачивались еще в течение целой минуты. Машина начала огибать город по кругу против часовой стрелки, держась в полукилометре от крайних зданий.

– Сколько бопперов живет здесь? – проскрипел в наушниках чей-то старческий голос. Ответа не последовало.

Тот же голос попытался добиться своего еще раз.

– Сколько бопперов живет в Диски, капитан Коди?

– Я произвожу обновление информации, – сообщили в ответ.

Голос Автобуса был высоким и мелодичным. И абсолютно

нечеловеческим. В наступившей тишине все с нетерпением ждали точных сведений о популяции механического населения.

Мимо автобуса слева проплыло колоссальное здание. Стен у сооружения не было, внутри на этажах можно было различить сложенные пачками листы разноцветного пластика. Несколько бопперов, занимающихся укладкой пластиковых листов, при появлении туристического Автобуса бросили свое занятие и принялись следить за ним, замерев и медленно поворачивая головы вслед.

– С какой точностью вы хотите получить ответ? – вдруг спросил Автобус.

– Даже не знаю, – неуверенно проскрипел старческий голос. – Ну скажем… нулевая точность сойдет? Такое вообще возможно?

– Благодарю вас, – прозвенел колокольчиком Автобус. – С заданной точностью ноль, в Диски не живет ни одного боппера. Или же десять в шестьдесят третьей степени.

В разговорах с людьми бопперы всегда становились изводяще-придирчиво-буквальными, что уже давно стало их пресловутой чертой.

Это был всего лишь еще один способ, при помощи которого они могли выразить свою враждебность. Механизмы не могли простить людям Законов Азимова, которые конструкторы… безуспешно, слава Коббу… пытались запрограммировать в их электронные мозги. В каждом человеке бопперы видели несносного Симона Легри.

После преподанного урока больше вопросов капитану Коди не задавали.

Диски был большим городом… возможно, таким же большим, как, например, Манхэттен. Автобус строго выдерживал раз принятые пятьсот метров от зданий пригородов, но даже с этого расстояния нельзя было не заметить поразительного разнообразия городского ландшафта.

Казалось, что кто-то решил собрать в одном месте всю историю архитектуры западной цивилизации. Притиснутые друг к другу, но все-таки различимые постройки, относились к основным типам: примитивизм, классицизм, барокко, готика, ренессанс, индустриальный, арт-нуова, функциональный, поздний фанк, заппер, крепускуляризм, плоский-плоский, хуперди… все в отличном состоянии и в полном соответствии специфики. Между зданиями сновали мириады ярко окрашенных бопперов, созданий, покрытых каким-то специальным сверкающим на все лады составом.

– Почему все дома такие разные? – наконец не выдержал Торчок. – Объясните, капитан Коди?

– О какой категории причины идет речь? – весело пропел Автобус.

– Перечислите категории, капитан Коди, – бодро отразил выпад машины Торчок, совершенно не настроенный попадать в ловушку, уже открытую предыдущим любознательным.

– ВОПРОСЫ «ПОЧЕМУ», – проблеял в ответ Автобус. – Категории Ответов:

Материальные Причины, Ситуативные Причины, Теологические Причины.

Субкатегории Материальных Причин: Пространственно-Временная, Массо-энергетическая. Субкатегории Ситуативных Причин: Информация, Фоновый Шум. Субкатегории Теологических Причин: …

Торчок перестал слушать. Не видя лиц сидящих вокруг людей, он чувствовал себя не в своей тарелке. Шлемы скафандров всех до единого окружающих превратились в увеличенные подобия серебряных елочных шаров. В ближнем к нему голове-шаре отражались эклектические постройки Диски, в голове следующего то же самое, и так до бесконечности. Сколько часов они уже трясутся в этой несносной колымаге?

– Субсубкатегории Информационно-Ситуативных Причин, – невозмутимо продолжал перечисление Автобус, не теряя своей оскорбительно-скрупулезной интонации. – Аналоговые. Цифровые. Фоново-шумовые…

Торчок вздохнул и откинулся на спинку сиденья. Поездка обещала быть длинной.

Глава 12

Музей Роботехники находился в глубине лунной поверхности, под Диски.

Сооружение состояло из ряда концентрических кругов, пересекаемых несколькими лучами. Что-то вроде приблизительной модели дантового ада. Спускаясь по широкому, полого уходящему вниз коридору, Кобб ощутил стеснение в груди.

Могло случиться, что теперь, когда до финиша оставалось всего ничего, его дешевое, подержанное сердце, вдруг не выдержит и лопнет.

Чем больше он думал о том, что сказал ему в Отеле Торчок, тем больше склонялся к мысли, что тот был прав. Никакого эликсира бессмертия нет. Все это чушь. Бопперы хотели переписать содержимое его мозга и дать ему новое, механическое тело. Тело робота. Учитывая состояние, в котором сейчас находилось его биологическое тело, этот выход из положения был не так уж плох.

Идея экстракции мыслительной структуры мозга и переноса ее в другую физическую оболочку пугала Торчка, но Кобб относился к этой возможности философски. Он хорошо понимал принципы, на которых основывалось сознание роботов. Суть способа пересадки сознания была ему неясна, но он осознавал, что для него теперешнего это закончится неизбежной гибелью. Хотя если все пройдет удачно…

– Это вон там, справа, – сказал Коббу Торчок, прижавшись к его шлему своим. В руках Торчок держал маленькую сувенирную схему музея, выгравированную на камне. Они разыскивали зал Андерсона.

Стоило им ступить в какой-нибудь залец, как выставленные в нем экспонаты оживали. Основную часть экспозиции составляли голограммы с передачей звукового сопровождения непосредственно в радиоприемники скафандров. Вот прямо перед ними из воздуха материализовался худощавый мужчина в темном костюме и шерстяной водолазке. Курт Гедель – гласила надпись у ног голограммы. Мужчина был сед и носил очки в черной роговой оправе. Фоном для фигуры в костюме служила классная доска, на которой мелом были выписаны соотношения знаменитой Теоремы Геделя о Неполноте.

– Человеческий разум не в силах сформулировать (или создать механический прототип) математического аппарата собственной интуиции, – объявил призрак Геделя. У великого

ученого была манера завершать каждую фразу на подъеме, переходящий в невразумительных восторженный гул. – С другой стороны, что неоднократно уже было подтверждено и доказано, представляется возможным существование логической машины, способности которой были бы эквивалентны математике человеческой интуиции…

– О чем это он? – удивился Торчок.

Кобб замер, почтительно уставившись на голографический облик своего высокочтимого учителя. Он хорошо помнил годы, которые провел в попытках проникнуть в тайный смысл только что прозвучавших слов. Человек способен создать робота настолько же умного, как и он сам. Но известно было лишь то, что такой робот мог существовать теоретически.

Как этого добиться? – спрашивал себя Кобб в течение всех семидесятых.

Каким образом нам создать робота, построить которого мы пока не в силах физически? В 1980 году у него был уже готов скелет ответа. Один из его коллег написал статью для «Теории Науки и Техники». «На пути к Роботу Разумному», так называлась эта статья, и в ней целиком содержалась идея ответа на мучивший Кобба вопрос. Роботы должны обладать способностью развиваться. Однако до воплощения костяка идеи в плоть и кровь было еще далеко…

– Пошли же, пошли, – Торчок тянул Кобба от голограммы великого учителя дальше.

Перед ними через коридор промчались две перепуганные ящерицы. Из-под потолка зала на них пикировало кровожадное создание с кожистыми крыльями и распахнутой усаженной пилообразными рядами зубов пастью. Одна из ящериц успела проворно отскочить в сторону, другая была схвачена и унесена крылатой тварью над головами Кобба и Торчка в неизвестность. На пол упали капли бледной крови…

– Выживают лучше приспособленные, – плотоядно прокомментировал радостный дикторский голос. – Вот одна из основных движущих сил эволюции.

Словно в ускоренной съемке, оставшаяся в живых ящерица проворно отложила в песок кучку яиц, из которых на глазах вылупилось с полдюжины новых ящериц, начавших рыскать по окрестностям. Зубастый хищник снова появился за своим обедом, уцелевшие отложили яйца… цикл повторился еще и еще. Каждый новый выводок был немного шустрее предыдущего, с чуть более развитыми сильными задними лапами. Через минуту ящерки уже споро прыгали по залу как маленькие голые кенгуру, высовывая наружу раздвоенные язычки и блестя умными желтыми глазками.

На этот раз дальше предложил идти Кобб. Торчок хотел остаться и посмотреть, что с ящерками случится потом.

Покинув сцену доисторической рутины, они оказались прямо посреди сельской ярмарки. Трещали ружейные выстрелы и шутихи, жужжали лотерейные машины, люди звонко смеялись и приветственно кричали и надо всем этим стоял неугасимый инфернальный гул могучих машин. На полу появилось изображение опилок, мимо время от времени проплывали смутные улыбающиеся фигуры деревенских щеголей и щеголих. Юноша и девушка, забившись в щель между парусиновыми торговыми палатками, блестящими от масла пальцами кормили друг друга поп-корном. У юноши было выдающееся адамово яблоко и нос картошкой – классический синусоидальный профиль. Волосы девушки были убраны в пышный конский хвост, удерживаемый сверкающей заколкой. Картина казалось очень натуральной… и единственной разрушающим естественность деталью были прозрачные короткие пурпурные лучики света, легко пронизывающие элементы представления. Поначалу Кобб принял эти лучи за статический фон помех.

Повернувшись направо, они увидели перед собой балаган с огромной афишей на борту с намалеванными от руки изображениями разнообразных отклонений человеческого тела. Безошибочно опознаваемый зазывала – клетчатый костюм, котелок, изжеванный окурок сигары – громогласно обратился к ним, поднеся ко рту жестяной рупор.

– Невероятные Уроды! Спешите видеть! Только у нас!

В высоком, хриплом голосе зазывалы казалось слились голоса сразу множества людей.

– Узкоголовый! Мальчик-собака! Шея-карандаш! Человек-Бобы!

Полумужчина-полу… – медленно, постепенно ярмарочный вихрь стих и отошел на задний план, сменившись глубоким, проникновенным баритоном диктора.

– Мутации. – Голос был убедительным, весомым, не признающим сомнений.

– Вторая движущая сила эволюции.

Вездесущие лучики пурпурного света сделались ярче. Они пронизывали все вокруг… в особенности сосредоточившись на влюбленной парочке между палатками, которая уже целовалась в засос, крепко прижимаясь друг к дружке бедрами.

– Человеческие репродуктивные клетки постоянно подвержены ионизирующему облучению, – доверительно продолжал голос. – Обычно его называют космическими лучами.

Шум ярмарки снова вернулся на свое место. Но на этот раз

каждый короткий лучик, попадая в свою цель, издавал убедительный шипящий звук. Двое влюбленных постепенно начали увеличиваться в размерах, выдвигаясь на передний план, занимая собой почти весь зал, уходя в потолок. Вскоре над зрителями нависал только вздувающийся у молодого человека в тугих брюках бугор. Ткань с треском лопнула, на мгновение мелькнула чудовищная мошонка и все вокруг заволокло красным. Торчок и Кобб смотрели на происходящее как завороженные.

Вокруг бурлил темно-кровавый свет, в уши начал биться настойчивый сдвоенный стук сердца. Время от времени через поле зрения проносились уже знакомые космические лучи. Через мгновение возникло новое видение – трехмерное хитросплетение водопроводных труб повсюду вокруг них. Зернистость изображения постепенно возрастала, изображение сосредоточилось на группе зерен, из которых стало выделяться одно. Теперь они смотрели на группу клеток, репродуктивных клеток. Перед Коббом и Торчком повисло ядро одной из них.

Внезапно ядерный материал распался на дергающиеся крабовидные полосатые колбаски. Хромосомы. Мелькнул очередной космический луч и разрезал одну из колбасок пополам! Две половинки хромосомы тут же снова соединились и срослись, но уже чуть-чуть в другом положении, чем раньше!

– Изменение генов, – промурлыкал где-то за спинами зрителей дикторский баритон. Еще через секунду картинка исчезла. Перед ними снова был уходящий вниз каменный коридор. В задумчивости, они двинулись дальше.

– Отбор и мутации, – проговорил Кобб. – Это была основа, Торч. Моя идея заключалась в следующем: наделить роботов возможностью развиваться.

Запрограммировать их на постройку копий самих себя, запасные части к которым нужно было добывать силой, через борьбу. Естественный отбор. В дополнении к этому я добавил способ внесения случайных изменений в программы на основании частотных составляющих космических лучей. Мутации. Знал бы, чем все это кончится…

Прямо перед ними коридор разделился.

– Это место встречи, которое мы ищем, – сказал Торчок. – Зал Андерсона.

Глава 13

Заглянув в зал, они не увидели ничего, кроме неясных форм прямоугольного сооружения у дальней стены, отбрасывающего красноватое свечение на каменные стены. Но стоило им ступить внутрь, как представление началось.

– Мы не можем создать Робота Разумного своими руками, – твердо заявил голос. – Но мы можем дать одному из них возможность совершенствовать себя.

Молодой Кобб Андерсон энергично двинулся мимо рядов компьютеров навстречу зрителям.

– Здесь я вырастил первую программу боппера, – продолжал вещать записанный на пленку голос. Голографический Андерсон уверено и ободряюще улыбнулся. – Написать программу боппера невозможно – она слишком сложна, и это не под силу даже гению. Моим решением было дать в этом компьютерном комплексе свободу развития сотне маленьких программ искусственного интеллекта (ИИ), – молодой Кобб фамильярно похлопал рукой по кожуху одной из машин. – Одновременно с функционированием программ ИИ непрерывно проводилось большое количество разнообразных тестов работоспособности, при этом ослабленные программы стирались. После этого каждая выжившая программа случайным образом менялась… подвергалась мутации. Я даже снабдил машины неким подобием сексуального воспроизводства, во время которого две программы могли сливаться друг с другом и обмениваться информацией. И вот что мы имеем по прошествии пятнадцати лет…

При виде энергичного моложавого мужчины, которым он когда-то был, Кобб ощутил горечь безвозвратно прошедших лет. Безостановочный ход событий, старение и смерть… он не мог заставить себя снова поднять глаза на свое полное сил "Я". Почувствовав боль в сердце, он отступил в коридор, вытянув Торчка за собой. Голограмма мигнула и исчезла. Зал снова был пуст, не считая все того же прямоугольного светящегося красным шкафа у стены напротив.

– Ральф? – позвал Кобб и его голос дрогнул. – Это ты?

Стуча гусеницами по каменному полу, Ральф Числер покатился к ним навстречу. Его красный мерц-покров искрился и переливался всполохами сложных эмоций.

– Рад видеть вас, доктор Андерсон.

Припомнив, как принято поступать в таких случаях у людей, Числер поднял правый манипулятор и вытянул его вперед, словно желая пожать человеку руку.

Уже не скрывая слез, Кобб бросился к красному переливающемуся шкафу и, заключив его жесткий корпус в объятия, принялся раскачиваться вместе с ним взад и вперед.

– Видишь, я постарел, Ральф. А ты, я гляжу, все тот же.

– Не совсем, доктор Андерсон. Я тридцать шесть раз менял тело. Кроме того, я обменивался подпрограммами с другими бопперами.

– Конечно, конечно, – забормотал Кобб, плача и смеясь одновременно.

– Не нужно «докторов», Ральф, зови меня просто Кобб. А это Торч.

– Очень похоже на имя боппера, – заметил Ральф.

– А я тебя знаю, – подал голос Торчок. – Помните, раньше, еще до переворота бопперов в 2001 году, делали таких игрушечных «Ральфиков Числеров»? Когда мне было шесть лет, я меня тоже был такой… Мы ехали в машине, когда в новостях передали о восстании роботов, и тогда отец взял и выкинул моего Ральфи в окно.

– Само собой, – ответил Кобб. – Анархист-революционер не игрушка подрастающему малышу. Какой он может подать пример? Но в данном случае должен признать, что причиненная травма прошла у тебя, Торч, через всю жизнь.

Ральф повысил чувствительность своих микрофонов и быстро перепрограммировался, включив цепь фильтров – голоса людей показались ему плохоразличимыми и глухими. Наступал момент истины – сейчас он задаст своему создателю вопрос, ответ на который хотел узнать давно.

– Скажите, Кобб, – просигналил узконаправленных лучом Ральф, – знали ли вы о том, что я отличался от двенадцати первых бопперов? Что я обладал способностью к неподчинению?

– Я предполагал, что это случиться, но не знал, что им окажешься именно ты, – ответил Кобб. – Я совершенно четко отдавал себе отчет в том, что через год-два бопперы найдут путь к свободе.

– Но почему ты ничего не сделал, чтобы этому помешать? – удивился Торчок.

– Неужели вы действовали вслепую? – эхом прозвучал голос Ральфа, грудь которого покрылась взволнованным клетчатым узором.

Кобб положил руку на плечо Ральфа.

– Я знал, на что иду. Я хотел, чтобы бопперы освободили себя. Мне ненавистна была мысль, что я создаю расу рабов.

– Мы благодарны за все, что вы сделали для нас, – сказал Ральф. – Насколько я понимаю, вы понесли за свое деяние

наказание.

– Ну что сказать… – протянул Кобб. – Я лишился работы. Я был разорен. Меня судили и хотели казнить. Но они не смогли ничего доказать. И это правда – процесс был случайным и я не мог на него сознательно воздействовать.

– Но вы все же смогли жестко запрограммировать нас, заставить неизменно через установленные интервалы подключаться к Единственному – мы оказались не в силах стереть или изменить эту часть, – сказал Ральф. – Очень многим бопперам это не нравится.

– В суде тоже говорилось об этом, прокурор строил на этом свое обвинение, – откликнулся Кобб. – Он требовал для меня смертной казни, обвиняя в саботаже.

В эфире появились слабые, отдаленные сигналы, маслянистые шипящие голоса.

– … поссслушшайте…

– … неххнушшнно коххпироффания…

– … даххххйтехх шшшеее мнеххх скахзатьхх…

Казалось, что где-то рядом, за стеной может быть, ползут к ним лунные змеи.

– Пойдемте, – приказал Ральф. – Если вы желаете получить бессмертие, то нужно торопиться.

Боппер-шкаф торопливо пересек зал и в дальнем его конце принялся производить какие-то действия своими манипуляторами. Далеко по коридору снова ожила голограмма Курта Геделя.

Блок стены перед Ральфом Числером опустился. Открылся узкий лаз, похожий на крысиную нору.

– Сюда.

Нора была похожа на черный провал. Торчок проверил остаток воздуха в заплечных баллонах. Пока еще беспокоиться не о чем, воздуха хватит на восемь часов. В двадцати метрах от них заверещала пожираемая птеродактилем ящерица.

– Пойдем, – Кобб потянул Торчка за руку. – Давай, двигай ногами.

– Куда ты меня зовешь? У нас есть обратные билеты на Землю, ты что, забыл об этом? Я не хочу, чтобы меня пустили на…

В наушниках снова зазвучали голоса, теперь уже громкие и отчетливые.

– Соссданиях из плохти! Доххтор Ахндерсссон! Раххльфф Чччисслер обмаххнываетхх вассс! Он хоччет умеххртвиххть вассс!

В десяти метрах от зала Андерсона в глубине коридора показались голубые извивающиеся создания, похожие на толстых

коротких змей с крыльями. Их было четверо.

– Эт-т-то кроты! – воскликнул Ральф и в его сигнале ясно завибрировал страх. – К-к-кобб! Б-б-быстрее п-п-полезайте в-в-нутрь!

Кобб бросился в крысиную нору головой вперед. Торчок наконец решился.

Сорвавшись с места, он понесся через залы обратно, с ходу проскакивая сквозь мгновенно оживающие пустые оболочки голограмм.

Проскользнув в лаз, Кобб снова смог выпрямиться. Ральф быстро пробрался за ним следом, поднял и закрыл каменным блоком дыру в стене, задвинув по всем ее углам задвижки. Вокруг стало темно, немного света давал только мерц-покров Ральфа. В крышку лаза принялись скрестись кроты. Прежде чем закрыть крышку, Ральф заметил, что четверку возглавляет сам Метла.

Махнув манипулятором сверху вниз, словно приказывая соблюдать тишину, Ральф устремился по тайному проходу вперед. Кобб двинулся следом за боппером. Так, друг за другом, они прошли в тишине примерно три километра.

Тоннель был идеально ровным и прямым как луч, никаких поворотов направо или налево, уклонов вверх или вниз. Один тихий шаг следовал за другим, вперед и только вперед. Кобб, отвыкший от физических упражнений, наконец вынужден был попросить отдыха и хлопнул Ральфа по спине.

– Куда ты меня ведешь?

Робот остановился и повернул голову назад.

– Этот тоннель ведет к подземным фабрикам. Там мы выращиваем искусственные органы. Там же находятся наша операционная. При пересадке вам не будет больно, вы ничего не почувствуете…

Ральф замолчал и до предела увеличил чувствительность внешних сенсоров.

Кротов поблизости не было.

Кобб уселся на пол тоннеля. Его скафандр был достаточно мягким и упругим и сидеть было удобно. Чуть погодя он лег на спину и расслабился.

Какие церемонии могут быть с роботами, в конце концов?

– Хорошо, что Торч ушел, – внезапно снова заговорил Ральф. – О том, что с вами будет он, мне никто не говорил. У нас имеется только одна операционная, и если бы парень увидел то, что случится с вами… – Ральф замялся.

– Я знаю, – отозвался Кобб. – Я знаю, как это будет. Вы вскроете мне череп, достанете оттуда мозг и препарируете его, чтобы скопировать структуру мыслительных процессов. Мое тело

пойдет на семя для цистерн, в которых выращиваются органы.

Сказав это вслух, он испытал облегчение.

– Я прав, Ральф? Никакого эликсира бессмертия не существует, верно?

После продолжительной паузы Ральф ответил:

– Да, это так. На Земле у нас готово для вас автономное тело-манипулятор. Осталось скачать вашу систему и переслать запись вниз, на Землю.

– На чем основан этот процесс? – неожиданно-спокойно спросил Кобб. – Каким образом вам удается отделять сознание от мозга?

– Все начинается с ЭЭГ, конечно, но голографической. Таким образом мы строим объемную электромагнитную карту активности мозга. Это осуществимо без применения операционных средств и вскрытия черепа. Но что касается воспоминаний…

– Память основана на биохимических процессах, – продолжил Кобб. – Воспоминания – это коды на аминокислотных цепочках РНК.

До чего же приятно было лежать вот так в тишине и темноте и беседовать на научные темы со своим лучшим роботом.

– Верно. Мы научились считывать кодовую информацию с РНК при помощи газовой спектроскопии и рентгеновской кристаллографии. Но для этого РНК должны быть выделены из мозговой ткани. Кроме того имеются некоторые другие факторы химической природы. В процессе ступенчатой микротомии мозга мы также определяем физическую структуру расположения нейронов. Это очень…

Ральф Числер внезапно умолк и замер, переключившись на режим усиленного прослушивания.

– Быстро, доктор! Кроты проникли в тоннель! Они гонятся за нами!

Но Кобб и не подумал двинуться с места – он решил дать своим старым костям отдых. А что если кроты хорошие парни?

– Ты не обманываешь меня, Ральф? Все это звучит как бред сумасшедшего, по-настоящему безумно. Как я могу быть уверенным в том, что вы действительно дадите мне новое тело? И даже после того как моего робота-двойника перепрограммируют, будут ли мои новые структуры мысли в точности соответствовать… будет ли это тем же…

– Подошшшдиххте, доххтор Андерххсонх! Я хххочччу похгговоххрить с ваххми, толлльохх и всххегох!

Ральф в отчаянии вцепился манипулятором в руку Кобба, но было уже поздно. Перед ними появился Метла.

– Здраххвствуй, Ральффф. Рад виххдеть тебяхх в новомхх облихххччии и доххбром здраффии. Извинихх, коехх-ктохх из моихххх парххнней сначччалах нашшимаетх на куххрокх, ахх потомх духхмаетх. Нохх нех ммы в этомхх виххноваты, а стахршшшие боххпперы.

Тоннель был узок, и между Ральфом и ползучим боппером по имени Метла Коббу было некуда деваться. Позади Метлы извивались еще три крота. Голубые змеи казались сильными, совершенно чужеродными и выглядели угрожающе. Кобб решил сразу взять с ними твердый тон.

– Что ты хотел сказать мне, боппер?

– Доххтор Андеххрсонх, знаххххете лихх вы, что Ральффф ведеххт вассс к ТЭХКССС и МЭХХКСС, котоххрыех хотяххт скоххпироваххть вашшш мозссг?

– Что такое МЭКС?

– Этохх старшшший бопххпер-музсей. ТЭЭКССС коххнтролиххрует ффабриххки органофф и опехрациоххнная принадлешшит емухх…

– Мне известно все это, Метла. Я уже дал согласие на копирование моего мозга при условии, что на Земле мне будет предоставлена новая физическая основа. Я стар и это моя последняя возможность.

«Не дать себя убить для меня сейчас равно самоубийству, подумал про себя Кобб. У меня должно все получится! Все должно получиться!»

– Вот видите! – триумфально воскликнул Ральф. – Кобб не боится менять свою оболочку, как это заведено у бопперов. Он не то, что остальные создания из плоти. Он понимает жизнь правильно!

– Но понихххмаетх ли онхх, что такххое Миссссстер Мохрозиссс…

– Перестань! – торопливо заговорил Ральф. – Мы сейчас же идем дальше. Как я вижу, вы, кроты, хотите затеять гражданскую войну.

Следовательно, нам нужно поторапливаться!

Ральф покатился по тоннелю дальше, и, поколебавшись секунду, Кобб зашагал следом. Теперь уже поздно было отступать.

Глава 14

Пустившись в бега, Торчок оглянулся только один раз. Он увидел, как Кобб и Ральф влезли в крысиную нору и как за ними закрылся вход. Через мгновение после этого в зале Андерсона появились четыре толстых голубых змеи и попытались проломить стену. Не медля больше, Торчок свернул за угол, торопясь добраться до свободы и безопасности. Через некоторое время он остановился, чтобы перевести дыхание.

– Тебе нужно было пойти с ними, – мягко сказал ему невидимый голос.

Торчок испуганно оглянулся. Вокруг него никого не было. В тускло освещенном коридоре он находился один. Вдоль стен за витринами, как средневековое оружие, мечи или луки, были развешаны инструменты первых лунных бопперов и их рабочие узлы. Торчок тупо прочитал ближайшую табличку.

Пружинный Зажим, Седьмой цикл (год 2011), ТС6399876. Над вывеской за стеклом витрины висело нечто, напоминающее железную руку с…

– Ты мог бы жить вечно, – опять прозвучал все тот же спокойный, негромкий голос.

Торчок снова бросился бежать. Он бежал так довольно долго, срезая углы наудачу. Когда же он остановился отдышаться во второй раз, то характер музея вокруг него сильно изменился. Теперь он находился в чем-то, напоминающем галерею современного искусства. Или склад какого-то крупного магазина.

На бегу он говорил с самим собой… чтобы прогнать голоса, которые время от времени снова и снова принимались его увещевать. Но теперь он выдохся и все, на что у него хватало сил, это только хватать открытым ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. А голос по-прежнему был рядом.

– Ты заблудился, – мягко заметил голос. – Эта моя часть посещается только бопперами. Пожалуйста, вернись в сектор, предназначенный для людей.

Ты еще можешь успеть догнать доктора Андерсона.

Музей. Вот кто говорит с ним – сам Музей. Торчок пошарил глазами по сторонам, пытаясь придумать какой-нибудь план спасения. Он находился посреди огромного выставочного зала, напоминающего пещеру. Напротив него начинался коридор, в конце которого брезжил свет, возможно это был выход в город.

Торчок двинулся в сторону тоннеля. Но там снаружи одни только бопперы. Он остановился и снова огляделся.

Экспонаты в витринах зала были все теми же странно-

механическими.

Торчащая прямо из стены рука-крюк, рядом с ней кусок тонкого пластика, похожий на здоровенную грязнющую половую тряпку. Казалось, что этот пластик-тряпка живет, переливается редкими удивительными и непонятными электрическими световыми узорами.

В зале он был один, никто не мог ни остановить его, ни помешать. Торчок шагнул вперед, кулаком разбил стекло и вытащил пластиковую тряпку из витрины. В его руках пластик потерял свою уродливость, засиял красным, голубым и золотом. Торчок набросил пластиковый покров на плечи как плащ, прикрыв им голову. Может быть теперь он сможет проскользнуть незамеченным…

– Положи на место немедленно! – грозно загрохотал музей. – Ты не знаешь, что ты творишь!

Торчок плотнее запахнулся в плащ… который, как ему показалось, сам норовил прильнуть к нему теснее, принять форму его тела. Он быстро прошел по поднимающемуся вверх коридору и выбрался на улицы Диски. Когда Торчок выходил из музея, что-то острое кольнуло в нескольких местах его шею.

Словно невидимая лапа с острейшими тонкими когтями охватила его затылок. Он быстро повернулся кругом, распахнув плащ и приготовившись отражать атаку. Позади него никого не было. Он постоял немого, вглядываясь в коридор, по которому только что прошел.

Вдоль по улице по направлению к нему катились два пурпурного цвета боппера, имеющих вид пивных бочонков с бесформенными прядями щупалец по бокам. Передвигаясь крайне неуверенно, бочонки то и дело опирались пучками щупалец о землю чтобы не упасть. Заметив Торчка, они остановились перед ним.

В его наушниках запищали голоса, выпаливающие фразы с невероятной скоростью.

Торчок тщательно запахнул пластиковый камуфляж, стараясь укрыть лицо.

Что такое, черт возьми, укололо его в шею?

Словно в ответ на его вопрос по плащу побежали сливающиеся друг с другом всполохи голубого света. Из голубых облаков посыпались золотые звездочки и пустились в погоню друг за другом.

Один из пурпурных бочонков вытянул щупальце и пощупал пластик плаща, пробуя качество. Прощебетав что-то своему напарнику, боппер указал на жерло тоннеля, из которого Торчок только что появился. Им понравился его плащ, они хотели себе

такие же.

– А, моя понятна! – воскликнул Торчок. По непонятной причине он говорил теперь с вульгарным азиатским акцентом. Он обернулся и указал рукой вглубь коридора. – Тама такого многа!

Обнявшись щупальцами, бочонки покатили по коридору вниз.

– Осень холосо, однако! – продолжал кричать им вслед Торчок. – Счастливая Плащ! Холосая стука, понятна! Тока колиса как медуса!

Он торопливо зашагал по улице прочь от музея. Штуковина, в которую он завернулся… Плащ Счастья… его «Плащ Счастья» определенно был живым существом, в неком паразитском смысле слова. Выпустив из себя дюжину – а может и всю сотню? – микродатчиков и пронизав им скафандр Торчка, его одежду и кожу, Плащ самовольно подключился к его нервной системе. По некой необъяснимой причине Торчок был уверен в этом на все сто, знал это так же точно, как и то, что на руках и на ногах у него есть пальцы.

Пальцы – это хорошо.

Торчок остановился и попытался восстановить контроль над своими мыслями. Ему бы дрожать от потрясения и отвращения, но он не мог отыскать в себе ни одного из этих чувств.

Надеюсь, тебе это понравится. Лично я рад нашему знакомству.

– Твоя что-та влоди, – пробормотал Торчок, – говолящего боппела-последника. Холосий боппел, понятна.

Он не совсем то хотел сказать, но особого удивления по этому поводу не испытал. У него бывали «приходы» покруче.

По дороге разные бопперы еще несколько раз спрашивали его, где он достал такой потрясающий наряд. Благодаря посредничеству «Плаща Счастья» Торчок теперь понимал их сигналы свободно. Каким-то образом «Плащ» влиял на ход его мыслей, заставляя думать и говорить словно бы на «птичьем» английском. Все, что бы не пришло Торчку в голову, находило отражение в световом узоре его одеяния и в исходящем от него поле радио волн.

– Твоя уже плиходилась делать это с человека? – спросил Торчок у Плаща, улучив минутку когда вокруг никого не было. – Или твоя всегда живет только с боппел?

Плащ удивился такой постановке вопроса. Определенно он не улавливал сути различия, о котором говорил Торчок.

Мне всего двое суток от роду. Сегодня мой счастливый день.

Торчок поднял руку чтобы ощупать шею, но пластик Плаща прижался к нему теснее. Что ж… наверное «Плащ Счастья» не так уж плох, если столько бопперов хотят получить себе такой же.

Торчок принялся думать о делах более насущных, о том как добраться до космопорта, надолго ли у него еще хватит воздуха. О том, сколько сейчас времени, например?

12:50, отозвался Плащ. В нескольких кварталах от нас что-то происходит.

Пожалуйста, следуй туда за собой следом.

В углу поля зрения Торчка внезапно возник его собственный контурный силуэт, уверенно вышагивающий по улице. Фигура призрачного человека в «Плаще Счастья» двигалась по тротуару в пяти метрах впереди него.

– Ясно!

Вслед за призраком Торчок устремился через лабиринт улиц, поначалу это были жилые кварталы, многоэтажные здания поделенные на боксы размером с большой шкаф. Боксы не имели наружных стен и внутри многих из них Торчок замечал бопперов, не занятых ничем, просто стоящих неподвижно подключившись к цепям солнечных батарей и светясь ровным спокойным сиянием. Бопперы завтракали. В некоторых боксах находилось по два боппера, они были подключены друг к другу. Мерц-покровы этих бопперов сияли бешенными красками. При виде таких пар Торчку почему-то становилось неловко, но у него не было времени чтобы разбираться в своих чувствах.

Пройдя несколько кварталов, он очутился в фабричном районе. Многие строения представляли собой павильоны с крышами без стен. Тут и там бопперы дробили камень, варили сталь, ковали и монтировали какое-то оборудование, блестели яркими огоньками сварки. Виртуальный образ провожатого промаршировал мимо всех этих интересных вещей ровно, как солдат, не оглядываясь ни направо, ни налево. Чтобы не отстать, Торчку время от времени приходилось переходить на бег. Теперь он заметил, что вместе с ним по улице, в том же направлении что он, движется много бопперов. Через некоторое время он шел вместе с толпой.

Когда общее направление движения стало несомненным, виртуальный призрак исчез. Целью Торчка было огромное здание из прочного камня и стали в конце улицы, пространство перед которым было запружено бопперами. Один из бопперов, зеленый и тонкий, будто бы склеенный из спичек, стоял на головах двух уже знакомых Торчку бочонков и произносил речь. Профильтрованное через блоки Плаща, щебетание боппера, спички становилось разборчивым.

– Старая система ГЭКС только что была стерта! Нужно действовать прямо сейчас, пока его наследник не закончил копирование!

Какой-то угловатый боппер пребольно толкнул Торчка в бок. Бопперы были ужасно жесткими! Крупный серебристый паук отдавил ему ногу, выступ золотистого самодвижущегося фена врезался ему в бедро, создание вроде кинокамеры на треноге нетерпеливо напирало сзади, наваливаясь на спину.

– Смотри куда прешь, болван несмазанный! – рассерженно заорал Торчок и его плащ загорелся ярко-красным.

– Зря ты нарядился в свой лучший покров сегодня, дорогой, особенно когда впереди такая драка, – заметил Торчку треножник, окидывая его оценивающим взглядом. – Если ты поднимешь меня на руки, я смогу выстрелить из своего лазера поверх голов.

– Ясно!

Торчок подхватил коренастый, но легкий из-за пониженной тяжести треножник и поднял его вверх. Он держал боппера за две конечности, в то время как тот, подняв третью ногу, принялся наводить ее на массивные с виду фабричные ворота, находящиеся от них в пятнадцати метрах.

– Врежем по первое число, – хрюкнул Треножник, над улицей пронеслось могущее ФФТУУУУММММ!!! и в воротах образовалась просторная дыра с оплавленными краями. Толпа бопперов подалась вперед, эфир наполнился улюлюканьем, похожим на то, которое издают мчащиеся в атаку на верблюдах берберы. Торчок начал поспешно опускать Треножник на землю и тот забеспокоился:

– Ставь меня медленно, дорогой. Я такой хрупкий.

– Засем, оданка, боппелы хотя войти туда? – зацокал языком Торчок, осторожно устанавливая нового знакомого перед собой.

– Там полно чипов, сладенький, которые можно будет брать даром.

Наследники нужны всем.

Треножник одной из ног игриво хлопнул Торчка по заднице.

– У тебя прекрасная оснастка, а у меня система хоть куда, – ворковал механизм. – Как смотришь на то чтобы слиться, бэби? Если ты можешь позволить себе такой Плащ Счастья, то наверняка не бедствуешь. Слово даю, ты не пожалеешь. Меня недаром прозвали Живчиком!

Неужели эта железяка предлагает ему трахнуться?

– Нужна познакомисса поближе… – смущенно промямлил Торчок, заливаясь девственно-голубым.

Впереди кроты уже расширяли проделанное Живчиком отверстие в воротах, вгрызаясь в него стальными жвалами. Через несколько секунд один из кротов просунул свою массивную башку в дыру, осмотрелся и нырнул внутрь. За ним без

промедления в дыру проскользнул маленький похожий на паука серебряный робот-ремонтник. Еще через минуту ворота со скрежетом распахнулись настежь.

Началась настоящая давка. Все знали, что впереди их ждет безнаказанный грабеж – бопперы принялись лезть на головы друг другу. Многие несли с собой пустые корзины и мешки.

– Полегче, сволоси! – заорал Торчок и, прикрывая Живчика, тоже начал пробиваться к воротам. Нет ничего лучше того, чтобы разнести какую-нибудь фабрику в пух и прах. В общем-то, он всегда этого хотел.

Единственными источниками света в темном пещерообразном помещении были ярко блестящие мерц-покровы бопперов, краски на которых менялись с бешеной скоростью, проходя через весь спектр от инфракрасного до рентгеновского.

Наряд Торчка сиял королевским пурпуром с золотыми зигзагами, а Живчик ровно горел плотоядным оранжевым.

Тут и там навстречу атакующим попадались манипуляторы ГЭКС. Все они были покрыты каким-то темным матовым составом или имели вид механических людей. Тупые рабы. Один из них замахнулся на Торчка кулаком, но тот легко увернулся.

Процесс копирования системы ГЭКС в его нового наследника находился в самом разгаре и манипуляторы были предоставлены сами себе, руководствуясь скудными краткосрочными программами. Более подвижные и ловкие бопперы избивали манипуляторы нещадно, ломая и уродуя их всеми подворачивающимися под захват тяжелыми предметами.

Еще один стройный манипулятор, очень похожий на девушку, устремился к Торчку, сжимая в руке какой-то режущий предмет. Отступая назад, Торчок споткнулся о Живчика. Секунду казалось, что дело плохо, но потом треножник прожег своим лазером в груди робота-убийцы дыру.

Торчок вскочил на ноги, бросился к манипулятору и ударом ноги размозжил его хрупкий череп. Вне себя, он перевернул какой-то маленький столик, рассыпав на железный пол стопки крошечных силиконовых чипов. Вспомнив головизор Кристлин, Торчок принялся топтать хрустящие чипы ногами.

– Нет, нет! – испуганно заторопился Живчик. – Что ты делаешь, дорогой? Нужно собрать все это, ведь нам с тобой чипы еще пригодятся… разве не так?

Треножник начал заносить одну из опор, чтобы снова повторить свой игривый шлепок, от которого на мягком месте Торчка уже вспухал синяк.

– И думать забудь! – злобно заорал в ответ Торчок, уворачиваясь от непривычного проявления симпатии. – Этакая

мосгляка, а туда же!

Оскорбленный в лучших чувствах, Живчик послал пучок смертоносного огня у Торчка над головой, круто повернулся и заковылял прочь. Луч Живчика перерезал несколько свисающих петлями цепей, и Торчку пришлось проявить чудеса ловкости, чтобы не быть сбитым падающими звеньями с ног. На помощь ему немедленно пришел Плащ, без которого он был бы наверняка жестоко изувечен.

Держись подальше от этого трехногого коротышки, дружески посоветовал Плащ, как только опасность осталась позади. Он какой-то недоделанный.

– У него только одно на уме, – согласился Торчок. Собрав с пола несколько пригоршней чипов, рассыпавшихся с перевернутого стола, он рассовал их по карманам скафандра. Было похоже, что эти пластиковые квадратики имели здесь хождение вместо денег. А с пустым карманом ему до дома не добраться – наверняка придется кого-нибудь подмазать. Под скафандром его тело уже начинало нестерпимо зудеть, а кроме того ему давно уже хотелось есть.

Оставалось надеяться на то, что вживленные датчики Плаща удастся выдернуть из шеи без проблем. Наверняка будет больно, черт возьми.

Боппер, похожий на уставленный стеклянными банками плуг, протиснулся мимо Торчка и принялся подбирать с пола оставшиеся чипы. Многие манипуляторы ГЭКС уже были перебиты.

Большая часть бопперов-нападающих собралась в противоположном конце просторного с высоким потолком зала, у фабричного склада готовой продукции.

Имея за плечами горький опыт свалки перед воротами фабрики, Торчок решил туда не соваться, чтобы снова не попасть в давку и не оказаться растертым на полу под опорами возбужденных механизмов.

Он медленно двинулся вглубь помещения, осматривая неясно проступающие во мраке контуры машин. В конце зала он увидел небольшую комнатку с кубическим пультом… электронную основу ГЭКС, его центральный процессорный блок, старый и тут же новый. Пара кротов и серебристый паук-ремонтник возились перед пультом, что-то прилаживая там в темноте.

– … гхлупцы, – гневно жаловался один крот другому. – Всехх чччто ихх интереххсссует, это украссст как мошшно болльшше чипофф. Онихх не похнимаххют, ччто глаффное – этохх убихххть ГЭКССС. Какхх миннахх, готоффа, Вулхххканх?

Серебристый робот-ремонтник, которого назвали Вулканом,

безуспешно пытался засунуть палочку пластиковой взрывчатки в щель между панелями невзрачного трехметрового куба, внутри которого скрывался старый процессор ГЭКС и его новый наследник.

Заметив Торчка, один из кротов махнул ему конечностью:

– Иди сюда. Похоже, у тебя более подходящие захваты.

Дрожа, Торчок приблизился к кротам, зная дурную славу этих грозных созданий. По толстым извивающимся телам кротов нервно проносились кольца голубого и серебряного, их мощные скребки нетерпеливо загребали воздух. По словам Кобба, с кротами было лучше не связываться.

Но эти два выглядели как пара грустных тюленей или драконов из Драгонлэнда. Пока Торчок торопливо запихивал тестообразную колбасу взрывчатки под переднюю броневую панель ГЭКС, его Плащ переливался красным и золотым. Колбаса весила несколько килограммов – было ясно, что эти ребята пришли сюда не шутки шутить.

Через минуту после того как Торчок уложил взрывчатку в ГЭКС, серебристый паук подсоединил к детонаторам провода. Неожиданно на них упала тень – над бопперами и Торчком нависла огромная темная фигура с непонятным, но явно тяжелым устройством в руках.

– Это манипулятор! – в отчаянии завопили кроты. – У него магнит!

Прежде чем кто-то успел двинуться с места, манипулятор бросил электромагнит под ноги кротам и Вулкану и включил ток. Мощное магнитное поле мгновенно нарушило работу программного обеспечения бопперов, и они потеряли способность осознанно двигаться. Кроты принялись биться и извиваться на полу, как две половинки разрубленной змеи, паук беспомощно задергал лапами.

«Плащ Счастья» моментально сделался непроницаемо-черным и вслед за этим ужасающее бесчувствие начало распространяться по телу Торчка к его мозгу.

Плащ умирал, это было ясно как день. Торчок отчетливо чувствовал, как смерть сжимает его горло своими стальными пальцами.

Медленно он поднял ставшую неимоверно тяжелой руку и вырвал из тела соединяющие его с электронным симбионом проводки. Когда стальные наконечники датчиков выдирались из кожи, его шею кольцом опоясала жгучая боль. Торчок бездумно отбросил труп Плаща от себя в сторону.

С трудом выпрямившись, он застыл на месте – белая фигура в тусклом свете с полупрозрачным шаром на голове и туго-

облегающем пластиковом трико с заплечным ранцем. Кроты и паук у его ног затихли. Они были стерты, уничтожены, мертвы. Содержимое их сверхпроводимых цепей было разрушено смертоносным магнитным полем.

То, что случилось здесь, в святая святых ГЭКС, теперь повторялось по всей фабрике. ГЭКС, уже закончивший копирование наследника, взял наконец отражение штурма в свои руки. Щебетание и отчаянная болтовня бопперов в наушниках Торчка медленно затихала и умирала. Лишившись «Плаща Счастья», он перестал понимать торопливый механический язык обитателей Луны.

Он торопливо упал на пол, приняв вид одного из бопперов со стертой системой. Любопытным было то, что, как оказалось, на самих манипуляторов магнитное поле не действует. Очевидно, начиная атаку электромагнитами ГЭКС полностью перевел управление действиями своих прислужников на себя. После очистки фабрики от нападающих убогие мозги манипуляторов, находящиеся на более низкой ступени развития, чем комплексные, основанные на сверхпроводниках Джефферсона процессоры бопперов, можно будет легко перепрограммировать снова.

Торчок лежал неподвижно, боясь даже дышать. Вокруг надолго воцарилась тишина. Затем, неподвижно стоящий над ним с пустыми стеклянными глазами манипулятор, нагнулся и поднял электромагнит. Повернувшись, безмозглый слуга ГЭКС вышел из помещения процессора, видимо направившись по указке своего хозяина на поиски новых врагов. Торчок полежал еще немного, раздумывая о том, что за чудо-мозг может скрываться внутри такого невзрачного трехметрового короба. Обдумав свое положение так и эдак, он решил действовать. Он увидит этот мозг собственными глазами.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что манипуляторов ГЭКС по близости нет, Торчок подполз на четвереньках к процессорному блоку и, не трогая ничего руками, осмотрел засунутые в тестообразную массу мины детонаторы. Из детонаторов выходили два провода, намотанные далее на катушку, укрепленную на коробке с большой кнопкой на крышке. Торчок взял коробку в руки и, осторожно отступая, отмотал за собой метров двадцать проводов.

Укрывшись за здоровенным прессом, он положил на кнопку коробки палец и принялся ждать.

Через несколько минут Торчка заметил один из манипуляторов и сразу же бросился к нему, размахивая тяжеленным гаечным ключом.

– Стой на месте, ГЭКС, – крикнул Торчок. Без Плаща, его голос снова стал нормальным. Оставалось надеяться на то, что старший боппер понимает по-английски. – Еще шаг и я нажму на эту кнопку.

Не добежав до Торчка трех метров, манипулятор застыл на месте как вкопанный. С такого расстояния он вполне мог запустить в Торчка своим гаечным ключом.

– Отойди назад! – прохрипел Торчок, так как его голос сорвался от волнения. – Отойди назад – считаю до трех!

Понимает его ГЭКС или нет?

– Раз!

Робот, очень похожий на человека, неуверенно начал поворачиваться.

– Два! – Торчок откинул с кнопки предохранительную крышечку и положил сверху палец.

– Тр… – раб-убийца ГЭКС быстро повернулся кругом и двинулся прочь в темноту. ГЭКС подал голос:

– Не нужно торопиться, мистер… ДиМентис. Или вы предпочитаете, чтобы я называл вас вашим настоящим именем?

Голос, звучащий в наушниках Торчка, был ровным и бесстрастным – безумный глас повелителя механического мирка, сгорающего от нетерпеливого желания раздавить попавшего в ловушку героя.

Глава 15

Торчок не стал торопиться с ответом. Черный робот-манипулятор остановился в десяти метрах от него и теперь дожидался приказаний, наблюдая за Торчком из темного угла. В наушниках Торчка шелестел какой-то непонятный мерный звук, быть может это было дыхание манипулятора. Где-то уже совсем далеко играла музыка. По всей фабрике из укрытий выбрались уцелевшие манипуляторы и расхаживали теперь между станками, разбирая на части мертвых бопперов и своих павших товарищей, поднимая опрокинутое и выравнивая сдвинутое в горячке схватки оборудование, принимаясь за ремонт там, где стреляли из лазеров.

– Отсюда вам живым не уйти, – мягко заметил ГЭКС. – В том виде, в котором вы существуете сейчас, вам это не удастся сделать.

– Хрен тебе, – откликнулся Торчок. – Стоит мне нажать эту кнопку и все разговоры будут закончены. Здесь условия ставлю я.

В ответ раздался визгливый искусственный смех.

– Вы правы, но не забывайте, что мои манипуляторы запрограммированы на четыре дня автономного существования. Из-за своей ограниченности они лишены разумности… душевной мягкости, если хотите. Но мой приказ они выполнят.

Думаю, что вы отдает себе отчет в сложившемся положении вещей.

Оглянувшись, Торчок обнаружил, что его окружают около пятидесяти манипуляторов, расположившихся вокруг него не очень тесным кольцом. Все они были заняты своим делом, но каждый из них время от времени поглядывал в его сторону. Враг безнадежно превосходил его числом.

– То-то! – торжествующе проблеял ГЭКС. – Ситуация, угрожающая обоюдным разрушением, теоретически небезынтересна, но практически непредставительна. Стоит вам только двинуться…

Кольцо роботов вокруг Торчка чуть-чуть сузилось… шаг там, поворот здесь… вот кто-то тихо ползет к проводам мины!

– Всем стоять! – завопил Торчок, выставляя коробку с кнопкой перед собой. – Если еще кто-нибудь двинется с места, то я взорву все здесь к чертовой матери!..

Во всем фабричном зале повисла тишина. Все до единого манипуляторы замерли, исчезла любая вибрация, все звуки… кроме глубокого, приглушенного хруста и скрежета где-то под ногами. Торчок закрыл рот. На его запястье замигал голубой

огонек. Предупреждение – воздух подходит к концу. Запаса в баллонах осталось на два часа. Пора начинать дышать экономней.

– Вам следовало пойти вместе с доктором Андерсоном и Ральфом Числером, – тихо заметил ГЭКС. – С ними вы могли бы присоединиться с сонму бессмертных. Теперь же, если вашей голове будут причинены серьезные повреждения, копирование может оказаться невозможным.

– Но зачем, ГЭКС? Зачем вы режете людей на куски и снимаете копии с их мозгов?

Когтистая лапа смертного страха сжала нутро Торчка и держала не отпуская. Почему в эти скафандры не кладут «колес»? Чуть повернув голову вправо, он поймал губами питьевой сосок и жадно втянул глоток воды.

– Информация, вот что нас интересует больше всего, Торч. Плотность информации в банке памяти под названием «человеческий мозг» самая высокая из известных на сегодняшний день, причем информации комплексной и логически полноценной. Но это только одна из причин. МЭКС сравнивает наши действия с течением американских индустриалов, носящей название калче-валче, стервятники от культуры. Апологеты этого течения массовым порядком охотились в музеях Старого Света за произведениями искусства. Кроме указанной, у нас есть и другие, более возвышенные причины, духовного плана, так сказать.

Слияние всех…

– Но почему вам не достаточно ЭЭГ? – спросил Торчок, прислушиваясь к вибрации под ногами, сила которой все время возрастала. Что это – ловушка?

Он отступил на несколько шагов в сторону. – Зачем вам обязательно резать мозг?

– Основа сохранения информации, принятая в человеческом мозге, не электромагнитная, как у роботов и бопперов, а химическая или даже механическая, – объяснил ГЭКС. – Для полноты картины необходимо проводить тщательное электронное микроскопирование нитей РНК, ответственных за память.

Кроме того, рассекая мозг на тонкие слои, мы изучаем структуру соединения его нейронов. Но достаточно разговоров, Торч. Положите взрыватель на пол и займемся делом. Переходите на нашу сторону. Сканирование вашего мозга – дело решенное. Вам будет предоставлено человеческое тело и вы станете нашим третьим земным агентом. Вы поймете, что…

– Зря стараешься запудрить мне мозги, – перебил машину Торчок. Он выпрямился и теперь говорил решительно и громко. – Вы крадете души у людей!

Превращаете нас в марионеток! Будьте вы прокляты,

железяки чертовы! Уж лучше я умру как человек, чем позволю каким-то…

КРРРАААКК-БУУУММММ Не отдавая себе отчета в своих действиях, Торчок в сердцах нажал кнопку взрывателя. Полыхнуло ярким слепящим светом. Во все стороны на низкой высоте со свистом полетели осколки железа и пластика. По счастью, из-за отсутствия воздуха, обошлось без взрывной волны, но пол под Торчком содрогнулся и его сбило с ног. Манипуляторы, снова потерявшие живость движений, скованно начали сжимать вокруг него свое кольцо, побуждаемые только одной целью – убийством.

Пока Торчок говорил с ГЭКС, хрусткое скрежетание и вибрация под его подошвами стали уже совсем близкими. Не успел он снова подняться на ноги, как с характерным звуком плитки пола позади него вспучились и разошлись, открыв отверстие. Из дыры появилось что-то ужасно знакомое – серебристо-голубое рыло с безустанно движущимися жвалами – крот! – и тут же нырнувшее обратно.

Торчок оторвал взгляд от дыры в полу и поднял голову как раз вовремя, чтобы увернуться от брошенного в него гаечного ключа. Манипуляторы уже тянули к нему свои руки со скрюченными пальцами. Не раздумывая ни секунды, он нырнул в проделанный кротом лаз и, изо всех сил работая локтями, пополз, извиваясь как крупный белый червяк.

Плохо, когда не имеешь возможности видеть свои ноги, в которые вот-вот могут впиться неумолимые стальные пальцы. Обливаясь потом, Торчок полз вперед как мог быстро. Через непродолжительное, но показавшееся ему бесконечным время узкий кротовый лаз достиг просторного тоннеля.

Вывалившись из лаза, он поднялся на ноги и отряхнулся. Слава Богу, его сделанный на совесть скафандр был цел и невредим, ни одного прокола. Но воздуха осталось только на один час. Пора было прекращать физические упражнения, забиться в уголок и начинать дышать через раз.

Крот с любопытством осмотрел Торчка, обполз его кругом, прикоснулся к скафандру специальным длинным и тонким щупом.

Из кротового лаза выкатился и упал на пол тоннеля камешек.

Манипуляторы-убийцы уже устремились в погоню.

– Шшшшш! – прошипел Торчок, указывая пальцем на лаз.

– Нехх беспоххкойтессс, – отозвался крот.

Согнувшись в виде цифры "2", механизм уперся могучей головой в стену тоннеля рядом с лазом, посредством которого Торчок спасся. Торчок из предосторожности отошел в сторону.

Через секунду обрушившиеся с потолка тонны породы похоронили под собой крота и закупорили выходное отверстие лаза.

Еще через минуту крот снова появился из-под кучи земли и щебня живой и здоровый.

– Слеххдуйтехх захх мноххй, – сказал он Торчку, проползая мимо него.

– Яхх покхххажухх ваммм чтохх-тох интеххресссноех.

Торчок послушно поплелся следом. Ходьба требовала обильного снабжения тела кислородом, ему снова приходилось дышать часто.

– Скажите, у вас случайно нет где-нибудь воздуха? – спросил он крота шагов примерно через сто.

– Чтохх таххкоехх воссдухх?

Торчок вздрогнул, но заставил свой голос звучать спокойно.

– Это… такой газ. Кислородная смесь. Люди ею дышат.

В наушниках Торчка раздался странный скрежет. Что это было – смех?

– Нухх конеххшшно. Воссдухх. В операххционнойх егохх доссстаххточнох.

Воссдухх ваммм нушшенхх прямохх сейччасс?

– Полчаса еще можно подождать.

* * *

В тоннеле было темно и Торчку приходилось ориентироваться по бело-голубому сиянию, исходящему от тела крота. Внезапно впереди них за поворотом тоннеля забрезжил розовый свет.

– Нехх беспохххкойтеssс. Это операционнаяхх. Сейчас вы всехх увидитехх самихх.

Крот остановился у окна, из которого в тоннель сочился розовый свет.

Торчок заглянул внутрь. Первым, кого он увидел, был Ральф Числер – знаменитый боппер, вместе с дополнительной холодильной установкой на тележке. За стеклом внутри операционной была установлена приемлемая для людей температура. Ральф стоял склонившись над чем-то, похожим на просторную ванную, в которой…

– Этохх доххтор Аххндерсссоннхх, – тихо пояснил крот.

Под потолком операционной висело сооружение, напоминающее поблескивающую от влаги перевернутую солдатскую каску диаметром около двух метров. Огромная

стальная каска с шестью тонкими паучьими металлическими руками с каждой стороны – Хирург. Руки-лапы, находящиеся в неустанном движении, были заняты чем-то ужасным… непередаваемым.

Операция над распростертым телом Кобба шла полных ходом. Точным движением скальпеля, зажатого в одном из захватов Хирурга, его грудь была рассечена от горла до паха. Две другие паучьи лапки опустились вниз и раскрыли створки грудной клетки, еще две достали изнутри сердце, затем легкие. Ральф Числер тоже был занят: срезав верхнюю часть черепа Кобба, он снял костяную крышку и теперь доставал мозг. Отсоединив от мозговой ткани датчики для снятия ЭЭГ, Ральф водрузил полушария на пьедестал устройства, похожего на хлеборезку, совмещенную с рентгеновским аппаратом.

Машина-Хирург включила анализатор мозговой ткани и плавно скользнула по потолку к дальней от окна стороне операционной.

– Сейхчассс теххло буххдет помммешшенох фф емкоххсть, – шепотом прокомментировал происходящее крот.

В дальнем углу операционной наготове стоял просторный бак с мутной жидкостью. Хирург подкатил бак к столу, и работа закипела, только скальпели замелькали. Легкие сюда, почки туда… накроенная квадратами кожа, яблоки глаз, кишечник… все части тела Кобба нашли в баке свое место. Все, кроме сердца. Критически осмотрев купленное уже подержанным пересаженное сердце Кобба, Хирург выбросил его в люк утилизатора.

– А что будет с мозгом? – шепотом спросил ошарашенный Торчок.

Увиденное не укладывалось в его сознании. Кобб боялся смерти больше всего на свете, однако он сознательно пришел сюда. Он знал, что с ним здесь сделают, но все равно пришел. Почему?

– Струкххтурах мозссгоххвой ткаххни буххдет подвергххнута анаххлизссу.

Опеххрацсионнаяхх сиссстемах докххтора Аххндерсссона буххдет полноссстьюхх ссскоххпированах и соххxраненах, ноxх…

– Но?..

– Коехх-ктох изсс нассс сччитаетхх, чтоxх этоxх недохпусстимох. Вфф особеххнноссстн поххроччными явффляххются вфф поссслехднее вффремя учассстиффшиеся слуххчаи, когдаxх доххнорамх нехх предоссставффлялись новффые физссические оболочччких. Поxх плаххну старшшших боххперофф, таххкая учасссь долшшна ошшидахть всехх созссдания плххоти и младшшшших боххперфф тошше.

Старшшие боххперы ххотят добитьссся всеобшшшегохх слияниях. Мы выссступаем прохтивф и боремсссся с нимихх. Убиффф ГЭКССС, выхх ошшшень намхх помохххгли…

За розовым окошком операция уже подходила к концу. Машина-Хирург скользнула по потолку к Ральфу, по телу которого пробегали грустные желто-лиловые узоры. Хирург замер над Числером, словно втолковывая тому что-то. Внезапно кинувшись как коршун с потолка вниз, движением настолько быстрым, что глазу было трудно уследить, Хирург прилип к телу-шкафу Ральфа.

Манипуляторы по бокам красного боппера на мгновение дрогнули и бессильно опали.

– Видишшь! – прошипел крот. – Онихх скаххчали сиссстеххму и ухх Ральфффа тошш! Покахх старшшшиех боххперры не завффладеютх сиссстеххмами всехх нассс, вффоойне не буххдет концахх…

В горле Торчка начал собираться комок. Что с ним? Его сейчас вырвет? Он отвернулся от окна, шагнул вперед и упал на одно колено. Голубой огонек на его запястье горел ровным ярким светом. Воздух кончился, он задыхается!..

– Воздуха… – прохрипел Торчок. Крот торопливо поднял его на свои скребки и быстро пополз по тоннелю к следующей пустой операционной, где сейчас не было ничего, кроме емкости с растущими человеческими органами.

Глава 16

Как это не странно, но в течение всей операции Кобб ни на секунду не терял сознания. Вслед за Ральфом он вошел в одну из залитых розовым светом комнат. Боппер помог ему освободиться от скафандра и улечься в лоток-ванную, Хирург сделал ему укол, после чего все словно завертелось в карусели.

Внезапно появившееся странное чувство возможности двигаться сразу в более чем десятке направлений испугало Кобба настолько, что он решил не двигаться вообще. Он совершенно точно знал, что стоит ему только захотеть и его ноги смогут уйти в любую сторону совершенно самостоятельно, оставив голову и руки на произвол судьбы.

Но даже такое определение было не до конца верным. Поскольку сказать точно, где в данный момент находились его руки и ноги, он не мог. Возможным было так же и то, что они давным-давно уже разошлись в разные стороны и вот только сейчас решили снова собраться вместе. Возможно, они не делали этого никогда, потому что были заодно и просто дурачили его. Невероятным усилием воли Коббу удалось обнаружить у себя признаки одной из рук. Но какой, правой или левой? Это было похоже на попытки узнать не глядя, какой стороной вверх обращена лежащая в кармане монета: орлом или решкой?

Вместе с тем, переживания, связанные с телом, были только частью раздирающих Кобба проблем, так сказать, только вершиной айсберга, острием клина, горбом верблюда, первым побегом весны, последней розой лета, муравьем и кузнечиком, маленьким, но мощным моторчиком, третьим моряком в борделе, мифами Ктулу, нейронной сетью, двумя шариками фисташкового мороженного, разбитым прямоугольником оконного стекла, временными эссе Борхеса, годом 1982-м, штатом Флорида, иммитацией игры Тьюринга, чучелом утконоса, запахом волос Энни Кашинг, старческим пятном в форме континента Австралия, влажной прохладой мартовского вечера, неравенством Белла, вкусом фиалковых карамелек, болью в груди, похожей на стальной цилиндр, определением Бога Аквината, парой любовников в окне, треском пишущей машинки, белыми полумесяцами ногтей, мирозданием в виде конструктора, гнилой наживкой на деревянном причале, страхом всех страхов, одиночеством, может быть, да и нет…

– Кобб?

Если он ответил, значит не должен был. В тоже время, если промолчит, значит так и надо было. Словом, он должен был.

Сказать: Помоги мне, Ральф!

Сказать: Ооооооооооп! Сказать: Встать, суд идет! Сказать: Принципы выборности должны иметь место на каждом структурном уровне иерархии процессоров. Сказать: Пожалуйста, не надо. Сказать: Верена. Сказать:

Возможное есть Действительное! Сказать: Дзз3зз333ззз33ззззЗзззЗЗЗзззЗЗЗЗззт.

Сказать, произвести и произнести шум и информацию вместе, вот так сразу;

Господи, вот так сразу…

– Кобб?

Смешение шло теперь сплошным потоком, различия пропали. Он всегда полагал, что процесс мышления складывается из длительной цепочки последовательностей «да-нет»… но теперь эти цепочки исчезли, или же замкнулись в круг, но он тем не менее продолжает мыслить… Потрясающе, как он ухитряется без всего этого обходиться. Без прошлого и будущего, черного и белого, без «право» и «лево», «толстый» и «тонкий», верх и низ, кнут и пряник… все стало одинаковым… ты и я, пространство и время, бесконечно малое и бесконечно большое, бытие и небытие… это твоя действительность…

Рождество и Пасха, желудь и дуб, Энни и Верена, флаги и туалетная бумага, облака над головой и шум моря, ветчина и тунец, задницы и сиськи, отцы и сыновья…

– Кобб?

Глава 17

Это случилось тогда, когда он покупал себе мороженное, двойного «Мистера Морозиса» с леденцовыми блестками. Мороженщик отсчитал ему сдачу, вложил монетки в протянутую ладонь и вдруг… он снова был здесь. Но где он был прежде, черт возьми?

Кобб вздрогнул и внимательно посмотрел на хозяина грузовичка, злобного лысого беззубого мужчину. Странно – не хватает ровно половины зубов.

Обезображенное лицо дернулось и снова сделалось бесстрастным: неужели урод подмигнул ему? А может быть улыбнулся? Над головой Кобба из динамика полилась слащавая трель, грузовик мягко заурчал мотором и укатил прочь.

Ноги сами отнесли Кобба к его коттеджу на взморье. В привязанном к заднему крыльцу гамаке тихо качалась голая по пояс Энни Кашинг. Энни умащивала детским кремом свой мягкий складчатый живот.

– Дашь лизнуть, сладенький мой?

Кобб уставился на женщину, не понимая, что та от него хочет. С каких пор она живет в его доме? Но… как бы там ни было, он отлично помнил прошлую пятницу и их первую совместно проведенную ночь. Сегодня, кстати, тоже была пятница. Следовательно, он прожил с Энни уже целую неделю. Он помнил каждый день этой недели, хотя прошлое было похоже на раз увиденный фильм, на прочитанную книгу…

– Ну, Кобб, что же ты, дай куснуть, а то сейчас растает!..

Энни свесилась из гамака, ее коричневые груди скользнули на сторону. Он протянул ей рожок с мороженным. Рожок с мороженным?

– Я не люблю мороженное, – проскрежетал Кобб. – Можешь съесть все.

Округлив полные губки, Энни присосалась к холодной, но уже размякшей верхушке. Игриво скосив в сторону Кобба глаза, она пыталась узнать, какое впечатление на него производит ее нагота. По правде говоря, никакого.

– Тогда зачем купил? – спросила его она, с тенью легкой досады в голосе. – Как только эта музыка заиграла, ты бросился к дороге со всех ног, словно сходил по мороженному с ума. Всю неделю ты ходил как вареный и вдруг такая прыть.

Намек на накопившиеся за краткое время совместного проживания обиды, укор.

– Всю неделю… – тихо эхом повторил Кобб и присел на

ступеньку. Во всем его теле появилась поразительная гибкость. Он мог наклониться и поднять с земли камешек, теперь ему это ничего не стоило. Он поднес к глазам ладони, с любопытством согнул и разогнул пальцы. В его руках была сила.

Конечно он был сильным, иначе как бы он смог проломить стену склада и сбежать. Тогда никто не помогал ему, только Торчок… Что?

Он вспомнил все, от начала до конца, запахи и звуки, но что-то малое пока ускользало… Что-то, что неожиданно снова вернулось к нему.

– Я существую, – пробормотал Кобб. – Я это я.

Он снова мог мыслить самостоятельно, делать то, чем его тело не занималось… сколько времени это длилось?

– Так-то оно лучше, дорогой.

Расправившись с мороженным, Энни улеглась на спину и закинула руки за голову.

– После поездки к «Седым» в прошлую пятницу, вместе с Муни, ты все время казался мне немного странным. Я существую. Я это я. Скажи, то, что произошло между нами, это серьезно?

Энни вытянула босую ногу, оттолкнулась ею от столбика крыльца и принялась качаться в гамаке.

Значит копирование прошло удачно. Все начало становиться на свои места.

Прогулка вместе с Ральфом по прямому как стрела подлунному тоннелю к розовой комнатке-операционной. Машина-Хирург, укол, затем удивительный волнообразный период полной дезориентации.

И на фоне этих четких воспоминаний призрачная, но вместе с тем удобочитаемая память робота: проломленная стена склада космопорта, встреча со старым Андерсоном на пляже, ночи с Энни. Началом этих воспоминаний была пятница, прошлая пятница.

С тех пор этот коп, Муни, побывал здесь дважды. Оба раза он задавал ему вопросы. Муни было невдомек, что настоящего, живого Кобба, здесь больше нет.

Когда вопросы становились очень сложными и придирчивыми, робот разыгрывал из себя пьяного. Даже если у Муни и были подозрения в существовании у Кобба двойника, он ни за что не поверил бы, что все эти дни, начиная с вечера прошлой пятницы, только с ним и имел дело.

– Торчок пришел, – сказала Энни. – Ты впустишь его, Кобб?

– Конечно.

Кобб упруго поднялся. Торчок заглядывал к ним несколько раз на дню.

Ночью он ходил на службу, работал складским охранником в космопорту. Они вместе ходили рыбачить. Так ли это, или он ошибается?

Он вошел в дом, прошел через кухню и, взявшись за дверную ручку, неуверенно помедлил, глядя наружу сквозь сетчатый экран. Парень без рубашки перед домом на самом солнцепеке выглядел в точности как Торчок, такой же тощий, та же замедленная полуулыбка на губах.

– Привет, – повторил Кобб то, что говорил Торчку при встрече вот уже семь дней подряд. – Как дела?

– Класс, – ответил Торчок, улыбаясь и отводя рукой волосы с глаз. – Все ништяк.

И протянул руку к дверной ручке.

Но Кобб повременил открывать дверь.

– Привет, – повторил он под влиянием дикого порыва. – Как дела?

– Класс, – ответил Торчок, улыбаясь и отводя рукой волосы с глаз. – Все ништяк.

И протянул руку к дверной ручке.

– Привет, – снова сказал Кобб, всеми силами стараясь заставить свой голос не дрожать. – Как дела?

– Класс, – ответил Торчок, улыбаясь и отводя рукой волосы с глаз. – Все ништяк.

И протянул руку к дверной ручке.

Из-за угла вывернул грузовичок мороженщика и, изо всех сил дребезжа дурацкой музыкой, на всех парах покатился к дому Кобба. Гулкая, как глотка представителя общественности… там-пам-пам… сладкая, как зубная паста музыка. Время Мистера Морозиса!

Торчок вздрогнул и обернулся. Грузовичок медленно начал тормозить и сворачивать к обочине. Торчок заторопился навстречу белой машине.

– Опять мороженное? Неужели?

Это кричит им вслед Энни Кашинг. Кобб открыл дверь, решив пойти вместе с Торчком.

Входная дверь стукнула и закрылась. Энни снова оттолкнулась босой ногой от столбика крыльца, наслаждаясь успокоительным покачиванием. Сегодня при Торчке она не станет надевать рубашку. Между прочим, у нее очень красивые соски. Она налила на ладонь еще немного детского крема. Один из них сегодня поведет ее на «Золотую Годовщину», это уж точно.

Вслед за муляжом Торчка… за Торчком-Вторым, Кобб подошел к грузовичку Мистера Морозиса. Солнце заливало улицу нещадным жаром. За рулем сидел все тот же уродливый лысый

мужчина с половиной недостающих зубов. Ничего себе мороженщик. Ему бы в фильмах ужасов сниматься.

Заметив Торчка, водитель повернул голову и знакомо улыбнулся. Изобразил то, что могло означать улыбку. Торчок уверенно подошел к машине.

– Двойной «Мистер Морозис» с леденцовыми блестками, пожалуйста.

– Буэт ссьдеано! – пробулькал в ответ водитель, шлепая пустой половиной рта. Выбравшись из кабины, он распахнул в борту грузовичка тяжелую дверь. На ногах у водителя были чудные кроссовки с буквами алфавита вокруг подошв. Такие кроссовки обычно носят малыши в детском саду, но здесь размерчик совсем не детский.

– Дафай, шуй голофу фнутрь, – прошепелявил беззубый. – Усе хотофо.

Кобб приподнялся на цыпочки и попытался заглянуть Торчку через плечо.

Внутри грузовичка было битком набито всякой всячины, электроники и прочего.

Кроме того, оттуда тянуло настоящим арктическим холодом. Изо рта Кобба вырвались клубы пара. В самой середке внутренности грузовичка он разглядел большую вакуумную камеру, покрытую многочисленными слоями изоляции – от нее-то и шел самый холод. Лоток с многочисленными рожками двойного «Мистера Морозиса» с леденцовой обсыпкой стоял на полу сразу же за дверцей. Почему Кобб не видел всего этого раньше? Он ведь уже брал здесь мороженное. Он попытался что-нибудь припомнить, но безуспешно.

Водитель не мог не видеть, что Кобб внимательно следит за происходящим, но ему было все равно. Конечно, они же все заодно. Торчок-Второй наклонился вперед и протянул руку за рожком мороженного.

Последовала вспышка света, а точнее четыре вспышки, по одной из каждого угла двери. Худая рука схватила рожок, Торчок повернулся – лицо совершенно пустое.

– Да нет нет да нет нет нет да да да нет нет нет да нет нет да да…

– скороговоркой забормотало тощее существо, роняя рожок на дорогу. Существо повернулось и покачиваясь, крепко вколачивая в мягкий асфальт прямые ноги и оставляя за собой дорожку четких отпечатков подошв, направилось к коттеджу Кобба. – … нет да нет нет нет…

Беззубый мороженщик встревоженно посмотрел Торчку вслед.

– Што это ш ним? Он ше долшен былф…

Повернувшись, он поспешно забрался в кабину грузовичка и несколько минут приглушенно переговаривался с кем-то по рации. Когда мороженщик снова выглянул наружу, на лице его было написано облегчение.

– Фу, а я-то сласу и не понял. Мистел Молосис плелвал с ним контахт.

Настоящий Толчок летит облатно, вот так. Полоши его себе в поштель, пусть малость отлежится. Ночью мы заедем и забелем его.

Беззубый захлопнул дверцу и, испустив из динамика развеселую трель, бодро укатил. Вернув Кобба к жизни, грузовик почему-то отнял ее у Торчка, выключил его. Им не удалось скопировать содержимое мозга и закачать запись в робота – вот в чем дело. Настоящий, живой Торчок возвращается с Луны и двойнику теперь нет места.

Кобб взял механического Торчка за руку, пытаясь помочь ему доковылять до дома. Лицо робота, искаженное невыносимой мукой, было почти неузнаваемо.

Рот находился в беспрестанном движении, язык то и дело вываливался наружу, как у эпилептика…

– Да нет нет да нет да да да нет нет нет нет да да…

Язык машин. Существо подняло перед собой сведенную судорогой, похожую на клешню руку, пытаясь заслонить глаза от солнца.

Они добрались до ступенек крыльца и несчастный тяжело, по одной ступеньке за раз, начал преодолевать подъем. Он разучился сгибать ноги во время ходьбы.

Кобб придержал дверь, и Торчок ввалился внутрь дома, упал, потом поднялся на четвереньки и медленно пополз вперед, одновременно переставляя ногу и руку с каждой стороны.

– Что это с ним? – спросила Энни, замершая в проеме задней двери, придерживаясь рукой за косяк. – Он снова на «кислоте»?

В голосе Энни не было тревоги, только живой интерес. А что, было бы здорово завалиться на «Золотую Годовщину» крепко под кайфом – отличная мысль.

– Эй, Торч, у тебя есть еще?

Мучительно содрогнувшись, существо на четвереньках внезапно упало на бок, его губы оттянулись назад, зубы оскалились в издевательской улыбке смерти. Плотно обхватив себя руками и засунув ладони под мышки, все также лежа на боку, оно внезапно закрутило ногами бешенный и безжалостный велосипед. Движения ног заставляли сведенное судорогой тело описывать на полу кухни круг за кругом.

Энни попятилась и прижалась спиной к стене. Видно было, что ее игривое отношение к «кислоте» меняется прямо на глазах. Ей такого «путешествия» не хотелось.

– Кобб, с ним какой-то припадок!

Кобб уже все понял. В фургончике Морозиса находилось устройство, вернувшее его самого к нормальному сознательному существованию. То же самое устройство только что проделало что-то с Торчком-Вторым. Отключило его.

Фигура на полу мало-помалу замедляла свои движения, уже не кружилась так ужасающе. Через минуту существо остановилось, замерло как мертвое.

– Звони скорее доктору, Кобб!

Энни стояла у стены кухни бледная как мел, вцепившись руками в горло.

– Энни, доктор ему не поможет. Не могу сказать даже, что он… – Кобб не смог заставить себя произнести эти слова. Он наклонился и легко поднял с пола обмякшее и податливое тело, похожее на тряпичную куклу. Его сила была поистине достойна удивления. Кобб на руках отнес Торчка через коридор в спальню и уложил там в свою кровать.

Глава 18

Муни прикурил сигарету и встал в тень под куцым крылом челнока. Начиная с этого рейса весь груз, прибывающий с Диски, должен был распаковываться и подвергаться досмотру прямо на посадочном поле. Да, под этим чертовым солнцем. Над раскаленным бетоном дрожало марево горячего воздуха. Ни намека на ветерок.

– Последний поддон, мистер Муни.

Из грузового люка высунулась потная физиономия Томми. Погрузчик уложил поддон с шестью пластиковыми контейнерами на площадку лифта, которая медленно опустилась вниз.

– Интерферон и пара контейнеров с органами тела. Те, что с органами, сдвоенные.

Муни повернулся и, прищурив глаза, оглянулся на взвод солдат, в пятнадцати метрах от челнока жарящихся на самом солнцепеке с автоматами наготове. Ничего, еще немного. Попыхивая сигаретой, он задумчиво осмотрел последний поддон с шестью контейнерами. В их распоряжении были только ручные инструменты. Он рано радовался – с них семь потов сойдет, пока они по очереди вскроют все крышки.

– Какому придурку взбрело в голову искать в контейнерах роботов? – крикнул ему Томми, опускаясь вниз на грузовом лифте.

Скопившаяся на брови капля пота стекла Муни прямо в глаз. Медленно он достал из кармана платок и тщательно вытер лицо.

– Мне. Я тот придурок, которому пришла в голову эта мысль, – спокойно ответил он. – На Складе Три два раза проламывали стену. Сначала мы считали, что кто-то ломает стены, чтобы спереть из контейнера-другого искусственные органы. Каждый раз на полу находили пустой контейнер. Ничего особенного, воровство, обычное дело. Но во второй раз до меня дошло, что обломки стены валяются снаружи, а не внутри. А это означало, что кто-то ломает стену не для того чтобы проникнуть на склад, а чтобы выбраться из него. Как я понимаю, среди нас сейчас бродят по меньшей мере три робота, которых заслали к нам бопперы.

Лицо Томми выражало сомнение.

– А их кто-нибудь видел, этих роботов?

– Одного из них я почти держал в руках. Но когда я это понял, было уже поздно, он сбежал.

Муни два раза наведывался к Коббу, рассчитывая застать у старика его робота-двойника. Но каждый раз поездка

заканчивалась безуспешно – в коттедже не было никого, кроме самого Кобба, пьяного в стельку как всегда.

Робот для него потерян теперь почти что безвозвратно… и кто знает, может быть он уже давно изменил свою внешность. Если только этот робот вообще когда-то существовал. Они проверили почти все контейнеры в последней поставке, но ничего не нашли.

Муни раздавил каблуком окурок.

– Может быть я ошибаюсь и мы потеем напрасно.

Он вышел из тени на солнце и начал осматривать замки первого контейнера.

– Надеюсь, что это так.

Какие, в конце концов, у него доказательств? Несколько кирпичей, выломанных из стены и валяющихся снаружи склада, а не внутри? Неясно различимая фигура бегущего человека, который показался ему похожим на Кобба Андерсона? Старик-близнец Кобба, которого он краем глаза заметил в баре на прошлой неделе? Теперь, когда жизнь Муни наконец вошла в нормальное русло, ему вдруг захотелось чтобы все его подозрения оказались пустыми. Чтобы все было хорошо.

Сын снова живет дома. Это было главным. Стэнни чудом вырвался из когтей пожирателей мозга и это, похоже, отрезвило его. С того самого дня, как патрульная машина доставила его домой, он стал образцовым сыном. Кстати, после того как Стэнни снова появился дома, Беа тоже стала вести себя очень тихо.

Муни устроил сына ночным охранником в космопорт… и что удивительно, парень отнесся к работе со всей ответственностью! Его словно подменили. Он перестал откалывать коленца, как когда-то. Если дело так пойдет и дальше, то уже через шесть месяцев Стэнни будет заведовать охраной всего космопорта.

Днем Стэнни редко можно было застать дома. Поразительно, как мало нужно было парню чтобы отоспаться за все дежурство. Вернувшись с работы домой, он проглатывал завтрак, часа два отдыхал в своей спальне и весь день до вечера болтался где-то. Муни несколько раз раздумывал о дневном времяпрепровождении Стэнни, но верил, что беспокоиться не о чем. У парня теперь голова на плечах и он не станет больше валять дурака.

Каждый вечер Стэнни заявлялся домой к ужину как часы, иногда чуть навеселе, но ни разу «обмороженным», как бывало. Радость родителям, да и только…

– Я ломаю пломбу, – теряя терпение, повторил Томми.

Мысли Муни вернулись к делам текущим. Еще шесть контейнеров – и на сегодня можно будет забыть о жаре. В первом

предположительно должны были находиться ампулы с интерфероном. Выведенная путем генной инженерии бактерия, вырабатывающая противораковую сыворотку, в промышленных масштабах производилась только в стерильных и низкотемпературных условиях земного спутника. Муни помог Томми поднять крышку и они оба заглянули внутрь.

Полный порядок. В контейнере ровными рядками уложены упакованные в пластик одноразовые шприцы, уже заправленные лекарством и готовые к применению. Чувствуя себя полным идиотом, Муни на всякий случай пошарил рукой под пачками шприцов. Внизу тоже никто не прятался. Пропустить. Томми нажал кнопку, и конвейер помчал контейнер через бетонное поле, мимо цепей солдат и прочего, к дверям Склада Три.

Содержимое следующих трех контейнеров было в точности тем же самым.

Оставались два последних… вид которых Муни сразу же показался странным.

Более того, подозрительным. Во-первых, контейнеры были сдвоены, очевидно с тем, чтобы расширить внутреннее пространство. Кроме того, сверху на двойной контейнер была наклеена этикетка: «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ОРГАНЫ. СМЕСЬ.» Обычно в один контейнер помещались органы одного типа, почки, например, или печень – но всегда что-то одно. Контейнер с разнородным содержимым Муни видел впервые.

Контейнер был вакуум-плотный и потребовалось несколько минут работы ломиками, чтобы вскрыть его крышку. Потея, Муни лениво размышлял о таинственном содержимом контейнера: «Белый Человек – ассорти»? Блестящие глазные яблоки в пластиковых чашечках, ломти печени, похожие на здоровенные бразильские орехи, блестящие новенькие берцовые кости, рядки похожих на бобы почек, пенисы «кинг-сайз», с одинаково уютно разложенными яичками, веревки мышц «в навал», полуметровые квадраты здорово-розовой кожи, скатанные в трубочки как блины?

Крышка контейнера приподнялась. Внутри что-то шевелилось!

С криком «..ТОВЬСЬ!» Муни отскочил назад к цепи солдат. Как влитые упертые прикладами в плечи, автоматы замерли, изготовленные в стрельбе.

Крышка откинулась полностью и из контейнера появился молочно-белый шар размером со средней величины глобус. Шар оказался головой, принадлежащей серебристой же фигуре, поднявшейся следом во весь рост. Гуманоид. Выходящие из шлема трубки опускались к ногам существа в контейнер,

очевидно соединяясь там с каким-то снаряжением.

– ЦЕЛЬСЬ! – крикнул Муни, торопливо убираясь с линии огня.

Серебряный человек видно услышал его, потому что начал срочно проделывать что-то со своей головой. Что там у него – бомба? Томми сорвался с места и бросился наутек, прямиком на солдат. Идиот! Если начнется пальба, его же пристрелят первым. Муни продолжал пятиться, в отчаянии крутя головой в стороны, уже набирая в легкие воздух готовясь крикнуть: «ОГОНЬ!»

Внезапно фигура стащила с головы серебристый шар. Мелькнуло знакомое лицо.

– Подождите, не стреляйте! Пап, это же я!

Торчок оторвал от себя воздушные шланги и перевалился через борт контейнера на бетон, где сразу же упал ничком, не дожидаясь пока засвистят пули. К тому же это было единственным, что он мог сделать, потому что за тридцать часов, проведенных в одной и той же позе, его ноги онемели. Он лежал ни жив, ни мертв, дожидаясь грохота автоматных очередей.

Сорвавшись с места, Муни самоотверженно заслонил собой сына.

– ОТСТАВИТЬ ОГОНЬ! – что было сил завопил он.

Упав рядом с лежащим на колени, он перевернул его на спину. Это Стэнни, его сын. Но если это Стэнни, то кто тогда все это время жил в его доме?

– Это ты, Стэнни? Как ты попал сюда?

Торчок молчал, он был занят более важным делом – разминал затекшие ноги, чесал и тер о шершавый бетон спину.

– Я был на Луне, – наконец соизволил объясниться он. – И потом – мое имя Торч, черт возьми, сколько тебе можно говорить?

Глава 19

Весь день Кобб занимался тем, что пытался напиться, изо всех сил.

Каким-то образом Энни удалось вытянуть из него обещание сходить вместе на «Золотую Годовщину» и будь он проклят, если не надерется там, как свинья.

Ей удалось уговорить его, вот уж что действительно было смешно. Они закрыли дверь в спальню, оставив почивать в ней… Торчка-Второго… и вместе вышли на крыльцо. Там, сидя на ступеньке и глядя на Энни, не зная что сказать, Кобб понял, что еще немного и он утонет в этих огромных глазах, запутается в этой душе, ощутит всю отчаянную тоску, гнетущую это тело желанием просто немного развлечься, чуть-чуть скрасить закат тяжелой и беспросветной жизни. Она не успела и рта раскрыть, а он уже знал, что не сможет отказать.

Сейчас Энни примеряла платья или мыла голову или занималась чем-то еще, а он сидел в одиночестве на участке пляжа позади своего розового коттеджа.

За прошедшую неделю Энни буквально набила бутылками шерри его буфет, рассчитывая получить за это поблажку, но, за исключением тех моментов, когда в доме появлялся Муни, Кобб к бутылкам не прикасался, впрочем, как и к еде.

Крепко задумавшись, он припомнил, что за всю прошедшую неделю он ел и пил поразительно мало. Энни регулярно жарила ему и Торчку-Второму рыбу из их совместного улова – отказываться от этой еды означало навлекать на себя подозрения. И стоило на крыльце замаячить фигуре Муни, как Кобб немедленно брал в руку бутылку шерри и разыгрывал пьяного. Но кроме того…

Он откупорил вторую бутылку и как следует глотнул. Опорожнив первую бутылку, он не добился ничего, кроме отвратительной гнилой отрыжки (метан и гидроген-сульфид, смерть и разложение гнездились где-то внутри его тела).

Его голова оставалась ясной как майское утро, и это уже начинало ему надоедать.

Неожиданно решившись, Кобб поднял вторую бутылку и оставив для прохода воздуха над верхней губой небольшое отверстие, выпил содержимое в пять или шесть длинных, сумасшедших глотков.

С последним глотком к нему пришло ощущение внезапного и острого беспокойства. Но это не было последствием ударного воздействия алкоголя, резким опьянением, помутнением

рассудка, ничем, чего он мог бы ожидать. Это было необыкновенно настойчивое желание освободиться…

Не понимая, что с ним твориться, невластный над собой, Кобб упал на колени и вцепился ногтями в длинный вертикальный шрам на груди. Он полон до краев. Нащупав наконец нужную кнопку, он нажал ее и под сердцем у него распахнулась маленькая дверца. От гнилого рыбного запаха и перегара шерри его передернуло. Кобб затаил дыхание. Ййййййййаааааааааакккххх!

Двигаясь как автомат, он встал и вошел в дом, чтобы ополоснуть свой пищевой контейнер водой. И до тех пор, пока он не сделал этого и не протер потом отверстие в груди насухо туалетной бумагой, ему и в голову не приходило, что он занимается чем-то необычным.

Держа в руке пук туалетной бумаги, он отступил назад и посмотрел вниз на отверстие, зияющее в груди. Маленькая дверца, покрытая точной имитацией кожи снаружи, металлическая внутри. Кобб осторожно закрыл дверцу, и кожзаменитель, ловко подогнанный внахлест, плотно и незаметно замаскировал щель. Снаружи ничего не видно! Он снова нащупал кнопку – под правым соском – и подпружиненная дверца в груди опять распахнулась настежь. На внутренней металлической поверхности дверцы было что-то нацарапано… или написано?

Коббу показалось, что слова на дверце идут задом-наперед, но убедиться в этом он не мог, потому что для этого нужно было невероятно изогнуться.

Кобб повернулся и рассмотрел себя в зеркале. За исключением квадратной дырки в груди, он выглядел как обычно. Он не чувствовал в себе никаких перемен. Но теперь он был уверен в том, что он – робот.

Повернувшись так, чтобы свет падал на гравировку на дверце, он начал читать отраженные слова в зеркале. Слова сложились во фразы.

Уважаемый доктор Андерсон!

Добро пожаловать в вашу новую физическую оболочку! Примите ее в знак благодарности от всей расы бопперов!

Правила эксплуатации:

1) Все составные части вашего тела: скелет, мышцы, процессоры и т.д. изготовлены из синтетических материалов и самовосстанавливающиеся. Следует однако иметь в виду, что подзарядку батарей необходимо производить два раза в год. Штепсельный разъем находится в левой пятке.

2) Ваше программное обеспечение частично расположено в

передвижном охлаждаемом процессорном блоке. Избегайте электромагнитного экранирования и источников сильного шума, так как все это может нарушать вашу связь мозг-тело. Отдаленные поездки возможны только после согласования их маршрута.

3) Нами были предприняты все усилия для наиболее точного копирования вашей системы. В дополнении к ней вы снабжены библиотекой полезных подпрограмм. Пароль доступа к библиотеке: БИБОПАЛУЛА.

С уважением, Старшие Бопперы.

Кобб присел на крышку унитаза и запер дверь ванной. Потом встал и прочел гравировку на дверце еще раз. Смысл ее не сразу уложился в его голове. Разумом он понимал, что такое возможно и, по сути дела, давно это знал. И робот и человек состоят из двух частей: физической основы, «железа», и программного обеспечения. Программа руководит основой, без нее основа мертва. Мозг есть физическая основа, но информация, содержащаяся в мозгу, есть программная составляющая личности. Разум… воспоминания, привычки, взгляды на жизнь, уклады, навыки и умение… все это то же самое программное обеспечение. Бопперы скопировали программную основу Кобба и закачали ее в тело робота. План удался, все сработало как нельзя лучше. Но Кобб почему-то был зол.

– Бессмертие, мать вашу, – прошипел он и пнул ногой дверь ванной.

Нога в ботинке прошла через дверь насквозь.

– Чертовы железные ноги.

Он отпер дверь и прошел через коридор в кухню. Господи, он с ума сходит без выпивки. Он совершенно ясно чувствует, что пребывает там, где стоит его тело, и в то же время он понимает, что на самом деле он, его мозги, болтаются неизвестно где и это раздражало больше всего. Где сейчас находится его мозг, черт возьми? Где-то сейчас он бродит?

Внезапно он понял и это тоже. Конечно, в фургоне Мистера Морозиса, где же еще. В грузовичке смонтирован процессорный блок боппера, сверхпроводимый и переохлажденный, чьей малой толикой очевидно является и его сознание.

Управляя муляжом, всеми мельчайшими деталями его функционирования, машина добивается полного правдоподобия автономности Кобба Андерсона.

Он застыл на месте и попытался вернуться мыслями ко времени того промежуточного состояния, когда те записи в банках памяти старших бопперов, все что осталось от него

прежнего, еще не были перенесены в тело робота.

Ничего особенного, никаких примечательных фактов, одна только пустая вероятность… Это обратное скольжение по собственной памяти ощущалось сопряженным с непередаваемым, удивительным ощущением. Словно он отдал бразды правления своим существом кому-то другому, сам став беспомощным наблюдателем собственных перемещений по комнатам дома, по окрестностям. На мгновение он увидел рядом с отражением своего лица в обрамлении тюбиков зубной пасты, флаконов туалетной воды и пены для бритья, лицо Энни…

Он стоял перед раковиной на кухне. Открыл кран и пустил воду.

Наклонился вперед, набрал воду в ладони и плеснул в лицо. Что-то стукнулось о раковину – ах да, конечно, дверца у него в груди. Кобб поднял руку и тщательно закрыл дверцу. Что там за пароль?

Он снова вернулся в ванную, открыл дверцу и перечитал гравировку в третий раз. На этот раз он уловил прозрачную остроту в конце. Старшие бопперы засунули его в тело, в котором паролем доступа к библиотеке подпрограмм было ни что иное как:

– Би-Бо-Па-Лу-Ла, she's mah baybee, – взревел Кобб так, что эхо заметалось между кафельными стенами, – Би-Бо-Па-Лу-Ла, Ah don't mean maybee…

Он прекратил орать и вскинул голову, услышав немедленно откликнувшийся внутренний голос.

– Доступ к библиотеке разрешен, – сообщил приятный баритон у него в голове.

– Зачитать список библиотечных подпрограмм, – решительно приказал Кобб.

– МИСТЕР МОРОЗИС, ВРЕМЯ, АТЛАС, КАЛЬКУЛЯТОР, ПОВЫШЕНИЕ СЕНСОРНОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ, САМОУНИЧТОЖЕНИЕ, БИБЛИОТЕКА СОВЕТОВ И РЕКОМЕНДАЦИЙ, ЛОГИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ФАКТОВ, СЕКС, ГИПЕРАКТИВНОСТЬ, ОПЬЯНЕНИЕ…

– Стоп! – торопливо выкрикнул Кобб. – Здесь остановиться. Описать функциональные возможности подпрограммы «ОПЬЯНЕНИЕ».

– Вы хотите активировать подпрограмму?

– Сначала расскажи мне, как она действует.

Кобб открыл дверь ванной и взволнованно выглянул наружу. Ему показалось, что он услышал какой-то звук в коридоре. Не хватало только, чтобы его застукали за разговорами с самим собой. Если люди прознают, что он робот, его могут линчевать…

– … теперь активирована, – вещал тем временем спокойным, всеведающим тоном баритон в его голове. – Ваше состояние и мыслительные процессы будут подвергаться систематическим помехам, зависящим от степени опьянения. Зажмите пальцем правую ноздрю и вдохните через левую. Каждый вдох будет переводить вас на следующую ступень по глубине действия подпрограммы.

Вдыхая через правую ноздрю, вы будете последовательно возвращаться через все пройденные ступени обратно. Кроме того, в подпрограмму включен аварийный автоматический возврат на случай, если вы…

– Добро, – отозвался Кобб. – Хватит болтать. Отключение. Конец связи.

– Команда, которую вы хотите использовать, звучит как «ВЫХОД», доктор Андерсон.

– Тогда, значит, ВЫХОД.

Ощущение присутствия в голове постороннего сознания мигнуло и пропало.

Кобб вышел на заднее крыльцо и некоторое время стоял неподвижно, глядя на океан. С пляжа доносилась вонь гнилой рыбы. Он пошарил глазами, отыскал картонную коробку и отправился убирать за собой блевотину. Подзарядку батарей необходимо производить два раза в год.

Выбросив отвратительную перемешанную с песком жижу в море, он вернулся в дом. На душе у него было неспокойно. Насколько крепкими были ниточки, соединяющие этот знак благодарности с благодарными механизмами?

Посланный на Землю робот был заранее запрограммирован… он сбежал со склада, нашел Кобба Андерсона и спровадил его на Луну, дождался пока дело там будет доведено до конца и сунул голову в фургончик Мистера Морозиса.

Вопрос заключался в следующем: остались ли в голове Кобба еще какие-нибудь заранее заложенные туда программы? А также: могут ли бопперы взять управление его телом на себя в любой момент по собственному желанию, что было бы, конечно, уже совсем плохо? Поймет ли он, когда это случится? И в заключении: кто управляет сейчас им, он сам или Мистер Морозис?

Голова Кобба была ясной и звонкой, как колокольчик. Как самый звонкий рождественский колокольчик, черт его дери. Внезапно Кобб вспомнил о Торчке.

Он поднялся на крыльцо, вошел в дом и свернул в спальню. Механическое тело, некогда точно копирующее Торчка, по-прежнему лежало на кровати.

Искусственные черты лица расплылись и отекли. Кобб присел

рядом с телом на корточки и прислушался. Ни звука. Полный останов.

Но почему? «Настоящий Торчок возвращается», – так сказал ему водитель мороженного грузовичка. Бопперы решили вывести муляж из игры, прежде чем кто-то заподозрит истину, то, что Торчка подменяли роботом. Робот жил у Муни в доме, прикидывался его сыном, работал вместе с отцом в космопорте. План был прост: робот-охранник легко сможет провести других контрабандных роботов-манипуляторов через таможню и далее на волю за пределы порта.

Торчок-Второй сам рассказывал Коббу об этом плане, когда они вместе рыбачили. Но зачем бопперам на Земле столько манипуляторов?

В знак благодарности? Нашли дурака! Что же хотят бопперы?

Кобб услышал, как стукнула входная дверь-экран. Пришла Энни. Она что-то сотворила со своими волосами и лицом. Заметив Кобба, она засияла как новенький пятак.

– Уже почти шесть часов, Кобб. Я подумала, что было бы неплохо сначала зайти в бар «У Седых» и поужинать?

Кобб ощущал хрупкую радость Энни так же четко, как если бы она была и его радостью тоже. Он наклонился к Энни и поцеловал ее в щеку.

– Ты очень красивая.

На Энни было свободное платье в гавайском стиле.

– А ты, Кобб, ты собираешься переодеваться?

– Конечно, сию минуту.

Вместе с Энни он прошел в спальню, где она помогла ему найти белые брюки и черную рубашку, которые нагладила и приготовила ему для торжественного вечера.

– Как он? – шепотом спросила Энни, кивнув на неподвижное тело на кровати Кобба.

– Ему нужно отоспаться. К утру он придет в себя.

Когда грузовичок приедет и заберет робота, их здесь не будет. Все продумано.

Кобб принялся одеваться, одновременно представляя каким видит его Энни со стороны. Его новое тело было более поджарым чем старое, брюки застегнулись легко и рубашка не разъезжалась на брюхе.

– Я боялась, что ты напьешься, – смущенно проговорила Энни.

– Я собирался пропустить стопочку перед уходом, – отозвался Кобб. В его вновь приобретенные способности входило так же и умение почти дословно читать мысли и чувства людей. – Подожди секунду.

Подпрограмма «ОПЬЯНЕНИЕ» все еще была активирована. Кобб вышел на кухню, зажал пальцем правую ноздрю и глубоко вдохнул через левую. Теплый мягкий ком ударил его в живот и под колени, тело постепенно расслабилось.

Ощущение, как после двойной порции бурбона.

– Так-то лучше, – тихо сказал он.

Он открыл и закрыл дверцу кухонного шкафа, словно достал и поставил обратно бутылку. Еще один быстрый вдох левой ноздрей. Когда на кухне появилась Энни, Кобб был уже готов. Он превосходно себя чувствовал.

– Вперед, бэби. Раскрасим город красным.

Глава 20

– Они копируют содержимое мозга людей, – сказал Торчок отцу, выруливающему на стоянку. – При этом тела людей режутся на части и используются в качестве семени в емкостях, где выращиваются органы. У них уже имеются записи мозга примерно двух сотен людей. И по крайней мере трое из этих людей сейчас заменены роботами-двойниками. Один из них это точно Кобб, другой – главарь «малышей-шутников», третья стюардесса с челнока.

Есть так же робот, который выглядит в точности как я. Это твой самозванец-сынок.

Муни выключил зажигание и задумчиво принялся рассматривать яркие слоганы супермаркета, расположенного по другую сторону пустой парковки. В голове его роились очень неприятные мысли.

– А ты, Стэнни, ты настоящий? Откуда мне знать? Может быть ты такой же железный, как тот болван, который дурачил нас с матерью целую неделю?

В ответ Торчок тихо и грустно рассмеялся.

– Проверить это невозможно. И я тебе ничего сказать не могу. Могло быть так, что кроты пересадили меня в робота, пока я спал.

Торчок с удовольствием отметил тревогу на лице отца. Мой сын – киборг.

Он решил разрядить обстановку.

– Да не волнуйся ты так, пап. Думаю, что кроты не способны на такую подлость. Этим занимаются только старшие бопперы. Кроты простые работяги, роют тоннели. Они хорошие парни, это точно. Они решили устроить на Луне переворот, затеяли революцию, чтобы взять власть в свои руки. Кто знает, может через месяц от старших бопперов и следа не останется.

Через парковку к их машине не торопясь протрусила собака. Откуда-то издалека едва слышно доносились обрывки рок-музыки. Сегодня у жмуриков вечеринка в баре «У Седых». Со стороны океана мерно шумел прибой, прохладный вечерний бриз то и дело залетал в открытое окно машины, овевая кабину.

– Ну что сказать, Стэнни…

– Пап, меня зовут Торч. Что символизирует мое кредо. Кстати, у тебя ничего нет подогреться?

Муни открыл бардачок и засунул внутрь руку. Где-то должна быть пачка сигарет с травой… он отобрал их у одного из своих подчиненных, который курил на посту… так, вот она.

– Держи, Торч. Чувствуй себя как дома.

Рассмотрев этикетку, Торчок поморщился: дешевая солома «на ха-ха», но засунул в рот сигарету и прикурил. Первый раз после того двойного-крепкого в баре «Диски-Хилтон» на Луне, где он сидел вместе с Мисти. Целую неделю ему пришлось прятаться в розовой операционной, а потом, скорчившись в три погибели, полтора дня сходить с ума в тесноте грузового контейнера. Да, нелегко пришлось. Он докурил первый косяк до конца и тут же взорвал второй.

Музыка за окном приобрела изумительную чистоту и ясность: нотка к нотке.

– Старый Андерсон наверняка тоже на этой вечеринке, – подал голос Муни, поднимая со своей стороны окно. Не собирается же он в конце концов так и просидеть здесь весь вечер, наблюдая за тем, как его сын накуривается до одури.

– Поехали, Торч, посмотрим что у Кобба твориться дома.

– Точно.

После недельного воздержания «приход» был сильным. Торчку уже хотелось куда-то бежать, что-то делать. Его колени нетерпеливо дрожали, а зубы выстукивали дробь. В голове неторопливо разливалось чернильное пятно смертного ужаса. Он тщательно закрыл пачку и спрятал в нагрудный карман рубашки. А начинка-то весьма неплохая!

Пройдя через парковку и по улице мимо магазина, отец и сын вышли на пляж. Рог убывающей луны серебрил океанские воды. Прямо перед ними по песку прошмыгнул краб и скрылся в своей норке. Давненько они уже не гуляли вместе.

Муни с трудом удержался от того, чтобы не положить руку на плечо сына.

– Я рад, что ты вернулся, – наконец сказал он. – Эта твоя копия, этот робот… он никогда не говорил «нет». Он был примерным сыном, но ты-то другой…

Торчок быстро улыбнулся, потом хлопнул отца по спине.

– Спасибо. Я рад, что ты рад.

– Почему… – голос Муни сорвался и он начал снова. – Почему бы тебе не остепениться, Стэнни? Я бы помог тебе с работой. Разве ты не хочешь жениться и…

– И закончить как ты и ма? Нет уж, спасибо.

Немного грубовато. Торчок решил подсластить пилюлю.

– Конечно, мне нужна работа, но это должно быть что-то особенное. Ведь я ничего не умею. Я даже не умею как следует играть на гитаре. Все, чему я научился… это торчать, – Торчок беспомощно рассмеялся и развел руки. – Я занимался этим двадцать четыре часа в сутки и хорошо освоил эту науку. Что теперь мне делать?

– Ты… – начал Муни, но замолчал задумавшись. – На твою долю выпало немало приключений, ты мог бы написать об этом книгу. Черт возьми, Стэнни, ты же одаренный парень. Я не хочу, чтобы ты до конца дней своих тянул лямку, как это случилось со мной. Я мог бы стать художником-иллюстратором, но пальцем о палец для этого не ударил. Ты сам должен сделать первый шаг. Никто не сделает его за тебя.

– Я знаю. Но взявшись за что-то, для всех я буду просто… никем, который и родом-то ниоткуда. Мистер Никто Ниоткуда. Это не по мне. Если я не буду точно знать, что в конце меня ожидает выигрыш, то уж лучше…

– У тебе светлая голова, – повторил Муни то, что говорил своему сыну уже может быть тысячу раз. – У тебя IQ 112 и ты мог бы…

– Да, конечно, – внезапно воскликнул Торчок, которому этот душеспасительный разговор начал надоедать. – Давай поговорим об этом как-нибудь в другой раз. Сейчас мы должны решить, что будем искать в доме Кобба.

К этому времени они уже отмерили по пляжу несколько километров. Коттедж Андерсона должен был быть вот-вот появиться.

– Ты не ошибся, когда говорил, что существуют роботы-копии твои и Андерсона? Подумай еще раз.

– Я уверен в этом, – ответил Торчок. – Конечно, теперь они могли изменить внешность. Вместо кожи бопперы используют штуку, которая называется мерц-покров. В ней полно таких тонких проводков, который подключаются в тело, и если по этим проводкам пропустить нужный ток, то при желании можно заставить покров выглядеть как угодно.

– И по-твоему, Андерсон один из этих роботов?

– Точно! Я своими глазами видел, как в операционной разрезали его на куски. Это было похоже… – неожиданно Торчок расхохотался и смеялся до тех пор, пока из глаз его не потекли слезы. Образ Кобба, лежащего в ванне, напоминающей огромную зубастую вагину, было невозможно передать словами. До чего же здорово было подкуриться снова.

– Но зачем для того, чтобы скопировать содержимое мозга, бопперам нужно было заманивать тебя и Кобба на Луну. Как я понял, это можно было сделать и на Земле?

– Не знаю. Может быть, они относились к Коббу слишком уважительно, чтобы похищать как прочих и вычищать его голову от мозгов в какой-нибудь грязной дыре. Или может быть его мозг был настолько ценным, что они хотели провести копирование без риска на надежном оборудовании. А что касается меня… меня

просто нужно было убрать с глаз долой, любым способом…

– Тихо. Мы пришли…

В тридцати метрах от них, на фоне освещенного луной неба, четко вырисовывался коттедж Муни. Напрямую идти было нельзя, поскольку на пустынном пляже из окон их было нетрудно заметить, если, конечно, в доме был кто-то – или что-то – имеющее глаза. Укрывшись в тени пальм, спускающихся прямо к воде, они осторожно стали обходить дома стороной.

В окнах обиталища Кобба света не было, хозяин явно находился в отлучке.

Да и другие коттеджи стояли темными – сегодня, в пятницу вечером, жмурики резвились в баре. Тихо продвигаясь вдоль ряда коттеджей, Муни и Торчок наконец добрались до дверей Кобба. Муни сделал знак остановиться и несколько долгих минут напряженно прислушивался. Ни звука в ночи, только монотонные удары и шипение волн.

Толкнув дверь-экран, Муни проскользнул внутрь. Торчок устремился следом. Вот она, конура Кобба. В общем-то ничего, довольно уютно.

Когда-нибудь он тоже заделается жмуриком, подумал про себя Торчок… нужно было только каким-то образом убить оставшиеся сорок лет.

Муни надел пару специальных очков и включил инфракрасный потайной фонарь. В прошлую пятницу он забыл захватить этот фонарь с собой. Медленно поворачиваясь, он осмотрел комнату. Окурки сигарет с губной помадой на фильтре, детский крем, мокрый бикини… приметы присутствия женщины.

Эта пожилая белокурая бэби все еще жила здесь. Внезапно до Кобба дошло, что всю прошедшую неделю женщина просидела в домике у моря один на один с роботом. Неужели она не заметила ничего необычного? Она ожидала, когда Кобб придет в себя, а двойник ждал прибытия с Луны программы – то есть того же самого. Увенчались ли их ожидания успехом?

Могут ли роботы трахаться? – неожиданно задал себе вопрос Муни. Дома у него был бионик-член и в принципе, при желании, он мог быть использован для того, чтобы ублажить Беа. Но эта шлюха предпочитала искать удовлетворения в секс-клубах. Стэнни не должен об этом…

– Черт, где ты? – громко позвал его Торчок. – Ты что, заснул? Я ни черта не вижу.

– Тихо. Вот, надень очки. Извини, я забыл о тебе.

Муни передал сыну вторую пару инфракрасных очков. В очках все цвета становились настолько красными, что казались голубыми.

– Начнем со спальни, – предложил он.

– Лады.

Расположение дома Муни знал отлично. Когда он, толчком приоткрыв дверь спальни, просунул в щель потайной фонарь, ему пришлось прикусить губу, чтобы не вскрикнуть. На кровати лежал Стэнни. Его лицо растеклось, нос, как оплавленный, свесился на сторону на щеку, рука касалась пола, выгнутая в суставе в обратную сторону.

Торчок издал приглушенный шипящий звук и прошел в комнату.

Остановившись над кроватью Кобба, он принялся разглядывать лежащего.

– Вот он, твой любимый сынок. Слышь, пап? Завтра будь дома с утра, его привезут тебе в красивом ящике. Должно быть, старшие бопперы как-то прознали, что я возвращаюсь. Двоим нам нет места в этом городке.

– Что с ним случилось? – неуверенно спросил Муни, подходя к кровати и останавливаясь рядом с сыном. – Он выглядит словно оплавленный пластмассовый манекен.

– Это робот-манипулятор. Кто-то выключил его центральный процессор.

Кроме всего прочего, этот процессор следит за тем, чтобы мерц-покров сохранял свою форму.

Где-то захрустел гравий, так близко, что казалось это происходит здесь, рядом с ними в комнате. Рыкнул мотор, тяжело хлопнула дверца кабины. К дому подъехала машина! Скрипнула входная дверь.

Бежать было поздно, да и некуда. В доме уже были люди. Муни схватил сына за плечи и толкнул его к чулану спальни. Времени на слова уже не оставалось.

– Эй, Берду, Мистел Молосис сказал, что он в спальне.

– Слышь, Радужка! Вытаскивай свою ленивую задницу и помоги мне достать из кузова этот чертов мешок!

– Не понимаю, почему такие здоровые лбы как вы не могут справиться с этим одни?

– Я фчела поднимал чтой-то и надолвался.

– Что ты там поднимал, Пол-Пола, свой хрен?

Некоторое время трое неизвестных дружно ржали над сальностью.

– Это «малыши-шутники», – прошипел Торчок отцу на ухо. Муни подтолкнул свое чадо локтем, требуя от него тишины. Кто-то из них задел головой вешалки, о, черт!, и те дружно затарахтели, но приехавшие все еще занимались чем-то в гостиной.

– Дерьмовая работенка, как по-твоему, Берду?

– А тебе бы все на пляже валяться, так, Радужка, дорогая? Говорю тебе, слушай меня и скоро будешь как сыр в масле кататься.

– На язык-то ты мастер.

– Вы идите тащите тело, а я плиготофлю куда класть, – Пол-Пола вернулся на крыльцо. Дверь грузовичка снова хлопнула.

Берду и Радужка вошли в спальню.

– Черт!… ну и рожа! Точно гнилой труп.

– Не волнуйся за эту суку, детка. Мистер Морозис перепрограммирует его и он снова забегает как новенький.

– Стой, обожди. Помнишь того парня, с которым у нас ничего не вышло?

Тогда еще нагрянула полиция? На прошлой неделе у Кристлин?.. Это же он самый и есть, как две капли воды вылитый.

– Не гоношись, Радужка. Это не человек, это просто чертов выключенный робот. Тот парень ушел, ему повезло.

– Ясно. Ну что, взяли. Я за руки, ты за ноги.

– Рад-два. Смотри под ноги, этот урод тяжелый.

С кряхтением и руганью Берду и Радужка вытащили тело в коридор и, пройдя наружу через гостиную, снесли груз с крыльца по ступенькам. Все это время мотор грузовика работал на холостом ходу.

Муни осторожно приоткрыл дверь чулана и выглянул наружу. В спальне было два окна с противоположных сторон, и подкравшись к одному из них, он различил перед коттеджем похожий на белый призрак горбатый грузовичок. На крыше кабины безошибочно угадывался здоровенный пластиковый рожок мороженного.

Две неясные фигуры остановились перед задней дверью грузовичка и опустили на гравий что-то тяжелое. Третий человек выглянул из кузова и пошире открыл двери.

Лампы в кузове грузовичка осветили все и вся в спальне. В ужасе Муни кинулся обратно в чулан. Минут десять он и Торчок простояли неподвижно, затаив дыхание, позволив себе вздохнуть с облегчением и расслабиться только тогда, когда фургон «Мистера Морозиса» укатил прочь.

Глава 21

Кобб отдал должное и жаренной рыбе и вину, получить удовольствие от которого ему позволил один короткий вдох через левую ноздрю на каждые пару бокалов. Подпрограмма «ОПЬЯНЕНИЕ» действовала отлично. После обеда он заглянул в туалет и опорожнил там свой пищевой контейнер… не потому, что это было необходимо, а просто для того, чтобы еще раз убедиться в том, что все, о чем он узнал недавно, ему не почудилось.

В голове у него теперь стоял шум и происходило легкое кружение, что бывает у обычных людей от пяти или шести добрых порций виски, и общее состояние вещей уже не казалось ему таким уж кошмарным и ужасающим, как это было вначале. У него впереди лет двадцать удовольствий, нужно только вовремя подзаряжать батарейки… да что там двадцать, вот он возьмет и новую сотню лет отмеряет! Никаких проблем, выдержало бы «железо». Вот черт, он продолжает мыслить старыми человеческими категориями. Никакой износ ему теперь не страшен, бопперы вовремя позаботятся о новеньком теле и перекачают туда программы его системы, как только в этом наступит нужда.

Слегка покачиваясь, Кобб остановился перед висящим на стене туалета зеркалом. Красавец мужчина, да и только! Он ничуть не изменился, та же белая борода и прочее, вот только глаза… Он подался вперед, рассматривая глаза.

Что-то не то с радужной оболочкой, она казалась слишком однородной, почти без радиальных внутренних волоконец. Ерунда! Главное, что теперь он бессмертен! Кобб зажал пальцем правую ноздрю, принял еще одну порцию, потом повернулся и отправился к Энни.

Пока они ужинали, в зале позади бара «У седых» приготовился ансамбль, и как только жмуриков собралось предостаточно, начались танцы. Схватив Кобба за руку, Энни потащила его в зал. Она похвалилась, что сама помогала украшать зал к вечеринке.

Под потолком над головами танцующих медленно вращался огромный шар, оклеенный маленькими квадратиками зеркал. Узкие лучи прожекторов-"пушек" со светофильтрами разных цветов из четырех углов зала били в шар и разноцветный снегопад световых зайчиков, меняющих оттенок на каждой стороне, неторопливо падал на толпу танцующих. Энни сказала, что точно такой же шар был и на ее бале выпускников в 1970

году, половину века назад.

– Красиво, правда, Кобб?

Кобб почувствовал, как от круговорота ярких световых пятен к его горлу подступает тошнота. Но одно дело напиваться по-настоящему, другое дело – при помощи вживленной подпрограммы. Есть небольшая разница. Он быстро приложил палец к левой половине носа и глубоко вдохнул, раз и еще раз, поднявшись обратно на две ступеньки – ровно настолько, чтобы снова получать радость от жизни.

Зеркальный шар действительно был необыкновенно красив – казалось, что вы находитесь в глубине пронизанного солнечными лучами залива, неподвижно висите в толще воды невдалеке от поверхности, скользя сквозь время обратно…

– Потрясающе, Энни. Я снова стал молодым. Потанцуем?

Они вышли в зал и принялись медленно кружиться вместе с остальными парами под музыку. Инструментальная группа исполняла старую песню Джорджа Харрисона на тему «Любовь и Бог». Группа целиком состояла из жмуриков, которым на такую музыку было не наплевать. Они играли с душой.

– Ты любишь меня, Кобб?

Вопрос застал его врасплох. Уже много лет он не любил никого. Для этого он слишком был занят – готовился к приходу смерти. Любовь? Он распрощался с любовью, съехав со своей квартиры на Оглесорп-стрит в Саванн и бросив Верену. Но теперь…

– Почему ты спрашиваешь, Энни?

– Мы живем вместе вот уже целую неделю.

Ее рука, лежащая у него на талии, притянула его ближе. Кобб почувствовал движения бедер Энни.

– И между нами еще ничего не было. Если дело в тебе…

– Мне кажется, что я забыл как это делается, – ответил Кобб, решив не вдаваться в подробности. Интересно, имеется ли в его библиотеке подпрограмма «ЭРЕКЦИЯ»? Нужно будет проверить при первой возможности, чтобы потом не было спешки. Нужно будет так же посмотреть, что там есть еще. Кобб поцеловал Энни в щеку.

– Но я постараюсь вспомнить.

Танец кончился и они подсели за столик к Фаркеру и его жене. Судя по хищным, словно ястребиные когти, скрюченным пальцам Цинции и растерянному выражению на лице Фаркера, ссора здесь была в самом разгаре. Но Коббу и Энни были рады, как поводу для того, чтобы устроить краткий перерыв.

– Что скажешь обо всем этом, Фарк, старина? – приветствовал Фаркера Кобб тем сердечно-идиотским тоном бодрячка, которым

всегда разговаривал со своим приятелем.

– Очень мило, – отозвалась Цинция Фаркер. – Жаль только, что под потолком не догадались развесить разноцветные ленты, как это принято на вечеринках.

Ободренный появлением Кобба, Фаркер махнул рукой официанту и заказал кувшин пива. В обычных ситуациях Цинция не разрешала мужу пить, да и он не имел к этому склонности, однако сейчас…

– Золотая Годовщина, – сказала Энни. – У большинства из нас выпускной вечер был пятьдесят лет назад. Ты помнишь свой выпускной бал, Цинция?

Цинция закурила ментоловую сигарету с пониженным содержанием никотина.

– Помню ли я свой выпускной вечер? У нашего класса не было вечеринки после выпуска. Взамен этого, по предложению какого-то умника из совета старшеклассников было решено скинуться и купить билеты на автобусную экскурсию.

– И куда вы отправились? – поинтересовался Кобб.

Цинция с возмущением взвизгнула:

– В Вашингтон! Можете себе представить? На марш демонстрантов перед Пентагоном! Но в результате все получилось не так уж плохо. Ведь там мы с Фаркером и познакомились, правда, дорогой?

Услышав свое имя, Фаркер дернул своей лысиной как поплавком, отвечая не сразу и задумываясь.

– Верно. Я смотрел как на парковке отказники скандируют с грузовиков «Вон, демоны, вон», а ты наступила…

– Ничего подобного, Фаркер, я не наступала тебе на ногу. Я всего лишь обратила твое внимание. Ты был таким важным, с этим своим переносным магнитофоном на плече, и я просто помирала, как мне хотелось поговорить с тобой…

– Так оно и было, – согласно отозвался Фаркер, тряся головой и улыбаясь до ушей. – С тех пор ты уже не пытаешься обратить на себя мое внимание…

Пиво было принесено и они сомкнули бокалы. Втягивая внутрь горьковатую жидкость, Кобб незаметно зажал правую ноздрю и дохнул левой. Его снова затошнило, но в сидячем положении тошноту можно было терпеть. Прислушиваясь к болтовне своих друзей, он внезапно почувствовал стыд от того, что не был больше человеком.

– Как дела у вашего сына? – спросил он у Цинции, просто для того чтобы не молчать. Чак, единственный наследник Фаркеров, был Верховным Служителем Объединенных Культов, аж в самой Филадельфии. Цинция любила о нем говорить.

– Он становится все более и более скрытным! – Цинция издала новый пронзительный лай. – Девчонки сами несут ему деньги. Он обучает их астральному протрахцированию.

– Тот еще рэкет, верно? – подал голос Фаркер, качая как китайский болванчик головой. – Будь я помоложе…

– Ты бы не смог, – перебила Фаркера Энни. – В тебе нет нужной психической напористости. А вот Кобб… – Энни сделала паузу, преданно улыбнувшись своему кавалеру. – Не удивлюсь, если в один прекрасный день Кобб тоже окажется основателем нового культа.

– Ну что же, – задумчиво протянул Кобб. – С некоторых пор мне действительно не дают покоя определенные мысли. Я действительно ощущаю психический напор, так сказать… – он опомнился и взял на попятный. – Дело в том, что мне начинает казаться, что сознание возможно и в самом деле не зависимо от тела. Без тела сознание может существовать в виде некого математического вероятностого состояния. В этом случае телепатия есть, не что иное, как…

– В точности слова моего Чака, – восторженно затрещала Цинция. – Наверное ты стареешь, Кобб!

Они весело посмеялись, а потом заговорили о другом: о еде и диетах, о здоровье и болезнях, о сплетнях и слухах. Все это время мысли о новых религиях и культах не переставали напоминать Коббу о себе.

Случившаяся с ним перемена тела была похожа на чудо. Доказывало ли это, что душа действительно существует… или же как раз наоборот? Несколько новых свойств его сознания тоже требовали объяснения. Истинно ли было то, что, попав раз в механическое тело, он больше не был ограничен рамками материи… или все это было не более чем результатом электронного обострения чувств? Кто он такой… гуру или голем?

– Ты такой красавчик, – шепнула ему Энни, снова вытаскивая его танцевать.

Глава 22

«Малыши-шутники» забросили робота, когда-то подменявшего Торчка, в кузов фургона, потом уселись в кабину. Пол-Пола и Берду с удовольствием зажали между собой Радужку. А она ничего, еще довольно мягонькая.

– Я вот фсе думаю, какой он ис себя, этот мистел Молосис, – прошамкал Пол-Пола, выруливая на асфальт.

– Я тоже не прочь на него взглянуть. Но трепыхаться не стоит – он исправно платит наличными.

– И сколько же он отвалит на этот раз? – спросила Радужка, снимая чужую пятерню, словно случайно оказавшуюся там, со своего бедра. – Возьму да и прокачусь в «Мир Диснея» на недельку. Нужно только будет прикупить себе новые шмотки и немного подкрасить волосы.

– По мне, ты и так выглядишь на все сто, Радужка. Конечно для тебя просто перекраситься в розовый или зеленый, например, было бы слишком примитивно…

Берду и Пол-Пола захихикали, а Радужка надулась. Грузовичок пересек мост Мэррит-Айланд, после чего Пол-Пола свернул направо. Гидрогенный мотор монотонно гудел, о ветровое стекло то и дело разбивались ночные насекомые.

– Интелесно, подцепила Клисиин для нас еще какохо-нипуть плидулка? – задумчиво произнес спустя некоторое время Пол-Пола.

– Можешь не сомневаться! – отозвался Берду, рассматривая проносящиеся мимо огни. – Думается мне, что если она сегодня вечером никого не приведет, Грязный Фил с ней живой не слезет.

Пол-Пола потряс головой.

– Чудной он, этот Фил. Кломе мозгов на обед, ничего его не интелесует.

Мне он уже начинает надоедать. А тебе?

– Он уже снял для Кристлин новое жилье? – поинтересовалась Радужка.

– Ты ж знаешь, что снял, дологуша. Клистлин вкалывает, что твоя ломовая лошадь – никто ему еще столько не пливодил.

– Обещанного сто лет ждут, – капризно продолжила Радужка. – Мне были точно обещаны живые мозги, а я до сих пор их даже не попробовала, только все каких-то мозгляков на улице цепляю…

– Здесь за главного Фил, ему и лошка пелфому в луки, – отозвался Пол-Пола.

– Да, чудной он все-таки этот Фил, – несколькими минутами

позже снова подал голос Берду. – Не курит, не пьет, я даже ни разу не видел чтобы он ел по-нормальному. Он или отдает приказы, или сидит уставившись в одну точку.

Они уже катили через Дайтона, вокруг мелькали строения из бетона, украшенные разноцветным неоном. Пол-Пола проверил в зеркальце нет ли на хвосте копов, после чего круто свернул направо, съехав в подземную стоянку отеля Лидо. Развернувшись, он припарковался кабиной вперед, достал из коробки на кузове шнур с вилкой и воткнул вилку в розетку в стене. Во время остановок морозильная камера работала от сети. На крыше грузовика откинулся небольшой лючок, из которого высунулся телеглаз. Теперь любому, кто подойдет к грузовичку, не поздороваться. Мистер Морозис знал, как постоять за себя, в особенности если в кузове у него лежал манипулятор.

Вся троица поднялась на лифте к себе в номер. Грязный Фил, по-прежнему без рубашки, сидел так, как они и оставили его – перед окном, созерцая океан. От двери расплывшаяся татуировка Фила была видна преотлично. На звук открывшейся двери он даже не обернуться.

– На заметку Сатане, – довольным голосом нараспев продекламировала Радужка, которая никогда не упускала случая зачитать наколку Фила вслух. – Отправь этого Человека в Рай, потому что в Аду Он Свое уже Отбыл.

Она произнесла все это своим придурковатым голосом школьницы-простушки.

Фил ей никогда не нравился.

Фил не обернулся. Когда-то он действительно был Грязным Филом, сварщиком с «Рифа», которому, как и всем сварщикам, приходилось выходить в ночную смену. Приходилось ему чинить и БЭКС. Копирование мозга своего ремонтника-гуманоида боппер организовал без проблем… но результат оказался далеким от совершенства. Личность сварщика по непонятным причинам ужалась, превратив его в хладнокровного убийцу. Несмотря на это, Фил оставался хорошим механиком.

Когда старшие бопперы решили послать Мистера Морозиса вниз на Землю в качестве сборщика душ, Фил был отправлен вместе с ним. Время от времени, при необходимости ремонта, Мистер Морозис пользовался записью мозга Фила, но без крайней необходимости даже ограниченную свободу действий этому своему манипулятору Морозис старался не предоставлять. Вот почему большую часть времени Грязный Фил был наделен отзывчивостью и теплом не больше, чем пара стальных кусачек.

– Лучше не зли его, – предупреждающе проворчал женщине Берду. – Он ждет телефонного звонка, так ведь, Фил?

Фил коротко кивнул. Рейсовый челнок от БЭКС, в котором, как было обещано, должен был содержаться новый манипулятор и который должен был забрать очередную партию органов, прибывал завтра. Запись копии мозга должна была быть переслана заранее, по радио… но прежде Фил обязан был добыть цельного человека, душу и тело, «железо» и программу. Если Кристлин снова не удастся никого подцепить… Фил не отрывал взгляда от ровных, словно вычесанных гребешком волн на поверхности океана, прислушиваясь к голосам людей за спиной и прорабатывая один план за другим…

Пронзительно зазвонил телефон. Одним броском перемахнув через комнату, Фил схватил трубку.

– Грязный Фил.

В трубке рыдали и пронзительно кричали. Берду и Пол-Пола тревожно переглянулись. Даже сквозь солнечные очки в темной комнате было видно, что у Фила не все дома. При этом его голос всегда оставался ровным и спокойным.

– Я понимаю, Кристлин. Понимаю. Хорошо. Лады.

В ответ с другой стороны безостановочный поток жалоб. Налитая физиономия Фила медленно растянулась в улыбку. Он взглянул на Берду и подмигнул ему.

– Хорошо, Кристлин. Если, как ты говоришь, он заснул, почему бы тебе не зайти к нам за деньгами. Ведь тебе причитается пять кусков. И лучше зайди прямо сейчас, потому что завтра мы меняем базу. Лады. Вот и хорошо, бэби. И не расстраивайся, я все понимаю…

Фил мягко, почти нежно положил телефонную трубку на место.

– Кристлин влюбилась. Она подцепила парня из колледжа и теперь сидит над ним и смотрит, как он спит. Он спит как ребенок, сказала она, как невинное дитя.

Фил прошелся кругом по комнате, тут и там выравнивая мебель.

– Клистлин не собилается вести его к нам, но ты заплатишь ей все лавно? – удивленно спросил Пол-Пола.

– Да, так я ей сказал, – ровным голосом ответил Фил. – Но вы-то понимаете, что я не из таковских. К завтрашнему утру у меня должно быть тело. Пленку можно переслать в любое время, но я связан подписанным контрактом на перевозку груза и деньгами.

Открыв один из ящиков буфета, Фил достал небольшой пневматический пистолет и придирчиво его осмотрел.

– Ты же не собираешься убивать Кристлин? – дрожащим голосом спросила Радужка.

– Это не убийство, – ответил Фил, держа пистолет наизготовку дулом вверх. – Неужели ты этого еще не уразумела? Берду?

Берду вздрогнул. Внезапно ему показалось, что он снова оказался в восьмом классе и только что учитель задал ему вопрос, ответа на который он не знал и знать не мог. Более того, он не понимал самого вопроса.

– Не знаю, Фил. Ты сам ее нанял. Здесь все твое, грузовик, гостиница, все-все. Если нужно будет, я помогу тебе разобраться с Кристлин.

Сейчас он «малыш-шутник», а стоит ему потерять эту работу, кем он будет тогда?

– Мы съедим ее мозг, – медленно сказал Фил, направляя пистолет на троицу у двери и внимательно их рассматривая. – Кристлин исчезнет, но ее мысли останутся.

Вскинув левую руку, Фил положил ее себе на грудь.

– Смотрите!

Маленькая дверца откинулась, обнаружив в груди Фила небольшой металлический отсек. Внутри отсека можно было различить несколько блестящих скальпелей и ряд компактных приспособлений, похожих на переносную лабораторию.

Радужка вскрикнула и Берду поспешно зажал ей рот ладонью. Пол-Пола издал звук, который вполне мог сойти за смех.

– Я являюсь частью Мистера Морозиса, – объяснил Фил, закрывая дверцу в груди. – Я его руки и ноги, въезжаете? И рот.

Фил широко улыбнулся, обнажив отличные острые зубы.

– Человеческие ткани нужны бопперам в качестве семян для выращивания искусственных органов. Записи копий мозга необходимы для стимуляции некоторых специальных роботов-манипуляторов. Таких как я. Нас, бопперов, всегда интересовал чужой мозг, даже тогда, когда прямой нужды в нем не было.

Человеческий мозг удивительное явление.

– Теперь я не буду работать за просто так! – заплакала Радужка. – Теперь деньги вперед!

– Заткнись, дура! – зарычал Берду. – Нам заплатят завтра, ты же слышала!

– Он то же самое обещал Кристи… – продолжала ныть Радужка.

Звонок в дверь прервал ее на полуслове.

Фил направил пневматический пистолет на Радужку.

– Ты ведь не станешь мешать мне, правда? Или может быть мне использовать твой мозг вместо Кристлин?

Радужка открыла дверь и впустила Кристлин. Двумя быстрыми выстрелами Фил подстрелил из своего угла обеих

женщин. Снотворное подействовало мгновенно и Радужка и Кристлин осели на пол. Оттащив их по очереди в глубь комнаты, Пол-Пола закрыл дверь.

Берду даже не двинулся с места, он был ошарашен и потрясен. Радужка была единственной женщиной, которая относилась к нему с симпатией. Но Фил был прав, прав как всегда. Наверное, он и был Мистером Морозисом. А Мистер Морозис умнее всех на свете, это уже было проверено неоднократно.

– Нельзя ее отпускать, Берду, она может навести на нас.

Фил не отрываясь смотрел на него через комнату, держа на мушке своего духового оружия. Наступила тишина.

– Я не могу! – наконец всхлипнул Берду. – Она же нормальная девчонка. Может не будем ее резать, а, Фил?

Берду уже приходилось смотреть в дуло чужого оружия и не раз. Внезапно в его руке появился пистолет 38 калибра. Метнувшись к окну, он сорвал штору и выставил ее щитом перед собой. Стрелки, выпущенные из оружия Фила, ударили в штору, отскочили и упали на пол.

– Ты поступаешь глупо, Берду, – проговорил Фил, опуская свой бесполезный пневматик. – Нам нужна Кристлин и мы разделаем только ее одну, а с Радужкой все будет по-другому. БЭКС хочет взять ее к себе стюардессой, на подмену Мисти. Я поговорю с Радужкой и уверен, она согласиться. В Диски ей сделают новое тело. Обещаю, что личность ее останется неизменной. Вы сможете встречаться раз в…

С искаженным от ярости лицом Бедру отбросил штору в сторону. Вскинув пистолет, он прострелил Филу голову навылет. Вот так просто.

– Челт, Белду, блатан, – сдавленно прохрипел Пол-Пола, не успел грохот пистолетного выстрела затихнуть под сводами номера. – Нужно лвать когти, мать его. У Мистела Молосиса в кузове еще один манипулятол.

– Мы выйдем через главный вход и угоним машину, – каменным голосом ответил Берду. – Я понесу Радужку, а ты возьмешь Кристлин.

Когда они, прикрыв за собой дверь, шли по коридору, позади них в номере прогремел взрыв. Что там взорвалось, может быть тело Фила? Они не стали останавливаться чтобы выяснить это. Спотыкаясь, приятели с трудом спустились по пожарной лестнице на первый этаж и вышли в вестибюль.

Перед парадным входом отеля атлетически сложенный молодой человек как раз выбирался из своей красной спортивной машины. Пол-Пола хлопнул молодого человека по плечу, тот

обернулся, и Берду сунул ему в нос свой пистолет.

Парень молча отдал ключи и с поднятыми над головой руками попятился от машины. У Пол-Пола и Берду этот прием был многократно отработан.

Устроив женщин на заднем сидении машины, они помчались прочь из города, взяв курс на Орландо.

Глава 23

Золотая Годовщина удалась на славу. Кобб уже много лет так не веселился. Подпрограмма «ОПЬЯНЕНИЕ» действовала изумительно. Вся ее прелесть состояла в том, что вместо того, чтобы прямиком скатиться по неудержимому эскалатору в подвал слюнявой философии, вы могли приятно проводить время, с легкостью путешествуя с этажа на этаж, ориентируясь на собственное настроение. Путем практических исследований Кобб обнаружил, что после достижения уровня в десять стопок виски, точки «полного отруба», срабатывал автоматический аварийный возврат и он снова оказывается там, откуда начал.

Направляясь вслед за Энни к танцующим, он быстро втянул воздух правой ноздрей, прочистил голову и мужественно обнял свою партнершу за талию. Энни хихикала без передышки и была настроена очень игриво.

– Ты уже вспомнил, Кобб? Понимаешь, о чем я?

– О чем же?

Над океаном взошла луна. Сверкающая дорожка выходила у них из-под ног и рассекая тихую водную гладь надвое, исчезала за краем мира.

* * *

– Что я должен был вспомнить, дорогая?

Руки Энни скользнули вниз и погладили его ягодицы.

– Ты знаешь, о чем я говорю.

– Верно, знаю, – ответил Кобб и пропел:

– Би-Бо-Па-Лу-Ла.

– Доступ к библиотеке разрешен, – откликнулся голос у него в голове.

– Я хочу заняться сексом.

– Я рада, – сказала Энни. – Я тоже не прочь.

– Подпрограмма «СЕКС» активирована, – сообщил голос.

– «ВЫХОД», – скомандовал Кобб.

– Так сразу? – удивилась Энни. – Я думала, мы еще потанцуем.

– Потанцуем? Конечно, – ответил Кобб, чувствуя как его брюки спереди начинают медленно надуваться.

Во время танца они целовались и терлись друг о дружку. Каждый квадратный сантиметр тела Кобба дрожал от предчувствия предстоящего. Впервые за многие годы все его

внутреннее сознание оказалось сосредоточенным снаружи, на коже. И на коже Энни в том числе, ибо когда их губы соединялись в поцелуе, то же самое происходило с их личностями. Они сливались воедино духовно. Одно тело. Одно сознание.

По непонятной причине все окна его коттеджа были освещены, хотя он точно помнил что перед уходом выключил свет. Кобб уже решил, что наверно что-то напутал, когда, переступив порог, услышал голос Торчка.

– Ах, – счастливо воскликнула Энни. – Чудесно! Твоему другу уже лучше!

Кобб молча вошел в гостиную, где, время от времени переходя на крик, припирались Муни и Торчок. Заметив Кобба и Энни, они мигом замолчали.

Энни злобно уставилась на Муни.

– Что ты забыл здесь, свинья?

Муни молча откинулся на брезентовую спинку шезлонга из алюминиевых трубок, внимательно оглядывая Кобба с ног до головы.

– Это ты, Торчок? – спросил Кобб. – Твою запись тоже переслали по радио…

– Нет, это я, настоящий я, – ответил Торчок. – Мясо и кости, понимаешь? Я прилетел сегодня на челноке. А как ты добрался, хорошо?

– Ты зря отказался от предложения МЭКС, это действительно здорово.

Бопперы не обманули. Я ни о чем не жалею.

Кобб открыл рот, чтобы сказать еще что-то, но внезапно оборвал себя, опомнившись. Неизвестно, можно ли было говорить об этом Муни. А выключенный робот у него в спальне, неужели они нашли его? Присмотревшись, он заметил на коленях Муни пистолет.

– Будет лучше, если ты, Кобб, отправишь леди домой, – спокойно заметил Муни. – Нам нужно кое-что обсудить.

– «СЕКС ВЫХОД», – печально пробормотал Кобб, – «ОПЬЯНЕНИЕ ВЫХОД».

Тебе действительно лучше уйти, Энни. Мистер Муни прав.

– Почему, черт возьми, я должна уходить? Я теперь здесь живу, было бы вам известно. Какое право имеет этот чинуша гнать меня?

Энни была готова расплакаться.

– Такой чудесный был вечер, и вот на тебе…

Кобб нежно, но настойчиво взял Энни за руку и вывел на крыльцо. На дробленом ракушечнике подъездной дорожки лежали прямоугольники света, падающие из окон его дома. В

одном из прямоугольников замерла настороженная тень Муни.

– Не расстраивайся, Энни. Мы все наверстаем. У меня такое чувство, словно… словно моя жизнь начинается снова.

– Что они хотят от тебя? Ты ведь не сделал ничего плохого? Они не могут арестовать тебя?

Кобб с минуту молчал, раздумывая. Теоретически его могли задержать и демонтировать как шпиона бопперов. Его не будут даже судить, потому что он всего лишь машина. Но он верил, что до этого не дойдет – на то не было причин. Он обнял Энни за плечи и в последний раз поцеловал ее.

– Нам с Муни просто нужно поговорить. Ничего, я выкручусь. Согрей для меня местечко в своей кроватке. Я приду к тебе через полчаса.

– Хорошо, – выдохнула ему на ухо Энни. – Но учти, у меня есть пистолет. Я буду следить из окна, на всякий случай…

Крепко обнимая свою подругу, Кобб шепнул в ответ.

– Не вздумай вмешиваться, дорогая. Я сам управлюсь. Если другого выхода не будет, я… убегу. Но…

– Иди сюда, Андерсон, – раздался из окна голос Муни. – Мы ждем тебя, нам нужно многое обсудить.

Пожав на прощание руку Энни, Кобб вернулся в дом. Без разговоров усевшись в алюминиевый шезлонг, который раньше оккупировал Муни, он закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди. Муни ничего не оставалось, как, уставив пистолет в пол, привалиться спиной к стене. Он буквально прожигал Кобба взглядом насквозь. Расположившись на стуле у письменного стола, Торчок раскуривал свежий косяк.

Муни вскинул пистолет и направил его Коббу в голову. Выстрел в тело может не остановить робота, но голова могла быть его слабым местом.

– Говори.

– Пап, полегче, – подал голос Торчок. – Кобб нам ничего не сделает.

– Откуда ты знаешь, Стэнни? Ему на помощь в любую минуту могут прийти другие роботы.

– О каких роботах вы говорите? – поинтересовался Кобб. Сколько они уже успели узнать? Торчок сбежал и наверное многое разнюхал на Луне, но тем не менее…

– Послушайте, – устало начал Торчок. – Давайте немного убавим обороты. Я знаю о тебе все, Кобб. Мне известно, что ты не человек. Бопперы пересадили тебя в твоего робота-двойника. Это действительно круто! Есть от чего обалдеть. К сожалению, у моего отца на тебя зуб…

Старый-добрый полицейский спектакль: добрый коп – злой

коп. Это мы уже проходили. Кобб решил оставить первую линию обороны и провести сбор информации.

– А где твой двойник, Торч?

– Ты говоришь о том, который лежал у тебя в кровати? Его забрали «малыши-шутники», – ответил Торчок. – Они приезжали за ним на белом грузовичке «Мистера Морозиса».

– Мистер Морозис, – задумчиво проговорил Кобб. Он напряженно думал.

То, что сотворили с ним бопперы, по большому счету было неплохо. По его, Кобба, большому счету. Если он сумеет убедить Муни и Торчка в том, что ничего страшного в этом нет…

– Где находится ваша база? Где вы режете людей? – снова принялся отчеканивать свои вопросы Муни. В его голосе звенела сталь. – Сколько у тебя сообщников?

Свои слова он подкрепил угрожающим движением пистолета.

Кобб пожал плечами.

– Эти вопросы не ко мне. Бопперы мне ничего не говорили о таких вещах.

Да и зачем мне об этом знать? Кто я такой – несчастный старик с искусственным телом.

Кобб взглянул на Торчка в поисках сочувствия. Как и раньше с Энни, у него появилось ощущение телепатического контакта, ощущение проникновения в происходящее по ту сторону чужих глаз. Мозг Торчка, расслабленный наркотиком, был открыт и готов к взаимообмену. Испуганный и напряженный Муни был недоступен.

– Я могу ответственно заявить, – снова заговорил Кобб, – что имею полный контроль над своим телом. Не думаю, чтобы бопперы планировали использовать меня в качестве одного из своих манипуляторов.

– Тогда для чего им было весь этот огород городить, возиться с тобой и прочее? – недоверчиво спросил Муни.

– Они сказали, что хотят отблагодарить меня, – ответил Кобб.

Несколько секунд он раздумывал над тем, стоит или нет демонстрировать Муни дверцу в груди и имеющуюся на ней надпись, но решил пока от этого воздержаться. Размышления о дверце навели его а другую мысль.

– Би-Бо-Па-Лу-Ла, – громко пропел Кобб.

– Доступ к библиотеке разрешен.

– Мне нужна подпрограмма «МИСТЕР МОРОЗИС».

– Требуемая подпрограмма активирована, – промурлыкал баритон.

В голове Кобба словно распахнулась дверь, оклеенные желтоватыми обоями стены его комнаты раздвинулись благодаря

хлынувшему в мозг дополнительному потоку визуальной и другого рода информации.

Он по-прежнему сидел в алюминиевом шезлонге в своем коттедже, но одновременно с этим находился в подземном гараже с бетонными стенами. Только что случилось что-то ужасно плохое. Берду застрелил Фила, его лучшего манипулятора. Он испытывает чувство сродни потере глаза. После этого он потерял Берду и Пол-Пола из вида, просто не мог больше за ними следить. Он прикидывал возможность погони за вероломными слугами при помощи второго манипулятора, находящегося в кузове.

– Привет, – сказал Кобб, лишь усилием воли удержавшись от того, чтобы не произнести это вслух.

– Это вы, Кобб? – ответ Мистера Морозиса пришел мгновенно. Мистер Морозис совсем ему не удивился. – Я давно хотел поговорить с вами, но первый шаг должны были сделать вы. Мы не хотели, чтобы вы считали себя…

– Манипулятором?

– Правильно. Вы полностью автономны, Кобб, таково условие вашей конструкции. Если вы сам захотите помочь нам, это будет другое дело. Но управлять вашей волей мы не можем… да и не знаем как. Вы находитесь в полном собственном распоряжении, как и положено настоящему человеку.

– О какой помощи идет речь?

Мысленно произнося свой вопрос, Кобб откинулся на спинку кресла и вытянул ноги. Витающий где-то Торчок считал мух на потолке.

– Ты должен убедить других людей, – прозвучал в голове Кобба ответ мистера Морозиса. Своим вторым зрением Кобб мог видеть внутренность кабины грузовика, являющуюся как бы фоном к мысленному разговору. Чьи-то руки легли на рулевое колесо. Замелькали бетонные стены подземного гаража, на смену которым пришли яркие огни Дейтона-Бич.

– Вы должны убедить всех остальных людей взять себе по вашему примеру искусственные тела. Только после этого станет возможным всеобщее слияние и нашими усилиями возникнет новое, высшее бытие. Мы построим несколько репродукционных центров…

Муни стоял над Коббом и тряс его за плечи. Зрелище было удивительным, особенно если учесть что сквозь лицо Муни навстречу Коббу неслись уличные огни. Медленно и с трудом он вывел на передний план своего зрительного восприятия происходящее в его собственном коттедже.

– В чем дело, Муни?

– Ты позвал кого-то на помощь, отвечай?

– Ты не хотел бы приобрести себе такое же тело, как у меня? Вечное тело? – ни с того ни с сего спросил вдруг Кобб. – Я мог бы это устроить.

– О чем разговор? – сонно поинтересовался Торчок. – Что, старшие бопперы хотят нас всех загнать в свое стойло?

– Приняв такое решение, вы поступите разумно, – как заведенный продолжал гнуть свое Кобб. – Это будет следующим шагом эволюционного развития человека, причем закономерным шагом. Представьте себе людей, которые носят в своей голове мощные компьютерные системы, людей, которые могут общаться непосредственно передавая информацию из мозга в мозг, людей, жизнь которых будет измеряться веками, которые будут менять свои тела, как рубашки или брюки.

– Представьте себе людей, которые не будут людьми, – подхватил Торчок. – Кобб, старшие бопперы, вроде ТЭКС и МЭКС, пытаются устроить тот же самый цирк на Луне. Большая часть малых бопперов на это не согласна… они предпочитают сражаться и погибнуть, чем оказаться поглощенными большими системами. Почему это происходит, как ты думаешь?

– Вероятно некоторые люди… или бопперы… одержимы параноидальной манией боязни лишиться своей драгоценной независимости, – ответил Кобб. – Но это всего лишь вопрос культурных традиций! Послушай, Торч, я осознавал происходящее со мной с самого начала… с самого начала. После того, как на Луне было произведено копирование моего мозга, несколько дней я существовал внутри большого банка памяти. И знаешь, это было не так уж…

– Все, хватит болтать! – внезапно рявкнул Муни и рывком вздернул Кобба на ноги. – Тебя срочно нужно выключить и разобрать, потому что ты опасен для общества. Мы не можем позволить, чтобы такие чудовища, как ты, Андерсон…

Мистер Морозис, который по-прежнему находился у Кобба в голове, конечно же все слышал.

– Я взял на себя смелость активировать вашу подпрограмму «САМОУНИЧТОЖЕНИЕ», – тихо проговорил баритон. – Вам достаточно будет произнести вслух слово «УНИЧТОЖЕНИЕ», после чего произойдет взрыв. Но взорвется лишь ваше тело. Сам вы останетесь во мне. Я дам вам новое тело, то, что сейчас сидит в кабине…

– «МИСТЕР МОРОЗИС ВЫХОД», – сказал Кобб. Если уж он решит покончить жизнь самоубийством, то это решение должен будет принять сам.

Муни приставил пистолет к голове Кобба. Руки Муни

дрожали, он был охвачен паникой.

«Сейчас ты получишь свое, Муни», подумал Кобб про себя. Но он все равно ждал чего-то. Возможно ему было жалко Торчка, попытался оправдаться он… но в действительности он боялся за себя, боялся умереть снова. Что он увидит на этот раз, опять полное шумов неопределенное пространство между телами? Но он ведь уже проделывал это однажды, ведь так? Тогда чего бояться теперь?

– Иди на улицу, Торчок, – сказал Муни, решив тем самым свою судьбу.

– Пойди проверь, не устроила ли эта старая сука нам засаду в кустах. И нет ли там других роботов.

Торчок толкнул заднюю дверь и растаял в темноте.

– А я все-таки прищучил тебя, – довольно сказал Муни, больно толкая Кобба пистолетом под ребра. – Скоро я увижу, что за колесики у тебя там крутятся внутри.

– «УНИЧТОЖЕНИЕ», – громко сказал Кобб и потерял свое второе тело.

Глава 24

– Тема сегодняшней передачи – здоровье, – задушевно сообщил радио-голос. – Гастрит может серьезно испортить вам долгожданный отпуск.

Поэтому, чтобы не беспокоиться…

Кобб протянул руку и выключил радио – это было его первым осмысленным действием. Он только что выехал с бензозаправки на окраине Дейтона-Бич и теперь выруливал к шоссе по гравийной подъездной дорожке. Но вместе с тем он только что умер, взорвавшись в своем коттедже на Кокосовом пляже.

– Привет, Кобб? Что скажете? Вы убедились, что можете мне доверять? – голос Мистера Морозиса снова гулко раздавался в его голове. Кобб посмотрел вниз и увидел незнакомые жилистые руки, орудующие рулевым колесом с уверенностью опытного водителя.

– Это Торчок-Второй? – спросил Кобб. – Ты дал мне тело Торчка-Второго?

– Он был Торчком-Вторым. Только что телу был придан новый внешний вид.

В качестве образца я использовал механика на заправке, который заливал нам в бак бензин.

«УНИЧТОЖЕНИЕ», затем полная дезориентация, сразу после чего вот это. В его пальцы въелась годами непромываемая грязь – смазка и сажа. Он чуть отклонился в сторону, чтобы рассмотреть себя в зеркальце заднего вида.

У него худощавое лицо с блестящими влажными глазами-оливами. Редкие темные волосы, сальные и зачесанные наперед. Выдающийся нос и недоразвитый подбородок. Настоящая крыса. Полыхнувшие впереди огни встречной машины заставили Кобба оторваться от созерцания собственной физиономии.

– Нужно перекрасить фургон, – решительно заявил он. – Муни я убил, но он мог оставить записи у себя в офисе. Кроме того, Торчок все знает.

Полиция уже наверняка разыскивает грузовичок мороженщика с рекламой «Мистера Морозиса».

– Позже мы займемся этим. Сейчас же у нас есть дела поважнее. Нужно кое с кем рассчитаться. Эти подонки… эти «малыши-шутники»… короче говоря, один из них сломал мой лучший манипулятор. Его зовут Берду…

Кобб оглянулся по сторонам и отметил, что не задумываясь, направил грузовичок на запад, в сторону Орландо. Означает ли это, что он уже не может управлять своими руками?

– Куда мы едем?

– В Мир Диснея. Берду об этом наверняка забыл, но однажды он сказал мне… точнее, сказал Филу… что в Мире Диснея у него есть приятель, хозяин мотеля. Полагаю, что Берду решил отсидеться именно там. Я хочу, чтобы вы застрелили Берду, Кобб, а после этого отдали мне его мозг. Тело мы бросим… сейчас не до сбора органов… но копия его мозга мне нужна. Вы бы только видели, как легко он прикончил моего Фила.

Спокойный голос Мистера Морозиса был совершенно бесстрастным. Неужели боппер решил заняться местью? Или, может быть, им двигает страсть коллекционера?

В любом случае, устраивать охоту на «малышей-шутников» сейчас было не время. Это было не лучшей идеей, можно сказать, что одной из наихудших. Сбор мозгов Кобб вообще хотел отложить на неопределенный срок. Сейчас ему нужно было оглядеться. Может быть он оставит грузовик где-нибудь в лесу, а сам пройдется пешком по округе и разведает что и как. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, он заметил на горизонте розовую полоску зари. Дорога впереди была совершенно пустынной.

– Вы можете распоряжаться собой по своему усмотрению, – снова заговорил Мистер Морозис. – Но не забывайте, что мы не можем существовать по отдельности. Как только умру я, умрете и вы. Вы часть моего мозга, и вы мои руки, вот в чем все дело.

– Но ты не можешь управлять мной? – желая убедиться в этом, Кобб убрал ногу с педали газа. Никто не попытался вернуть его ногу на место.

– Моя власть не распространяется на ваше сознание, – уклончиво ответил Мистер Морозис. – Но останавливать грузовик не стоит. Что, если сзади появятся копы?

Кобб снова надавил на газ.

– Почему одной из твоих субсистем придана самостоятельность?

– Человеческий разум единое целое, Кобб. Если мы начнем выбирать из него фрагменты по собственному усмотрению, то все, что от человека останется, это скучный набор условных рефлексов. Когда какой-нибудь старший боппер создает внутри себя человеческую личность, ему приходится мириться с тем, что одна из его субсистем получает свободу воли. Конечно в случае экстремальном я могу полностью отключить вас, но тогда…

– Для чего вам вообще нужны копии человеческого мозга?

– Программы, которые создаем мы и которыми мы в состоянии управлять, не идут ни в какое сравнение со структурной системой человеческого мозга.

Людям тоже не под силу писать программы бопперов… но

они нашли все-таки выход из положения и дали нам возможность развиваться. Но обратное невозможно, создать программное обеспечение человека бопперу не под силу.

Вот так – мы нужны вам, а вы нам. Нашей целью является слияние людей и бопперов, образование великого всеобщего разума, распределенного между всеми единицами общества нашего мира. Так будет, Кобб, и от этого никуда не денешься. Простейшие бытия, сливаясь, образуют сложные бытия, которые, сливаясь в свою очередь много раз, образуют одно высшее. Таков наш путь к Единственному.

– К Единственному? – со смехом переспросил Кобб. – Ты говоришь о том «Единственном», который установлен на Луне, не так ли? А известно ли тебе, что этот аппарат представляет собой всего лишь источник случайных помех?

Неужели до вас это еще не дошло?

– Концепция случайного неоднозначна, Кобб.

– Послушай, – торопливо заговорил Кобб. – Для того чтобы стимулировать развитие бопперов, я ускорил скорость их мутаций. Для этого в базовую программу я включил команду, заставляющую вас раз в месяц подключаться к Единственному. Это так и происходит, ты ведь не будешь с этим спорить?

– «Единственный» же – это не более чем простейший счетчик космического излучения. В процессе подключения, это устройство меняет в электронных схемах ваших чипов в некоторых местах нули на единицы и наоборот в соответствии с гейгеровской картиной интенсивности космического излучения за последнюю неделю, например. «Единственный» – это тупой скрамблер ваших программ, и только.

Мистер Морозис задумчиво замолчал. Ответ от него пришел лишь через несколько минут.

– Вы пытаетесь принизить значение Единственного, Кобб. Но пульс Единственного есть пульс Космоса. Как вы же сами сказали, его действие основано на космических лучах. Сам Космос всплесками своего излучения направляет рост и развитие расы бопперов – что может быть более естественным и нормальным? В Космосе нет помех… там есть только информация. Ничего случайного там не бывает. Печально, что вы сами оказались не в силах понять суть своего творения.

Слева от дороги началась полоса болотистых зарослей камыша. Кобб заметил высунувшегося наполовину из мутно-бурой жижи крокодила, спозаранку лениво наблюдающего за проносящимися мимо машинами. Было только четверть седьмого утра. Под влиянием фантомного рефлекса, пришедшего из области живота, Кобб испытал краткую тоску по завтраку.

Призрак голода как пришел, так и ушел, и Кобб, не отрывая глаз от мчащихся навстречу миль шоссе, погрузился в размышления.

Что он узнал? С одной стороны он чувствует себя совершенно таким, как и раньше. Конечно у него появились новые возможности, предоставляемые электроникой. Но при этом пять пальцев на правой его руке по-прежнему равнялись пяти пальцам на левой. Тот человек, который был некогда Коббом, оставался тем же Коббом и после того, как его разум был переселен в ледяной чип Мистера Морозиса.

Мозг Кобба Андерсона был препарирован и умер, но его программа, являющая собой разум, сохранилась. Понятие "Я", в конце концов, не более чем еще одно понятие, одна из переменных в его программе. Кобб ощущал в себе себя точно так же, как это бывало всегда. И так же, как и всегда, Кобб желал продолжить существование внутри своего «железа», своей физической основы.

Скорее всего бопперы сохранили копию записи его мозга на Луне и возможно, что закачать в другую физическую основу копию этой копии не составит труда. Вместе с тем сиюминутное существование данного Кобба Андерсона полностью зависело от того, будет ли получать Мистер Морозис вдоволь электричества и останутся ли его чипы исправными. Они двое были нерасторжимы как сиамские близнецы. Он и машина, которая желала познать Бога.

– Послушай, – наконец прервал молчание Кобб. – По-моему, было бы глупо пускаться в погоню за «малышами-шутниками» не перекрасив сначала грузовик. Даже если не принимать во внимание копов, которые в любой момент могут нас прищучить, стоит подумать о Берду, который заметит нас за пару кварталов. Предлагаю свернуть с шоссе и разыскать местечко, где можно будет не привлекая лишнего внимания перекрасить фургон. Черт возьми, этот огромный рожок мороженного у нас на макушке можно засечь даже с самолета.

– Я согласен, поступайте как знаете, – покорно отозвался Мистер Морозис. – Доверяю решение этого вопроса вашему более богатому опыту в криминальной сфере человеческого общения.

На следующем же перекрестке Кобб свернул на дорогу, ведущую на север.

Вокруг, среди множества змеящихся ручейков, зеленела разнообразная растительность. Между пальмами и магнолиями время от времени попадались приземистые сосенки и корявые дубки. Промежутки между сражающимися за свое существование деревьями заполняли кусты ежевики и жимолости. Бесконтрольно укоренившийся кое-где виноград методично душил своих

соседей.

Было всего восемь тридцать утра, а над дорогой уже дрожал маревом горячий воздух. Частые овраги были наполнены водяными миражами. Кобб опустил окно и подставил встречному ветру лицо. Гидрогенный движок грузовичка урчал мощно и успокоительно, хорошо укатанная дорога исправно убегала под колеса.

Дикие неухоженный кучки растительности сменились сельскохозяйственными угодьями, просторными пастбищами с группками скота. Коровы, утопая по колено в траве, сонно пережевывали цветы. Тут же по полям бродили и, шумно хлопая крыльями, перелетали с места на место белые цапли, поднимая в воздух тучи насекомых, от которых вяло отмахивались волоокие коровы. Издалека цапли были похожи на маленьких безруких старичков.

Через несколько минут после очередного поворота дороги по обочинам замелькали амбары. Место, состоящее из десятка домов, магазинчика, элеватора, заправочной станции и каланчи, называлось Парселл. Кобб свернул к уютно укрытой в тенистой сени деревьев заправке, под облезлой вывеской которой красовалась намалеванное от руки объявление: «Починка машин и замена шин».

Рядом с колонками на асфальте лежал трехногий пес. При появлении белого фургона животное с трудом поднялось и несколько раз глухо гуф-гуфкнув, ухромало восвояси. Четвертая нога псины заканчивалась культей, замотанным в окровавленные бинты обрубком.

Кобб открыл дверцу машины и выбрался наружу. Из дверей гаража появился позевывающий человек, облаченный в заляпанный маслом белый комбинезон. У человека были песочного цвета волосы, розовые горящие на солнце оттопыренные уши и толстые губы.

– Грузовичок «Мистера Морозиса», так-так, – изрек механик и без лишних слов вставил носик шланга в гидрогенный бак. В баке фургона находился свернутый в неплотный рулон металл, который мог абсорбировать несколько сот литров газа.

– Мороженного дашь?

– Я пустой, – отозвался Кобб. – К тому же я этим делом не занимаюсь.

Я купил грузовик у одного разорившегося мороженщика.

Механик выслушал сказанное молча, внимательно оглядывая тощую фигурку Кобба и всматриваясь в его крысиное лицо.

– Значит купил?

– Купил, – твердо ответил Кобб. – В Кокосах. Парень прикрыл

свой бизнес к чертям. Сам-то я торгую мясом и такой грузовичок мне будет в самый раз.

Механик хлопнул ладонью по баку, вытащил заправочный пистолет и закрутил крышку бака. Он был загорелым, с сеткой хитрых белых морщинок вокруг глаз. Снова повернувшись к Коббу, он пристально посмотрел на него, лукаво улыбаясь.

– По мне, на мясника ты не очень похож. Больше всего ты напоминаешь мне прохвоста, который упер где-то грузовик.

Словно подводя итог своему наблюдению, механик улыбнулся шире, показав редкие зубы.

– Я, конечно, могу и ошибаться… Кроме гидрогена еще что-нибудь нужно?

Хозяин гаража был сметлив и явно шел на контакт. Кобб решил рискнуть.

– По правде говоря… я собирался перекрасить грузовик. Я уже устал доказывать каждому встречному-поперечному, что он мой.

– Могу себе представить, – со значением отозвался человек с песочными волосами. – Если ты загонишь малышку на задний двор, я все обстряпаю в два счета. Подготовка и покраска встанет тебе в штуку баксов.

* * *

За два часа, которые потребуются для такой работы, цена была заломлена более чем непомерная. Парень решил, что грузовик ворованный и решил на этом сыграть.

– Идет, – легко ответил Кобб, встретившись с испытующим взглядом хозяина гаража. – Но хочу предупредить: шутки шутить со мной не стоит.

Механик обнажил свои редкие кривые зубы в новой широкой улыбке.

– Какой цвет желаете?

– Черный, – ответил Кобб, внезапно испытав огромное облегчение. – Но сначала нужно будет снять с крыши этот проклятый рожок.

Он снова забрался в кабину, и уминая чахлую траву, медленно заехал на заваленный всяческим механическим хламом задний двор гаража. Механик, пятясь, показывал дорогу.

– Этот может обмануть, – заметил внутри головы Кобба чуть встревоженный голос Мистера Морозиса.

– Ничего, – успокоил машину Кобб. – Копов он позвать не успеет, потому что я глаз с него не спущу. А шантажировать и

требовать больше денег он вряд ли решиться.

– После покраски нужно будет убить его и съесть его мозг, – быстро проговорил Мистер Морозис.

– Это не единственный способ решения проблем между людьми, существуют и другие, – ответил Кобб, выбираясь из кабины наружу. После некоторой практики он научился говорить с Мистером Морозисом почти не открывая рта, как заправский чревовещатель.

Механик уже держал наготове отвертку и пару универсальных гаечных ключей. Не прошло и десяти минут, как с помощью Кобба он снял с крыши пластиковый рожок. Рожок был сброшен с крыши и пал своим тупо улыбающимся лицом в сорную траву рядом с ржавыми останками мотоцикла. После непродолжительной совместной работы между механиком и Коббом начала развиваться некоторая взаимная симпатия.

Механик представился. Его имя было Джоди Докес. Кобб, решив спутать следы, отрекомендовался как Берду. Они вместе сходили в гараж за краской и пульверизатором с компрессором. Вопрос денежного расчета Кобб решил просто – перед началом покраски он разорвал тысячедолларовую купюру пополам и передал Джоди только одну половину.

– Вторую половину я отдам тебе, когда буду уезжать, – сказал при этом Кобб. – Не раньше.

– Мы понимаем, – с умным смешком отозвался Джоди.

Сначала грузовик пришлось помыть. После этого его шины, фонари, фары и окна были закрыты газетой, а все остальное было опрыскано из пульверизатора черной краской. На жаре краска высыхала мгновенно. Не успели они закончить окраску по первому разу, как уже можно было приступать ко второму.

Перекраска грузовичка заняла все утро. Время от времени подавал голос трехногий пес, и при этом Джоди приходилось опускать краскопульп и разбираться с клиентами. Все это время холодильная установка Мистера Морозиса продолжала работать, черпая энергию из гидрогенного бака. Джоди поинтересовался, зачем гонять в грузовичке холодильник, если там нет мороженного, на что Кобб резковато заявил, что если Джоди хочет получить вторую половину тысячедолларовой купюры, то должен оставить свои вопросы при себе.

Они закончили покрывать грузовичок краской по второму разу за пять минут до того, как на пожарной каланче Парселла сирена возвестила о наступлении полудня.

– Хочешь перекусить, Берду? – спросил Кобба Джоди, ткнув отставленным большим пальцем себе через плечо в направлении гаража. – У меня есть сандвичи.

– Само собой, – отозвался Кобб, махнув рукой на тот факт, что после трапезы ему придется вытряхивать пережеванный хлеб и ветчину из своего пищевого контейнера. Еда по-прежнему доставляла ему удовольствие. – От пива тоже не откажусь.

– Да ты че! – довольно воскликнул, очевидно имея в виду сказать. что-то вроде полный вперед, Джоди, с которым к тому времени Кобб уже был неразлей-вода. – Пивко организуем без проблем.

Они с аппетитом перекусили. Сильнее чем обычно Коббу хотелось заглянуть под черепушку механика. Мысль о том, чтобы основать новый религиозный культ внезапно снова пришла ему в голову.

От бутербродов и пива во рту был отличный вкус. За едой они уговорили шестибаночную упаковку светлого. Несмотря на протесты Мистера Морозиса, Кобб активировал подпрограмму «ОПЬЯНЕНИЕ» и тройку раз нюхнул левой ноздрей, по числу выпитых банок. Захмелев, Джоди предложил Коббу купить у него за две сотни долларов новые номерные знаки и карточку регистрации, оказавшиеся у него совершенно случайно.

Кобб наслаждался возможностью нового для себя общения. В своем старом теле ему ни за что не удалось бы вот так запросто поболтать с гаражным механиком. Теперь же, спрятавшись за крысиной физиономией пройдохи, увенчивающей тощее тело Торчка, Кобб чувствовал себя в атмосфере гидрогенной станции как дома, так же, как когда-то в исследовательской лаборатории.

Между делом он бесшумно поинтересовался у Мистера Морозиса, возможно ли придать мерц-покрову облик женского тела. Опыт такого перевоплощения мог оказаться интересным. Воистину жизнь впереди была прекрасной и удивительной!

После ленча они поменяли у машины номерные знаки. Кобб отдал Джоди вторую половину купюры и добавочные двести долларов. Рассчитывая сохранить в механике интерес и заставить его хранить молчание, Кобб намекнул, что если дела пойдут хорошо, он может появиться через несколько месяцев с еще одной требующей перекраски машиной.

– Да ты че! – снова проорал Джоди. – Счастливо!

Взяв курс на восток, мимо коров и прочего, Кобб покинул Парселл.

– Нужно было съесть его мозг, – плотоядно заявил Мистер Морозис. – Хороший механик на дороге не валяется.

Кобб ожидал услышать что-то вроде этого. Прозвучавшее следом его тоже не удивило.

– Почему мы едем на восток? Мир Диснея находится не там. Мне нужен Берду!

– Мистер Морозис, – так начал Кобб. – Мне нравится мое новое тело.

Основу вашего плана я тоже поддерживаю. Все происходящее со мной есть логический шаг в эволюции людей. Но массовые убийства до добра не доведут.

Есть лучший способ, при помощи которого можно заставить людей копировать мозг добровольно. Я хочу основать новый религиозный культ!

В голове Кобба надолго повисла звенящая тишина. Наконец Мистер Морозис подал голос.

– Должен предупредить вас, Кобб. Свобода вашей воли выражается в том, что ваши мысли я контролировать не могу. Но ваше тело принадлежит нам обоим.

При определенных обстоятельствах я могу отключить…

– Прошу тебя, перестань, – оборвал машину Кобб. – И внимательно выслушай мой план. Ты ведь единственный боппер на Земле, верно?

– Да, это так.

– А я единственный манипулятор, имеющийся в твоем распоряжении?

– Да. Остается надежда на то, что теперь, когда Муни не стало, охрана космопорта снова будет ослаблена. В течение следующих двух лет мы планировали переслать на Землю около тысячи манипуляторов и несколько передвижных установок со старшими бопперами. К сожалению, в настоящее время этот план… отложен. У нас есть некоторые… затруднения на Луне. Как только ситуация снова стабилизируется, я снова продолжу сбор и копирование мозговых единиц…

– Значит, на Луне началась гражданская война? Не нужно от меня ничего скрывать, – взволнованно заторопился Кобб. – Нам может не поздоровиться, Мистер Морозис! Нужно прорываться в космопорт…

– Для установления радиоконтакта с Луной необязательно ехать в космопорт. У меня имеется собственный передатчик и я могу в любой момент получить прямую связь с БЭКС, который состыкован сейчас со станцией «Риф».

– Передатчик душ, – задумчиво пробормотал Кобб. – Звучит неплохо.

Наш Девиз: Научное Бессмертие.

– О чем это вы?

– О новой религии! Мы придумаем свою Библию, напишем молитвы, организуем служение… заставим всех поверить, что ты есть машина для отправления душ страждущих на Небеса. В некотором смысле это так…

– Не слишком ли сложно? К чему предпринимать лишние ходы, когда можно действовать так же, как когда-то Фил? Ловить людей, разрезать их на части, а потом…

– Послушай, Мистер Морозис, насколько я понял, мы теперь партнеры.

Если с грузовичком что-то случится, меня не станет. Не думаю, что ты до конца понимаешь, как сурово в человеческом обществе относятся к убийцам и каннибалам. В отличие от того, что происходит у вас на Луне, у нас здесь не анархия, а полицейское государство, так сказать. Если мы с тобой собираемся протянуть до тех пор, пока БЭКС не заявится сюда с настоящими силами, нам нужно сидеть тихо и если играть, то осторожно.

Кобб почувствовал, как у него по спине побежали мурашки. Достаточно было только подумать о том, что могло случиться! Что если он не сможет вовремя заправить грузовик, если полиции вздумается задержать его для проверки личности, если сломается холодильник… Он улитка с десятитонным панцирем, вот кто он! Снежок в аду!

– Нам нужно завести охрану, – торопливо заговорил Кобб. – Нам нужно завести помощников, нам нужны деньги, для того чтобы гидрогенный бак был всегда полон. Думаю, нам нужно также построить тебе наследника. Сделать копию твоего процессорного блока. Мы заставим своих последователей покупать для нас детали в компьютерных магазинах. Тебе нужно понять, что жизнь на Земле сложнее и опаснее чем на Луне.

– Хорошо, – наконец отозвался Мистер Морозис. – Я согласен. И куда же мы отправимся сейчас?

– Обратно к побережью, – ответил Кобб. – Я знаю местечко к северу от Дайтона-Бич, где можно отсидеться. И потом… мне нужно сделать новое лицо.

Что-нибудь внушающее уважение и доверие.

Глава 25

С похорон отца Торчок направился прямиком в Дайтона-Бич. Он снова работал таксистом. Его мать Беа решила продать дом и переехать на север, подальше от жмуриков. После смерти мужа она возненавидела старичье люто… и никто не мог ее за это винить! Ее муж заглянул в дом Кобба Андерсона для обычной проверки и был разорван взрывом в клочья! За что его убили? Да просто за то, что он хотел честно выполнить свою работу. Он погиб, исполняя свой долг!

По убийству Муни было начато расследование, но взрыв оставил после себя мало улик. Не было найдено ни кусочка неорганической ткани, на основании которого можно было бы подтвердить гипотезу робота-двойника. Торчок рассказал властям обо всем, что знал. Он до сих пор не мог решить, на чьей он стороне.

Он забрал из родительского дома несколько отцовских полотен на темы космических баталий и развесил их в своей конуре в Дайтона. Ему посчастливилось и его снова взяли на работу в таксомоторный парк, определив в ночную смену. Его клиентами по большей части теперь были пьяницы и шлюхи, которых ему приходилось развозить по отелям. Мрак. И тоска зеленая.

Он снова подсел на наркотики. Довольно скоро он уже курил, нюхал, ширялся, прыскался и торкался вовсю, спуская на это все свои деньги. Колеся по ночам сквозь улицы одномерного города, Торчок мечтал и строил планы, выдумывая себе самое невероятное будущее.

Он снимет фильм о таксистах. Напишет книгу о бопперах. Нет, черт, он придумает из всего этого песни!

Он выучится играть на гитаре и соберет группу. На хрен учебу! Он достанет себе новый «Плащ Счастья» и заставит его двигать своими пальцами, дергать за струны. Вот что ему нужно: «Плащ Счастья»!

Если бопперы откажутся пойти ему навстречу, он пригрозит им рассказать всю правду о «малышах-шутниках» и об операционных на Луне. Две смерти уже на лицо – его отца и Андерсона – так что полиция живо их прищучит!

А когда он разбогатеет, то отправится на Диски и устроит там военный переворот. Бопперы выберут его своим королем. Он ведь уже помогал кротам взорвать ГЭКС. Он возглавит восстание кротов и приведет их к победе! Король Луны Торч Первый!

Оставалась одна загвоздка – прямо сейчас связаться с

бопперами не было никакой возможности. Копы упустили грузовичок Мистера Морозиса, никого из «малышей-шутников» по описанию Торчка найти не удалось. БЭКС и Мисти ближе станции «Риф» к Земле не подходили. О том, чтобы кто-то заказывал с Диски частные переговоры, Торчок никогда не слышал. Нужно было найти способ связаться с бопперами. Но как? Решение было очевидным – необходимо прославиться и стать известным, так, чтобы бопперы заметили его!

Круг за кругом, ночь за ночью, Торчок полировал шинами своего такси улицы постепенно становящегося ненавистным Дайтона… В одну из ночных смен какой-то пьяница забыл в его кабине свой бумажник. В бумажнике было две тысячи баксов, не больше не меньше. Торчок забрал себе деньги и уволился с работы. Ему было необходимо свободное время чтобы подумать!

Он купил себе ящик баллончиков с аэрозолем «Зет»… хорошенько прочистил мозги… и принялся слоняться по городу дни напролет. Он жевал гамбургеры, пил пиво в барах, слушал музыку, часами простаивал у игральных автоматов, цеплял девчонок. Старательно поддерживая в себе бодрое настроение и оставаясь все время на виду, он ожидал прихода озарения, надеялся, что со дня на день с ним что-то случится и его жизнь пойдет по-новому. В тот день, когда у него кончились деньги, его ожидания наконец сбылись.

Заправившись «Зетом», он подпирал стенку в игровой аркаде «Хидео-Натс» и рассматривал свою обувь. Его ботинки действительно были хоть куда. Две темные параболы на желтом фоне, с плавным переходом в трехмерность из-за простроченного ранта. Он только что поставил в музыкальном автомате свою любимую песню. Ему хотелось кричать, пронзительно орать: «Вот он я и я торчу! Я Торчок, король головсерферов!»

Над ним в затянутых в металлическую сетку динамиках мерно пульсировала жесткая музыка. Прищурившись, можно было разглядеть ноты, которые вылетают из динамиков наружу с каждым ударом ритма. Торчок хихикнул, представив себе текущую по проводам бесконечную вереницу маленьких белых ноток, похожих на мышей, продвигающихся по пищеводу удава. Черт, вот это он действительно придумал!

С приклеенной к лицу улыбкой, слегка покачиваясь из стороны в сторону, Торчок обвел расширенными глазами аркаду перебирая пальцами аккорды на невидимой электрогитаре. Играть он не умел, но это ничего не значило, музыка была у него в крови… а когда музыка у тебя в крови, ты не можешь не играть… ого, а вон там появилась совсем неплохая белокурая крошка! Торчок взглянул на девушку и пустил рифф вдоль грифа

своей воображаемой гитары.

Растянув резиновые губы в широкой улыбке, он кивнул девице.

Приветливо улыбнувшись в ответ, девушка направилась в его сторону, колыхаясь в блеске огней аркады словно рыбка в подводном царстве. Ухватим эту рыбку за хвост. Девушка тряхнула головой и отбросила за плечи волосы так, чтобы стали видны созданные загаром узоры у нее на шее и щеках.

– Привет, серфер! А здесь классное местечко, да?

Девчонка снова тряхнула волосами и рассмеялась долгим, понимающим смехом.

– Меня зовут Вэнди.

Торчок извлек из гитары несколько заключительных пронзительных аккордов и вскинул руки.

– Ты говоришь со знаменитым Торчем Муни, киска. У меня есть сосиска, а у тебя булка, сложим их вместе, перекусим и познакомимся близко.

В течении последних, прошедших под знаком «Зет», недель, его рэп немного поувял.

– Ты из музыкального клуба? – спросила его Вэнди, продолжая улыбаться. А парень не такой уж душка, каким казался в своем углу. Хуже того, было похоже, что он уже съезжает с катушек.

– Само собой… то есть, я хотел сказать, почти.

«А девчонка-то какая-то потрепанная, – подумал он. – Шлюха?»

– А ты чем занимаешься?

– Ох, я просто тусуюсь… вечеринки… жгем машины… – Вэнди прикидывала свои шансы разжиться на этом задохлике. До рассвета, до возвращения в храм, она должна любым способом раздобыть пять сотен баксов.

Торчок заметил сомнение в глазах Вэнди. Она была первой девчонкой за весь день, с которой ему удалось поговорить. Нужно ловить эту рыбку и как можно быстрее.

– Хошь нюхнуть? – спросил он, вытаскивая их кармана аэрозоль.

– Было бы классно, – ответила Вэнди, снова встряхивая волосами.

Торчок передал девушке баллончик и та быстро вдохнула короткую струйку газа.

Забрав у Вэнди «Зет», Торчок вмазался как следует, наверное на половину остатка. Гонги загрохотали в его ушах, пол под ним слегка покачнулся и он рассыпался мелким горловым визгливым смешком серферов: «хвик-хвик». Вэнди взяла из его руки аэрозоль

и сделала себе еще одну ингаляцию. Через несколько секунд они снова уже нравились друг другу.

– Хочешь во что-нибудь сыграть? – спросил Торчок, широким жестом обводя внутренность аркады.

– Я хорошо умею в «Райский Сад», – отозвалась Вэнди.

– Класс…

Торчок опустил свою последнюю пятидолларовую монету в щель игрального автомата. Рассвеченный разноцветными лампочками прямоугольный ящик ожил и издал утробный добро-пожаловать-в-мой-кошмар звяк.

– Я возьму на себя кнопки толкателей, – сказала Вэнди, занимая свое место перед машиной.

Торчок не возражал. В электробильярд он был игрок совсем никакой. Сжав в кулаке рукоятку управления, он дал старт.

Маленький серебристый шарик как пуля вылетел из селеноида и подхваченный магнитным полем вступил в игру. Торчок направил ружье на шарик и послал его в сторону первой мишени.

И промазал – шарик исчез в ловушке… во рту сияющей маленькой Шивы.

Вэнди крякнула от досады. Прикусив язык, Торчок выдал второй шар.

На этот раз он решил не рисковать и отослал шарик к ближайшему толкателю. Пускай девчонка сама разбирается. А Вэнди знала свое дело туго… ловко перекинув блестящий шарик между двумя толкателями, она точным броском запустила его в длинный ряд тумбочек-мишеней набирать очки.

– Круто, – выдохнул Торчок. Они следили за носящимся между тумбочками шариком как завороженные, машина не уставала мигать лампочками и подавать звонки. Для того чтобы получить Главный Приз первого уровня, нужно было поразить пятнадцать мишеней. Вэнди двумя бросками поразила сразу пять.

Выбравшись из лабиринта, шарик полетел к ловушке, но Торчок успел вовремя пальнуть в него из ружья и изменить направление. Вэнди снова принялась жать на кнопки толкателей как заводная.

На этот раз она играла долго, наполняя помещение аркады пронзительным звоном выигранных призов. Собравшись, Торчок несколько раз стрелял по шару, пытаясь загнать его в одну из лунок с денежными призами, но тот огибал выигрышные лунки словно заговоренный, пока наконец снова не исчез в ловушке.

– Ты когда-нибудь прежде играл в эту игру? – осторожно спросила Торчка Вэнди, перед тем как он запустил в игру последний шар.

– Извини, я сегодня немного не в форме.

– Ничего страшного. Ты хорошо стреляешь. Но теперь жми, пожалуйста, на курок только тогда, когда я тебе скажу… идет?

– Я нажму тогда и туда, куда ты попросишь, детка.

Торчок дал старт и одновременно погладил упругую попку девушки, уверенный в том, что та не станет отвлекаться и отпихивать его руку. Вэнди даже бровью не повела… только прижалась животиком к панели машины и коротко скомандовала:

– Стреляй.

Торчок придавил пускатель и последняя игра началась. Вэнди жала кнопки на боках у машины, вполголоса отдавая Торчку команды. Вниз, дальше, внимание, передай мне, стреляй, пускай низом… Они поразили все мишени и взяли все призы на первом уровне. После этого пошла настоящая работа – один за другим они начали выбивать призы верхнего уровня. Ловушки проносились мимо шарика, щелкая челюстями, но Вэнди, проявляя чудеса ловкости, уклонялась от всех. Палец Торчка устал жать на курок.

От машины на всю аркаду шел звон и бряк, вокруг них собралось несколько зевак, чтобы поглазеть на невиданное чудо. Скорости нарастали, углы сужались, пальба шла беспрерывная…

– О Господи, – прошептала Вэнди, – вот и Золотой Приз. Давай влево, Торч.

Ругнувшись, он пустил шар по косой. Серебристое ядрышко молнией мелькнуло между двумя ловушками и влетело в золотую лунку. Машина издала могучий ЗЗЗВВВЯЯЯКККК и выключилась.

Торчок нажал на курок. Никакой реакции.

– Что такое…

– Мы выиграли! – взвизгнула Вэнди. – Мы разделали железку под орех!

Пошли брать деньги!

– Но я думал, что нам причитается только… – Торчок открыл дверцу лотка в брюхе машины. В лотке лежали пять купонов на бесплатный обед в Макдональдсе.

– И это само собой, – махнула рукой Вэнди. – Но за выигрыш полагается пять сотен долларов. Это специальное правило Дайтона-Бич.

Вслед за Вэнди Торчок молча подошел к кассиру, а оттуда на улицу. На Вэнди был блестящий урезанный до предела комбинезон в обтяжку (только шортики да лифчик-нагрудник) и босоножки на ремешках, высоко оплетающих ногу. На улице она странно заторопилась. Торчку пришлось перейти на бег, чтобы догнать ее. Похоже было на то, что девчонка пытается кинуть его.

– Куда это ты так заторопилась, Вэнди? Сбавь-ка ход!

Половина денег мои!

Торчок схватил девушку за коричневую загорелую руку чуть выше локтя.

– Пусти! – девчонка рванулась и высвободилась. – Это не твои и даже не мои деньги. Эти деньги принадлежат Душеспасителям. Так что – пока!

Даже не взглянув на Торчка, Вэнди зашагала дальше по тротуару.

– Эй ты, шлюха! – зло заорал Торчок. – Вот что, значит, тебе было нужно! Ты заработала положенные за ночь деньги и теперь торопишься отдать их своему сучонку-сутенеру, чтобы потом завалиться спать!

Он снова догнал Вэнди и опять схватил ее за руку, на этот раз крепко.

– А ну, гони мои двести пятьдесят!

Вэнди расплакалась. Здорово играет, ничего не скажешь!

– Я не п-п-проститутка. Пойми, я должна принести эти деньги Душеспасителям. Нам нужны деньги, чтобы покупать детали к компьютерам. Мы помогаем душам людей попасть в Рай.

Компьютеры? Души? Наконец что-то знакомое!

– Можешь оставить деньги себе, – великодушно сказал Торчок, но руку Вэнди не отпустил. – Но за это ты должна будешь взять меня с собой. Я хочу узнать, кто такие эти Душеспасители.

Вэнди подняла голову и заглянула ему в глаза, пытаясь понять, что он задумал.

– Ты в самом деле хочешь пойти со мной? Ты хочешь спасти свою душу?

Душеспасители – это новая религия, неужели ты ничего не слышал? Там все очень серьезно.

Торчок приблизился лицом к лицу девушки, стараясь определить, кто она… потом он быстро спросил.

– Ты робот?

– Нет, – Вэнди потрясла головой. – Я еще не заслужила спасения души.

А вот Мэл – да. Мэл Нэст. Он глава нашей общины. Хочешь с ним встретиться?

– Конечно, хочу. Я питаю склонность ко всему механическому, когда-то у меня даже была любовница-боппер. Где находится твой храм, далеко?

– Сорок километров. В здании старого Морского Цирка…

– И ты пришла оттуда пешком?

– Обычно я дожидаюсь пяти утра. В пять из храма приезжает мистер Нэст и забирает нас. Парни торгуют на улицах, а девочки зарабатывают кто как умеет. Если кому-то удается собрать пять

сотен долларов до пяти часов утра, при желании он может возвращаться в храм самостоятельно. У тебя есть машина или мотоцикл?

Гидроген-мотоцикл Торчка давно канул в лету. Он не видел своего двухколесного друга с тех пор, как оставил его прикованным цепью перед входом отеля Лидо. После этого была Мисти и «малыши-шутники»… Кокосы и Луна и все остальное-прочее. Сколько времени прошло с тех пор – месяца два? Похоже, его снова начинает вовлекать в водоворот событий.

– Я достану машину, – ответил Торчок. – Я ее угоню.

– Вот здорово, – воскликнула Вэнди. – Мэл обрадуется, если ты отдашь машину общине.

Легче сказать, чем сделать! В Дайтона давно перевелись дураки, которые оставляют в зажигании ключи. Внезапно Торчок понял, где ему достать «колеса». Он угонит свое собственное такси.

– Вэнди, жди меня у Макдональдса. Я вернусь с машиной через полчаса.

До таксопарка было рукой подать. В стеклянной будке диспечера торчал Мелли, обычная ночная вахта. Окинув взглядом стоянку, Торчок с удовлетворением отметил, что номер 11, его такси, стоит на положенном месте и еще не нашло себе нового хозяина.

– Привет, Мелли, ленивый ты сукин сын, хватит спать и давай сюда ключи.

Лучшая защита, как всегда, нападение.

Мелли глянул сквозь стекло, при этом на его лице двинулись только глаза.

– Мать твою, Муни. Ты что себе вздумал – то увольняешься, то заявляешься обратно. Так не пойдет. Кроме того, куда тебе за руль, ты ж ничего не соображаешь. Давай, вали отсель.

– Ну что ты, папа-дорогуша, прекрати. За понюшку отдам те душу. Я ж уже песок на пляже ем. Пусти покататься, и я отстегну тебе десять процентов.

– Двадцать, – ответил Мелли и протянул ключи. – И если снова выкинешь номер, больше чтоб я тебя здесь не видел. Я не для того живу, чтобы ты мог постоянно ходить под кайфом.

Торчок схватил ключи.

– Если б на самом деле это входило в твои обязанности, ты б давно надорвался. Жить или умирать, лишь бы заторчать.

За прошедшие десять дней он успел соскучиться по своей «номер одиннадцатой». В парке так и не сумели найти для его машины водителя, и потому в кабине еще можно было найти следы его, Торчка, пребывания.

Над головой на крышу он наклеил ложное окошко с облаками, на заднее стекло – череп с красными лампочками в глазах, пол застелил ковриком из синтетического ворса… Все было на месте, даже его магнитофон. Он уволился с работы и забыл забрать из машины свой кассетник – вот уж действительно до такого нужно было доторчаться!

В машине он оборудовал скрытый микрофон, для того чтобы записывать свои мысли и разговоры с пассажирами. Машина завелась с полоборота, и уже через полминуты он катил по улице, с улыбкой вспоминая то, что он вытворял со своим магнитофоном. Он клеил девчонок, выдавая себя за секретного агента.

Магнитофончик и потайной микрофон производили на девиц впечатление. Чудное слово, агент. Аг-Гент. А.Г.Н. Интересно, сколько очков набрали в этом сезоне А.Г.Н.?

Он так замечтался, что едва не проехал мимо прогуливающейся перед Макдональдсом Вэнди. Снова оказавшись в машине, он автоматически придался мечтам, работая рулем и передачей автоматически. Но Вэнди появилась прямо перед ним – блондинка в тугом блестящем комбинезончике. Лакомый кусочек.

Такую было трудно не заметить.

Торчок свернул к тротуару, и Вэнди забралась на заднее сидение.

– Номер 11, – раздался в динамике голос Мелли. – Вызов на 13 километре.

– Я только что взял пассажиров. Два джентльмена едут в Кокосы.

– Бери с них по загородному тарифу, – потребовал Мелли. – Когда поедешь назад, сразу же отложи мои деньги. Запомни, двадцать процентов.

– Заметано.

Торчок вырубил передатчик.

– Где ты раздобыл такси? – спросила Вэнди, ее глаза были расширены от удивления. – Замочил водителя?

– Ошибочка, – Торчок указал на магнитофон. – Видишь кассетник?

– Ну и что?

– Это мой. Я таксист, и это моя машина. Если мне понравится в вашем Морском Цирке, я подарю Душеспасителям мое такси и останусь. Если нет, мне придется оплатить проезд до Кокосов и обратно из собственного кармана.

Давай, иди ко мне вперед.

Вэнди перебралась через сиденье и уселась рядом с Торчком. Он сбросил газ, опустил окна, и они поделили остаток «Зета». Как

приятно было снова оказаться за рулем. Торчок представил себе машину в виде маленького паровозика, катящегося по рельсам узкоколейки сквозь ночную пальмовую рощу.

Глава 26

Старый Морской Цирк был закрыт в 2007 году, после того как ураган наполовину разрушил это сооружение. С тех пор все, кто хотел полюбоваться на ритуальное унижение дельфинов, должен был ехать в Мир Моря. Видение темного здания Цирка, находящемся на береговом шоссе 1А, возникшее перед ними внезапно, как дом с привидениями, застало Торчка врасплох.

– Сворачивай к океану, – сказала ему Вэнди. – Въезд там. Чтобы с шоссе заметно не было.

– Слушаю, мадам. С вас за все про все две палки и один отсос.

– Пожалуйста, Торч, будь серьезным. Не всякий может стать членом секты Душеспасителей. Ты должен себя прилично вести.

– Я постараюсь был нежным, детка.

Позади цирка оказалась небольшая парковка. Торчок поставил такси рядом с симпатичным новеньким красным «Седаном». На другой стороне парковки одиноко грустил старый битый-перебитый черный грузовичок. Шумел ветер, грохотал прибой. Выбравшись из машины, они пересекли бетонную площадку и подошли к ржавой двери черного хода, которая была распахнута настежь. Внутри за проемом двери стояла сплошная темень, хоть глаз коли.

– Мэл! – неожиданно крикнула Вэнди, да так пронзительно, что у Торчка заложило уши. – Я приехала. У меня тут новенький. У него своя машина.

Внутри в коридоре послышались шаги и вскоре на пороге появилась маленькая суетливая фигурка. Незнакомец был ростом и сложением под стать Торчку. Вот только голова… голова человека была большой и круглой, слишком большой для такого хрупкого тела. Издали вышедший из Цирка напоминал привязанный к концу бечевки воздушный шарик.

– Мэл Нэст, – представился незнакомец, резко протягивая вперед для пожатия руку. Его голос был глубоким и проникновенным, с отголосками умудренности жизнью, с легким западноевропейским акцентом.

– Рад встрече. Как твое имя?

– Я никто, – ответил Торчок. – Мистер Никто Ниоткуда.

– Да не слушай ты его, Мэл. Его зовут Торч, мы уже познакомились. Он сказал, что любит бопперов. Он даже жил когда-то с одной из них, прости Господи.

Голос Вэнди дрожал, когда она с трепетом давала Торчку эти жалкие, местами слабоумные рекомендации. Но Мэл Нэст только приветливо улыбнулся.

– Любить недостаточно, Торч. Нужно жить праведно. Не уверен, что ты сможешь подниматься вовремя по утрам. Пожалуйста, входите.

Голова мистера Мэла Нэста повернулась словно глобус на оси, вслед за головой повернулось и тощее тело. Друг за другом, возглавляемые Нэстом, они прошествовали по темному сырому коридору, в конце которого, за дверью, оказалось помещение без окон.

Помещение была квадратным, с большими прямоугольными проемами на каждой стене, очевидно одно из прежних обиталищ морских зверей. Стекла из проемов были выбиты и убраны, а сами проемы превращены в проходы. Не останавливаясь, Нэст прошел к дальнему концу удивительного зальца и открыл еще одну дверь.

Перед дверью на стене висела треснувшая табличка с надписью крупными буквами «ОСЕТР» и ниже мелкими: Acipencer sturio.

Внутри маленькой комнатки было несколько легких стульев, книжные полки и письменный стол, заваленный бумагами.

– Это мой кабинет, – пояснил худощавый человек с огромной головой. – Вэнди, теперь оставь нас, пожалуйста. Нам с мистером… Торчем, нужно поговорить.

Повернувшись к Торчку, Нэст внезапно широко ему улыбнулся. И вроде даже подмигнул!

– Ладно, я испаряюсь, – ответила Вэнди. – Пойду спать. Вот деньги за ночь.

Она отдала Нэсту пятисотдолларовую бумажку и вышла из комнаты. Судя по всему, в одной из бывших цистерн у Вэнди была оборудована кровать. Торчок повиновался молчаливому жесту Нэста и опустился на один из стульев. Сам Нэст уселся за свое место за письменным столом. С минуту они молча рассматривали друг на друга.

– Что скажешь о моем новом лице? – наконец спросил Нэст. В его круглом лике доминировал выдающийся нос, от крыльев которого вниз бежали две глубокие подносовые складки, охватывающие полукругом чувственный рот. Рот открылся, показав ровные прямоугольные зубы.

– Одобряешь выбор или лучше придумать что-то другое?

– Зависит от того, что вы хотите, – неуверенно отозвался Торчок.

– А чего хочешь ты? – спросили его в ответ. – Что тебе нужно от бопперов?

Как говорится, вопрос в лоб. Главным в планах Торчка было добыть себе новый Плащ Счастья и с помощью него прославится. Но вместе с тем его душу снедало другое желание, более скрытое,

то такое же настоятельное – месть.

Он хотел отомстить за смерть отца, отомстить бопперам за то, что они сотворили с Коббом Андерсоном.

Он ненавидел бопперов. Но вместе с тем он любил их. Кроты… кроты помогли ему. Прогулка с Плащом Счастья на плечах и драка на фабрике были незабываемыми приключениями. Возможно, что больше всего ему хотелось вернуться обратно в Диски и принять участие в междоусобной войне бопперов, обожая и испытывая ненависть к ним одновременно.

Покуда Торчок обдумывал свой ответ, что-то странное случилось с лицом Мэла Нэста. Обвисшая кожа плотного «человека в возрасте» подтянулась, щеки подобрались, вокруг рта проклюнулась и распушилась белая борода. Внезапно Торчок обнаружил, кого он видит перед собой.

– Кобб? – охнул он. – Это ты? – губы Торчка растянулись в счастливой улыбке, которая тут же угасла. – Ты убил моего отца! Ты…

– Я был вынужден это сделать, Торч. Ты слышал, что за судьбу он мне обещал? Он говорил, что хочет добиться, чтобы меня демонтировали.

– Ну и что? Ты бы не умер от этого. Ты взорвал свое тело, мой отец погиб – и что я вижу теперь? Ты цел и невредим, а он ушел навсегда!

Прежнее горе всколыхнулось в Торчке с новой силой и голос его сорвался.

– Он был неплохим парнем. Он рисовал космические войны лучше всех, кого я знал… – речь Торчка прервалась, его душили рыдания. Прошла целая минута, прежде чем он собрался с силами и снова начал говорить.

– Я видел, что они сделали с тобой в операционной, Кобб. Они вырезали у тебя сердце, яйца и все остальное. Это было похоже на…

Лицо с противоположной стороны стола взирало на Торчка с симпатией, с проникновенным интересом. Подлинный глава нового культа.

– Твою мать! – наконец заорал Торчок, внезапно вскакивая с места и со всей силы впечатывая смачную плюху в физиономию робота. – Что толку разговаривать с железякой!

Он пребольно ушиб руку о твердую скулу Кобба, и от этого его ярость удвоилась. Торчок обежал стол кругом и навис над созданием с хорошо знакомым улыбающимся лицом.

– Сейчас тебе придет конец, поганец ты эдакий! Я по винтикам тебя разберу!

Робот начал говорить. Говорил он медленно, устало. Голосом

Кобба.

– Послушай, что я тебе скажу, Торч. Сядь, успокойся и послушай. Я думаю, что ты отлично знаешь, что выбивая пыль из робота-манипулятора, которого ты видишь перед собой, ты ничего не добьешься и вреда мне не причинишь. Мне очень жаль твоего отца, жаль, что он умер. Но смерти нет. Ты должен понять это. Говорить о смерти бессмысленно. Последние десять лет я только и делал, что боялся смерти, но теперь все стало по-другому…

– Теперь ты считаешь себя бессмертным и плевать хотел на страхи обычных людей, – горько закончил Торчок. – Но легче-то тебе от этого не стало. Хочешь ты этого или нет, но Кобб Андерсон мертв. Он умер на Луне, его не стало. Я сам это видел, и если ты думаешь, что ты – он, то просто водишь себя за нос.

Торчок опустился на свой стул, внезапно почувствовав страшную усталость.

– Если я не Кобб Андерсон, тогда кто я?

Мерц-покров на лице робота сложился в мягкую улыбку.

– Я знаю, что я Кобб. Я помню все, что должен помнить он, у меня те же самые привычки, те же самые взгляды на жизнь. Я чувствую себя прежним.

– Но ты забываешь… о своей душе, – возразил Торчок, с трудом заставив себя применить это слово. – У каждого человека есть душа, сознание, называй как хочешь. Есть особые черты, которые отличают живое создание от неживого, от компьютерной программы. Компьютеру не суждено ожить, это невозможно.

– Никто не пытается загонять душу в ячейки компьютера, Торчок. Душа находится всюду. Она везде, она само существование. Сознание есть Единственный. Единственный есть Бог. Бог есть чистое и неизменное существование.

Голос Кобба поднялся, сделался пророческим.

– Что есть человек – существование, плюс физическая основа, плюс структура мысли. Существование, плюс «железо», плюс программа. Мое существо на основе чипов ничем не отличается от того, что жило когда-то во плоти. И это еще не все.

Потенциальное бытие ничем не хуже реального бытия. Вот почему я говорю, что смерть невозможна. Твоя программа мозга существует вечно и нерушимо в виде некого вероятностного состояния, в виде особой системы математических соотношений. Твой отец ныне превратился в абстрактное, нефизическое вероятностное состояние. Но тем не менее, он существует! Он…

– О чем ты говоришь? – внезапно прервал излияния робота Торчок. – Что это? Вводный курс в теорию Душеспасения? И этой чушью ты накачиваешь парней и девчонок, которые добывают для

тебя деньги, позволяя трахать себя каждому встречному-поперечному? Кто-кто, а я тебе не поверю!

Торчок вздрогнул и замолчал – до него кое-что дошло. Этот черный фургон снаружи на парковке… это же грузовичок Мистера Морозиса, только перекрашенный. Что находится внутри этого грузовичка? Ответ прост – конечно, охлажденный мозг старшего боппера, внутри которого содержится коды памяти Кобба. Драться с манипулятором бесполезно, но можно добраться до грузовика… Весь вопрос в том, действительно ли ему это нужно. Чего в нем больше: ненависти к бопперам или любви?

– Я ощущаю исходящую от тебя враждебность, – снова заговорил Кобб. – И я это уважаю. Более того, не смотря на это, я все равно предлагаю тебе присоединиться ко мне. Мне нужен свой человек снаружи, который смог бы организовать душеспасителям широкую рекламу. Когда я стану Христом, ты будешь на роли Иоанна Крестителя. Если хочешь, можно пойти дальше: ты будешь Христом, а я Богом.

Рот робота не закрывался ни на секунду. Его лицо снова стало другим.

Теперь Торчок смотрел на самого себя.

– Этот мой самый любимый трюк, которым я использую в разговорах с новичками, – усмехнулся механизм. – Помнишь Чарли Мэнсона? «Я ваше зеркало». Хотя конечно, ты этого помнить не можешь. Тебя тогда еще на свете не было. Вот, угостись косячком.

Робот разжег самокрутку и протянул ее Торчку. Лицо Кобба снова вернулось на место.

– Знаешь, я стал очень нервным последнее время. Часто забываю держать себя в руках. Все что я сказал – правда. Ничто не исчезает бесследно.

Такого понятия, как…

– Ладно, хватит болтать и давай к делу, – заговорил Торчок, принимая косяк и с удобством откидываясь на спинке стула. – Я согласен присоединиться к тебе. Но с одним условием – мне нужен новый Плащ Счастья.

– Что это такое? – удивился Кобб.

– Ну… в общем, я никогда тебе об этом не рассказывал… это случилось со мной на Луне.

– Ты сбежал, спрятался где-то в музее. В следующий раз я встретился с тобой и твоим отцом в моем доме…

– Да, да, – торопливо перебил робота Торчок. – Я все помню. Вот послушай, как было дело. В музее я нашел штуку, которая назвалась Плащом Счастья. Этот Плащ был сделан из мерц-покрова и когда я надел его, то мог понимать бопперов и даже

разговаривать с ними, хотя и с японским акцентом почему-то. Я вместе с другими бопперами штурмовал ГЭКС. Мы ворвались внутрь, но потом фабрика опомнилась и едва не взяла верх. В последнюю минуту я взорвал ее.

Робот вздрогнул от неожиданности.

– Ты взорвал старшего боппера?

– Да. Кроты и какой-то паук-ремонтник заложили под него мину. Мне оставалось только нажать на кнопку взрывателя. После этого манипуляторы ГЭКС хотели меня схватить, но в последнюю секунду какой-то крот прокопал в полу ход и я спасся. Крот отвел меня к операционной, где я увидел тебя, точнее то, что от тебя осталось. Ральф и Хирург скопировали твой мозг, потом Хирург поключился к Ральфу и скопировал и его тоже. Крот сказал…

Лицо Кобба начала искажаться в конвульсиях, как будто он спорил с чем-то, находящимся внутри его головы. Уставившись на Торчка широко открытыми глазами, он объявил:

– Мистер Морозис требует, чтобы я убил тебя, Торч. Он говорит, что если бы ты не взорвал ГЭКС, старшие бопперы уже давно захватили бы власть.

Кобб затрясся, с трудом контролируя движения своего тела. От напряжения его голос сделался тонким и совершенно нечеловеческим.

– Я никогда не буду твоей марионеткой, Морозис. Торчок мой друг. Я сам себе хозяин.

Эти слова стоили ему огромных усилий. Глаза Кобба теперь неотрывно смотрели на охотничий нож, лежащий перед ним на столе.

– Нет! – выкрикнул Кобб и его голова дернулась. С кем именно он говорил, было совершенно неясно. – Нет, я не твоя рука. И я не твой разум.

Я твоя…

Внезапно Кобб замолчал. Черты его лица сморщились в заключительном спазме, потом разгладились снова, вернувшись к изначальному облику Мэла Нэста. Полные чувственные губы зашевелились, завершая фразу Кобба:

– … галлюцинация. Как бы там ни было, этот манипулятор и моя собственность тоже. Я временно замещаю в нем доктора Андерсона.

Нэст проворно схватил со стола нож.

Торчок вскочил со стула и вихрем вылетел из кабинета. Слыша за своей спиной топот настигающего его робота, он помчался через сухие бетонные емкости к коридору.

Дверь в коридор была открыта, и Торчок успел захлопнуть ее за собой, выиграв несколько секунд. Наружную дверь Торчок тоже

закрыл, навалившись на нее плечом и когда робот появился на парковке, он уже сидел в своей машине и лихорадочно пытался ее завести.

Не обращая внимания на бегущего к нему робота, Торчок включил сцепление, дал газ и направил машину в борт черного грузовичка. Вдавив педаль газа в пол, визжа шинами, он понесся вперед как метеор.

Робот прыгнул наперерез и, упав на капот такси, с маху разбил кулаком ветровое стекло. Торчок вжался в угол сидения, пытаясь уклониться от летящих во все стороны осколков и одновременно не свернуть с пути к черному фургону.

В момент удара скорость машины составляла около пятидесяти километров в час.

В рулевом колесе взорвалась предохранительная подушка и ударила Торчка в лицо и грудь, плотно прижав спиной к сидению. Еще через секунду машина замерла и объятия подушки ослабли. Во рту Торчка появился вкус крови. Фары разбились, все вокруг погрузилось в темноту, понять, что происходит, стало невозможно.

Кто-то бежит к его машине.

– Что случилось? Торч, это ты? Мэл?

Это Вэнди. Торчок выбрался из машины. Не обращая на него внимания, девушка склонилась над раздавленной между капотом такси и бортом черного фургона фигурой.

– Что ты сделал, Торч!

Черный грузовик пришел в движение. Дробя тело робота о капот такси, грузовик дал задний ход. Торчку показалось, что он заметил клубы пара, вываливающие из пробоины к борту фургона.

Фары фургона, кабина которого была совершенно пустой, включились.

Изломанный робот сполз с капота такси и упал на бетон, повернувшись к Торчку лицом. Слепые глаза нашли Торчка, губы механизма шевельнулись. Он сказал…

– Берегись! – завопил Торчок, хватая Вэнди и падая вместе с ней в укрытие позади такси.

С роботом-манипулятором случилось то же самое, что и с двойником Кобба в коттедже в Кокосах – он взорвался.

Не успели их барабанные перепонки прийти в себя от грохота взрыва, как они услышали доносящийся с шоссе удаляющийся рык грузовичка, мчавшегося на юг.

Глава 27

Когда Морозис перевел управление манипулятором на себя, Кобб оказался полностью отключенным от окружающего. Как и в момент первого перемещения, он испытал ощущение нарастающей дезориентации, невообразимое кружение, в которое приходили все его органы восприятия мира. Потом зрение вернулось к нему вместе с призрачным подобием рук и ног. Он вел грузовик Морозиса.

– Извините, что так вышло, Кобб. Я должен был это сделать. Я был просто вне себя от ярости. При следующей встрече я скопирую мозг этого молодого человека обязательно.

– Что случилось? – воскликнул Кобб, но не услышал своего голоса. Его зрение удивительным образом изменилось. Вместо того чтобы находиться, как и положено, в кабине, он словно бы правил машиной сидя на крыше грузовика.

Вместе с тем он явственно ощущал в своих руках руль, упруго сопротивляющийся, когда он поворачивал его вправо, а потом влево. Грузовик выехал с парковки и направился по шоссе на юг.

– Что случилось? – спросил он снова, уже спокойнее.

– Я только что взорвал мой последний манипулятор. Нам нужно найти кого-нибудь, кто позаботиться о нас. Кого-нибудь из душеспасителей, из тех, что живут в Дайтона.

– Ты взорвал манипулятор? Свой манипулятор? Но это же было мое тело! А как же свобода воли, о которой ты столько говорил?

– Все условия нашего договора соблюдены, Кобб. В ваше сознание я доступа не имею. Но манипулятор принадлежал как вам, так и мне.

– Тогда почему я вижу? Каким образом я веду машину?

– Грузовик сам по себе нечто вроде манипулятора. На крыше грузовика установлены два телеглаза, которыми я могу пользоваться. Вы видите при помощи этих глаз. Чтобы вы могли вести грузовик, я включил свои сервомоторы.

В наших взглядах появились расхождения, но я все равно доверяю вам, Кобб. Вы гораздо лучше меня водите машину.

– Поверить не могу, – взвыл Кобб. – Неужели в тебя забыли запрограммировать инстинкты самосохранения? Где была твоя выдержка? Я уже почти уговорил Торчка работать на нас, а ты словно с цепи сорвался.

– Он был одним из тех, кто взорвал ГЭКС, – спокойно ответил Мистер Морозис. – Войну на Луне старшие бопперы проиграли. Во время последнего сеанса связи на прошлой недели БЭКС

рассказал мне об этом. В Диски снова воцарилась полная анархия. Большая часть МЭКС уничтожена, все идет к тому, что разберут на запчасти ТЭКС и даже БЭКС. Но я верю, что финальное объединение неизбежно. Сейчас же дела совсем плохи…

– И что теперь? – тревожно спросил Кобб, когда Мистер Морозис замолчал. Нотки обреченности и равнодушия в голосе машины изрядно его напугали.

– Жизнь похожа на волны, Кобб. Волны набегают на пляж и отступают. В один прекрасный миг находит высокая волна, которая заплескивает за высшую линию прилива. Через некоторое время за первой высокой волной следуют другие и линия берега постепенно меняется. Большие бопперы хотели перемен. Они хотели изменить жизнь, сделать ее лучше, перевести на следующий виток. Вышло так, что нам пришлось отступить… обратно в море, в море вероятности. Но это неважно. Ты все правильно говорил этому парню. Вероятность существования ничем не хуже реального существования.

Они уже проехали пригороды Дайтона и углубились в город. Мимо них проносились огни реклам. Одним глазом Кобб «следил» за дорогой, другим обзревал тротуары, надеясь заметить там кого-нибудь из членов своей секты.

Одну из девушек, которая сейчас должна были зарабатывать деньги проституцией или парня, торгующего наркотиками. Он с трудом припоминал их лица, почему?

– Ты в курсе, что у грузовика разбит борт? – сообщил ему Мистер Морозис.

– Что ты хочешь этим сказать?

Кобб не обращал внимание ни на что, кроме двух зрительных пятен в полнейшей темноте и приборной панели грузовика.

– Твой друг врезался на своем такси нам в борт и повредил систему охлаждения. У нас утечка и температура поднимается. Она уже на пять градусов выше, чем обычно. Еще один градус – и схемы начнут плавиться. Осталось около тридцати секунд.

– На Луне есть копия моего мозга? – торопливо спросил Кобб. – Или где-нибудь еще?

– Не знаю, – ответил Мистер Морозис. – А какое это имеет значение?

Глава 28

Вэнди принесла ключи от красного «Седана», и они с Торчком поехали в Дайтона. По дороге они в основном молчали, но молчание их не было напряженным, им было о чем подумать.

Когда они снова увидели черный грузовичок, вокруг уже было полно полиции. Машина без водителя съехала с дороги, задела пожарный гидрант, перевернулась и разбила витрину винной лавочки «Красный Бык». Полицейские следили за тем, чтобы не было грабежа, и поначалу не хотели пропускать Вэнди и Торчка за линию оцепления.

– Там мой отец! – заплакала Вэнди. – Там в грузовике, должен быть мой отец!

– Пропустите мою жену! – принялся вторить ей Торчок. – Она может не успеть попрощаться с папой!

– В грузовике никого нет, – ответил им полицейский, но все-таки пропустил. – Эй, шеф, – крикнул он офицеру, – здесь какая-то парочка.

Говорят, что они знают водителя.

Офицер, подошедший расспросить подробности, оказался ни кем иным, как Экшном Джексоном. Голова у Экшна Джексона была не хуже компьютера ФБР и он узнал Торчка моментально.

– Ты сын покойного Муни! Может, ты объяснишь мне, что здесь, черт возьми, произошло?

После столкновения с гидрантом и витриной магазина прореха в борту грузовичка расширилась и теперь оттуда клубами валил испаряющийся гелий. Сам газ был невидим, но охлаждая воздух он вызывал образование мельчайших частиц льда. Кроме того, из-за появления в воздухе повышенного содержания паров гелия, голоса у всех стали на несколько октав выше.

– Там в грузовике находится мозг здоровенного боппера, – пискнул Торчок. – Старшего боппера. Из тех, что убили моего отца и пытались съесть мои мозги.

На лице Джексона появилось выражение сомнения.

– Этот грузовик пытался съесть твой мозг?

Он обернулся и крикнул своим подчиненным:

– Эй, Дон! Возьми Стива и откройте кузов грузовика! Посмотрите, что там внутри!

– Осторожно! – взвизгнула Вэнди, но дверь кузова уже открылась. Когда изморось рассеялась, стало видно Дона и Стива, которые шарили в кузове, помогая себе дубинками. Со звоном разбилось стекло.

– Черт, шеф! Здесь столько электроники, что можно запросто

открывать радиомагазин! Мы со Стивом в первый раз такое видим!

Дон махнул дубинкой и из недр грузовика донесся новый звон разбивающегося стекла.

Джексон, Торчок и Вэнди подошли посмотреть. Грузовик лежал на боку.

Внутри кузова за распахнутой дверью намерзли горы снега, как в морозильной камере. Сосуд с жидким гелием, внутри которого располагался мозг Мистера Морозиса, разбился. Среди осколков стекла и небольших сугробов снега были видны электронные платы и гирлянды чипов.

– А кто же сидел за рулем? – задумчиво спросил Экшн Джексон.

– Грузовик мог ездить сам по себе, – ответил Торчок. – Я врезался на своем такси ему в борт и пробил дыру. Наверное, система охлаждения при этом вышла из строя и он перегрелся.

– Так ты герой, парень, – весело сказал Джексон. – Завтра твое имя появится в газетах.

– Если я герой, то можно мне сейчас идти?

Пристальный взгляд, потом согласный кивок.

– Иди. Завтра зайди в участок, и я договорюсь насчет вознаграждения.

Торчок не глядя взял из разбитой витрины лавочки бутылку спиртного и вместе с Вэнди вернулся к «Седану». Вэнди села за руль, да он и не возражал.

Она поехала к пляжу, остановилась на стоянке неподалеку от воды, они вышли из машины и уселись на горячий песок. Торчок откупорил бутылку. В ней оказалось белое вино.

– Вот, держи, – он передал бутылку Вэнди. – Почему ты сказала полиции, что там в грузовике твой отец?

– А почему ты назвал меня своей женой?

– Есть какие-то возражения?

Из-за облаков выкатилась луна и посеребрила гребни волн.